

***International Scientific and Practical
Conference
“WORLD SCIENCE”***

№ 1(5), Vol.4, January 2016

**Proceedings of the IInd International Scientific
and Practical Conference
"Scientific and Practical Results in 2015.
Prospects for Their Development
(December 23 – 24, 2015, Abu-Dhabi, UAE)"**

Copies may be made only from legally acquired originals.

A single copy of one article per issue may be downloaded for personal use (non-commercial research or private study). Downloading or printing multiple copies is not permitted. Electronic Storage or Usage Permission of the Publisher is required to store or use electronically any material contained in this work, including any chapter or part of a chapter. Permission of the Publisher is required for all other derivative works, including compilations and translations. Except as outlined above, no part of this work may be reproduced, stored in a retrieval system or transmitted in any form or by any means without prior written permission of the Publisher.

Founder –
ROSTranse Trade F Z C
company,
Scientific and Educational
Consulting Group
"WORLD Science", Ajman,
United Arab Emirates

Publisher Office's address:
United Arab Emirates, Ajman

Amberjem Tower (E1)
SM-Office-E1-1706A

E-mail: worldscience.uae@gmail.com

The authors are fully responsible for the facts mentioned in the articles. The opinions of the authors may not always coincide with the editorial boards point of view and impose no obligations on it.

<http://ws-conference.com/>

Tel. +971 56 498 67 38

CHIEF EDITOR

Ramachandran Nithya,

Professor in Finance and Marketing,
IBRA College of Technology,
Oman

EDITORIAL BOARD:

Nobanee Haitham,

Associate Professor of Finance,
Abu Dhabi University,
United Arab Emirates

Almazari Ahmad,

Professor in Financial Management,
King Saud University-Kingdom of
Saudi Arabia, Saudi Arabia

Lina Anastassova,

Full Professor in Marketing,
Burgas Free University, Bulgaria

Mikiashvili Nino,

Professor in Econometrics and
Macroeconomics, Ivane Javakhishvili
Tbilisi State University, Georgia

Alkhawaldeh Abdullah,

Professor in Financial Philosophy,
Hashemite University, Jordan

Mendebaev Toktamys,

Doctor of Technical Sciences, Professor,
LLP "Scientific innovation center
"Almas",
Kazakhstan

Yakovenko Nataliya,

Professor, Doctor of Geography,
Ivanovo State University, Shuya

Mazbayev Ordenbek,

Doctor of Geographical Sciences,
Professor of Tourism, Eurasian National
University named after L.N.Gumilev

Sentyabrev Nikolay,

Professor, Doctor of Sciences,
Volgograd State Academy of Physical
Education, Russia

Ustenova Gulbaram,

Director of Education Department of the
Pharmacy, Doctor of Pharmaceutical Science,
Kazakh National Medical University name of
Asfendiyarov, Kazakhstan

Harlamova Julia,

Professor, Moscow State University of Railway
Transport, Russia

Kalinina Irina,

Professor of Chair of Medicobiological
Bases of Physical Culture and Sport,
Dr. Sci.Biol., FGBOU VPO Sibirsky State
University of Physical Culture and Sport,
Russia

Imangazinov Sagit,

Director, Ph.D, Pavlodar affiliated branch
"SMU of Semei city"

Dukhanina Irina,

Professor of Finance and Investment Chair,
Doctor of Sciences, Moscow State Medical
Dental University by A. I. Evdokimov of the
Ministry of health of the Russian Federation

Orehowskyi Wadym,

Head of the Department of Social and Human
Sciences, Economics and Law, Doctor of
Historical Sciences, Chernivtsi Trade-
Economic Institute Kyiv National Trade and
Economic University

Peshcherov Georgy,

Professor, Moscow State Regional University,
Russia

Mustafin Muafik,

Professor, Doctor of Veterinary Science,
Kostanay State University named
after A.Baitursynov

Ovsyanik Olga,

Professor, Doctor of Psychological Science,
Moscow State Regional University

EDITORIAL BOARD:

Temirbekova Sulukhan,

Dr. Sc. of Biology, Professor,
Federal State
Scientific Institution All-Russia Selection-
Technological Institute of Horticulture and
Nursery

Kuzmenkov Sergey,

Professor at the Department of Physics
and Didactics of Physics, Candidate of
Physico-mathematical Sciences, Doctor of
Pedagogic Sciences, Kherson State
University

Safarov Mahmadali,

Doctor Technical Science, Professor
Academician Academia Science Republic
of Tajikistan, National Studies University
"Moscow Power Institute" in Dushanbe

Omarova Vera,

Professor, Ph.D., Pavlodar State
Pedagogical Institute, Kazakhstan

Koziar Mykola,

Head of the Department, Doctor of
Pedagogical Sciences, National
University of Water Management And
Nature Resources Use, Ukraine

Tatarintseva Nina,

Professor, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Sidorovich Marina,

Candidate of Biological Sciences,
Doctor of Pedagogical Sciences,
Full Professor,
Kherson State University

Polyakova Victoria,

Candidate of Pedagogical Sciences, Vladimir
Regional Institute for Educational
Development name L.I. Novikova, Russia

Issakova Sabira,

Professor, Doctor of Philology,
The Aktyubinsk regional state university of
K. Zhubanov

Kolesnikova Galina,

Professor, Taganrog Institute of Management
and Economics, Russia

Utebaliyeva Gulnara,

Doctor of Philological Science, Al-Farabi
Kazakh National University

Uzilevsky Gennady,

Dr. of Science, Ph.D., Russian Academy of
National Economy under the President of the
Russian Federation

Crohmal Natalia,

Professor, Ph.D. in Philosophy, National
Pedagogical Dragomanov University, Ukraine

Chorny Oleksii,

D.Sc. (Eng.), Professor, Kremenchuk
Mykhailo Ostrohradskyi National
University

Pilipenko Oleg,

Head of Machine Design Fundamentals
Department, Doctor of Technical Sciences,
Chernigiv National Technological University

CONTENTS

ART

Абишев М. А. Ғ.ЖҰБАНОВАНЫҢ ХОР ШЫҒАРМАШЫЛЫҒЫ.....	6
Мусагулова Г. Ж. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОПЕРНОГО ИСКУССТВА КАЗАХСТАНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	9
Musagulova G. Zh. THE IMPLEMENTATION OF RECITATION IN KAZAKH EPOS.....	14

HISTORY

Икежанова Шолпан Укибаевна ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ӘЙЕЛДЕР АРАСЫНДАҒЫ САУАТСЫЗДЫҚТЫ ЖОЮ НАУҚАНЫ ТУРАЛЫ (1926-1941 жж.).....	19
Кошокова С. Я. ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКИЕ ПЕСНИ И СКАЗАНИЯ АДЫГОВ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАРОДА.....	22
Новоставский И. Н. ФАКУЛЬТЕТЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОФЕССИЙ И ШКОЛЫ МОЛОДОГО ЛЕКТОРА ВУЗОВ КУБАНИ И ДОНА КА ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	25
Салфетников Дмитрий Анатольевич ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ И ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.....	28
Салчинкина А. Р., Хоружая С. В. ТРАНСФОРМАЦИЯ МОРАЛЬНЫХ НОРМ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ 1817–1864 гг.).....	30
Турк С. Н. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ ЖЕНЩИН В ЕГИПТЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.....	34

PHILOSOPHY AND PHILOLOGY

Бабаева Ш. Б., Курбанова Н. Р. ЭКСПЕРИМЕНТ КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ.....	38
Bezukladova I. Y. THE LANGUAGE AND HUMAN COGNITIVE ACTIVITY.....	40
Lomova E. A. RECEPTION DOSTOEVSKY'S "FAMILY ISSUE" IN THE WORKS OF AMERICAN WRITERS.....	43
Миронюк В. М. СВОЄРІДНІСТЬ ХУДОЖНЬОГО ВИРАЖЕННЯ ПСИХОЛОГІЗМУ У ТВОРЧОСТІ ПИСЬМЕННИКІВ "ПОКУТСЬКОЇ ТРІЙЦІ".....	46
Semenov A. M. PHILOSOPHY OF MODERN EDUCATION AND GLOBAL SOCIAL DYNAMICS (THE SOCIAL-ANTHROPOLOGICAL ASPECT).....	50

Скобнікова Оксана Володимирівна КІНОСЦЕНАРІЙ ЯК ОБ'ЄКТ ДОСЛІДЖЕННЯ МОВОЗНАВСТВА.....	54
--	----

PSYCHOLOGY AND SOCIOLOGY

Akhmatkhanova H. H. PECULIARITIES OF PERCEPTION SELECTIVENESS IN PEOPLE WITH NICOTINE ADDICTION.....	58
Anatolii Vasilchenko, Gunay Abbasova, Larisa Derevinskaya, Darina Kashpur, Sergii Tukaiev, Igor Zyma, Youri Havrylets, Nataliia Pogorilska, Mukola Makarchuk, Volodumur Rizun THE INFLUENCE OF EXCESSIVE TV VIEWING ON PSYCHO-EMOTIONAL STATE OF YOUTH AUDIENCE.....	60

Ғ.ЖҰБАНОВАНЫҢ ХОР ШЫҒАРМАШЫЛЫҒЫ

Абишев М. А.

Қазақстан, Алматы Құрманғазы атындағы Қазақ ұлттық консерваториясы

Abstract. The article of M.A. Abishev investigates the choral work G.Zhubanova lets talk about her individual perception of this musical genre. Individual style and compositional technique G.Zhubanova analyzes on the material its choral works closely with the world view and aesthetic views of the composer.

Қазақ музыкалық мұрасында хорға арналған шығармалар ерекше орын алады. Бұл жанр өткен ғасырдан бері көптеген қазақ композиторларының шығармашылығында дамыды. Хорға арналған шығармаларға қалам тартқандардың бірі композитор, Қазақстанның және КСРО-ның халық артисі, ҚазССР Мемлекеттік сыйлығының лауреаты, профессор – Жұбанова Ғазиза (1927-1993 жж). Бүгінгі таңда Ғазиза Жұбанова шығармашылығы жан-жақты талданып та, талқыланып та бай мұрасы толық зерттеліп жатыр, соған қарамастан, композитордың хор шығармашылығын жеке зерттелуі қашан да өзекті тақырып болмақ. XX ғасырдың екінші жартысындағы отандық музыкалық мәдениетіміздің ұлы шеберлерінің бірі Ғ.Жұбанованың өнері, өз заманының маңызды әрі көркемдік идеясын игерді. Оның жеке музыкалық тілі өзіндік ерекшелігімен ерекшеленеді. Хор музыкасы саласында Ғ.Жұбанова өзінің жаңа және өте маңызды сөзі болып табылады.

Зерттеудің әдістемесі отандық музыкатану дәстүріне сүйенеді және музыкалық драматургия мен мәтіннің тығыз байланысы бар вокалдық жанрдың спецификасымен анықталады. Зерттеу нысанына байланысты вокалдық-хор шығармаларының өзіндік ерекшеліктерін айқындау мақсатымен хортану талдауына жүгіндік. Өзіндік стилі және композиторлық техникасы оның хор туындыларының композитордың дүниетанымы мен эстетикалық көзқарасымен байланысты талданды. Теориялық базасы болып фольклорист-зерттеушілердің белгілі еңбектері (А.Байгаскина, Б.Ерзакович, С.Зарухова, А.Ибрашева, С.Кузембаева, К.Темирбекова) табылды.

Ғазиза Жұбанова қазақтың қазіргі замандық музыкасының негізін қалаушы. Гнесиндер атындағы Мәскеу музыкалық училищесін, П.И.Чайковский атындағы Мәскеу мемлекеттік консерваториясын, профессор Ю.А. Шапориннің композиция класын бітірген. Жұбанова – өзін ұлағатты ұстаз ретінде танытқан тұлға. Оның шәкірттері – Е.Серкебаев, С.Кабинова, Т.Мұхамеджанов және т.б. Консерватория ректоры ретінде ол ұлттық кадрлар – музыкант-орындаушылар мен музыкатанушылардың қалыптасуына ықпал етті. Олардың бірнешеуі әлемдік атаққа ие болды. Мысалы, А.Мұсаходжаева, Г. Мырзабекова, Г.Қадырбекова, Ж.Әубәкірова, Т.Әбдірашев және тағы басқалар. Н.С. Кетегенова Ғ.Жұбанова туралы: «Особенность ее личности и деятельности заключается в том, что она явилась первой женщиной-казашкой, ставшей профессиональным композитором, творчество которой отличается многими индивидуальными чертами» [1, с.10].

Жұбанованың ықпалымен музыкалық мектептер, фольклор және композиторлық шығармашылық мәселелері бойынша диссертациялар қорғала бастады. Жұбанова – өзінің талантын барлық жанрда танытқан шығармашылық диапазоны кең композитор. Оның музыкасы республикадан тыс жерлерде де жақсы танымал. Ол – үнемі ізденіс үстіндегі суреткер болды. Ғ.Жұбанованың музыкасы арқылы қазақ музыка мәдениеті басқа халықтарға белгілі болды. Ол – «Батырлық поэмасы» симфониялық поэмасын, «Жігер» симфониясын, «Еңлік-Кебек», «Жиырма сегіз» операсын, «Ақ құс туралы аңыз» балетін, кантаталар, романстар, эстрадалық музыка, театр мен киноға арналған музыкалар, аралас хорға арналған a'capella: 1953 жылы А.Сарсенбаев өлеңіне жазылған «Жалғыз емен», «Дауыл»; С.Мәуленов өлеңіне жазылған «Батырлықтың биік шыңы», «Жеңеше», «Менің Республикам» (1964 жыл); Әлия Молдагулова естелігіне арналған «Күй-поэма»; 1975 жылы Қ.Мырзалиев өлеңіне

жазылған «Партбилет»; 1987 жылы жазылған «Отан» хор поэмасы және т.б. жазды. Олардың барлығын музыкалық ойлау жүйесінің біртұтастығы, нақтылықтан жалпыға біртіндеп көшу, вокалды орындаудан аспапты орындауға ауысу, сезімнің көрнектілігі, тақырыптық материалдың ашықтығы, ұлттық бояу, ауқымдылық, эпикалық кеңдік және музыкалық образдардың қарама-қайшылықты мінездері біріктіреді.

Ғ.Жұбанованың шығармашылығының алғашқы қадамдарынан бастап оның музыкалық фольклорға жаңашыл көзқарасы байқалады. Оның сан-алуан нұсқалары композитордың шабытын жаңа бейнелермен байытып, оның туындыларына төлтұма ұлттық колорит пен өзгешелік беріп тұрады. Композитор фольклор өңдеуінің жаңа қырларын тауып, оның классикалық түрлерін сақтай отырып, жаңа бояулар қосып отырады. Оларды ол кәсіби шеберлік дәрежесімен қатар қазіргі кездегі мәнерлеу тәсілдермен үйлестіре отырып, өзінің композиторлық ойларын іске асырады.

Ғ.Жұбанова күрделі және жауапкершілікті тақырыпты іске асыру барысында тарихтың жаңғырығы мен сол кезеңнің тіршілігіне арналған туындылар жазады. Ғазиза Жұбанова поэтикалық тексті өзінше оқып, түсінеді және тыңдаушыға жеткізеді. Сөз оны ұлттық ерекшелігімен және лирикалық сарындылығы қызықтырады. Сондықтан, композитордың шығармашылығында романстар, ән де және хор шығармалары басым келеді.

Ол оның бірінші үлкен шығармасы 1916 жылы болған қазақ халқының патшаға қарсы көтерілісі туралы М.О.Әуезовтың «Түңгі күркіреу» («Ночные раскаты») (1954) пьесасына негізделген. Бұл тақырыпты жалғастыру барысында Х.Ерғалиевтің сөзіне «Дала таңы» («Заря над степью») (1960) атты сегіз бөлімнен тұратын оратория жазылды. Бұл Қазақстандағы бірінші оратория жанрындағы тұңғыш туындылардың бірі болып табылады. Бұларда композитор ірі музыкалық формаларды игергенін, азаматтық соғыстың жалынды кезеңінің ойландыратын оқиғалары туралы дәлелді музыкалық тілімен баяндай алатынын көрсетті. Х.Ерғалиевтің сөзіне жазылған «Мұхтар Әуезов туралы жыр» («Сказ о Мухтаре Ауэзове») атты кантатасында (1965) атақты жазушы, қоғам қайраткерінің айбынды және игілік бейнесіне арналған. Ғ.Жұбанованың «Ленин», «Ленинге хат» («Письмо Ленину»), «Дала таңы» («Заря над степью»), «Адам адамды сүй» («Возлюби человек человека») ораториялары Ш.Айтматов, Р.Гамзатов, О.Сүлейменов, Ю.Ким сияқты көптеген шығармашыл тұлғалардың өлеңіне жазылды. Негізгі идеясы – ішкі адамгершілік және жан-дүниенің тазалығы сезімі әр бөлімінде беріледі.

Оның композиторлық шығармашылығы сол кезеңдегі Кеңес үкіметінің идеологиясы мен эстетикалық көзқарасы мен кеңестік музыкасы үдерісі негізінде қалыптасып дамыды. Ғ.Жұбанованың көптеген шығармалары кеңестік уақыттың идеалдарымен байланысты туды, оған дәлел, туындыларының атауы. Соған қарамастан, авторлық стилінің тамыры қазақтың ұлттық музыкалық-поэтикалық дәстүрі болды. Бұлар орындаушылар, хор және симфониялық оркестрге арналған – «Партия тралы ән» («Песня о партии») Д.Абилевтың өлеңіне (1955 ж), «Ленин туралы ән» («Песня о Ленине») К.Мұхаметхановтың өлеңіне (1959 ж); аралас *a'capella* хорына арналған шығарма – «Менің республикам» С.Мауленовтың өлеңіне (1964 ж), «Партбилет» К. Мырзалиевтың өлеңіне (1975 ж), хор поэмалары «Отан» («Родина») (1987 ж), «Құрбан болғандарға естелік» («Памяти павших») (1988 ж); кантаталар – мерекелік кантата «Ленин бізбен» («Ленин с нами») жеке орындаушылар, балалар және аралас хор мен симфониялық оркестрге К.Шаңғытпаевтың өлеңіне жазылған (1970 ж, Лениннің туғанына 100-жыл толуына арналған), «Партия туралы кантата» («Кантата о партии») орындаушылар, хор және симфониялық оркестрге арналған, К. Шаңғытпаевтың өлеңіне жазылған (1971 ж); ораториялар – «Ленин», 6 бөлімнен тұратын, жеке орындаушылар, балалар және аралас хор, орган және үлкен симфониялық оркестрге арналған Қ.Мырзалиевтың өлеңіне жазылған (1969 ж, Лениннің туғанына 100-жыл толуына арналған), оратория «Лениннің хаты» («Письмо Ленину») («Аральская быль») 5 бөлімнен құралған мәтін оқушы, жеке орындаушылар, домбыра және симфониялық оркестрге арналған, Г.Мүсреповтың әңгімесінің желісімен С.Жиенбаевтың өлеңіне жазылған «24 сағат» («24 часа») (1978 ж).

Сонымен қатар, басқа да шығармалары оратория «Нан мен он» («Хлеб и песня») 5 бөлімнен құралған, жеке орындаушылар, балалар және аралас хор мен симфониялық оркестрге арналған О.Сүлейменовтың сөзіне жазылған (1980 ж), «Күй-поэма» («Кюй-поэма») *a'capella* аралас хорға арналған (Толғау, А.Молдағұловаға арналған, 1974 ж), кантата «Гимн миру» жеке орындаушылар, аралас хор мен симфониялық оркестрге арналған (1986 ж).

«Лениннің хаты» («Письмо Ленина») ораториясында симфониялық оркестрдің аспаптарынан басқа, оркестрлік партитураға дәстүрлі ұлттық музыкалық аспап – домбыраны енгізді. Ораторияның тақырыпшасының – «Арал аңызы» («Аральская быль») – атауымен шығарманың ұлттық байланысын білдіреді. Бұдан тоғыз жыл бұрын жазылған «Ленин» ораториясында домбыраның дыбыс бояуы қосылмайды, дегенмен домбыраның үніне жақын өзіндік лейтмотив ретінде «двухголосный двухтактовый мотив, представляющий собой квартовые созвучия», жүреді [2, с. 277].

Мәдениеттік байланысты ораторияның дәстүрлі жанрларға сүйенуі арқылы көруге болады. Бұл «жоқтау» кіріспенің ортаңғы бөлімнің тақырыбында, «Ленинды жоқтау» («Оплакивание Ленина») 3-бөлімінде, «терме» соңғы бөлімінде, яғни финалда хордың партиясында пайдалануы.

A'capella аралас хорына жазылған Ә.Молдағұловаға арналған «Күй-поэма» («Кюй-поэма») шығармасында кеңестік кезіндегі маңызды батырлық тақырыбы қазақтың дәстүрлі мәдениетіндегі «толғау» жанрында жүзеге асты.

Ғ.Жұбанованың Ш.Айтматов, Р.Гамзатов, О.Сүлейменов, Е.Винокуров, Ю.Друнина, Ю.Ким, В.Вульф сияқты тұлғалардың өлеңдеріне жазылған ораторияларында мәдени қатынастар байқалады, «Возлюби человек человека» (1987 ж) 9 бөлімді әңгімелеуші, жеке орындаушылар, балалар және аралас хор мен симфониялық оркестрге арналған. Музыкасында «Оды к радости» Ф.Шиллердің өлеңіне жазылған Л.В. Бетховеннің 9-симфониясының тақырыбын ораторияның финалында балалар хорына қосуы. Сонымен қатар, Құрманғазының күйлерінің операдағы хорларымен байланысын атап өтуге болады – вокалдық-хордың орындауында «Исатай мен Махамбет туралы баллада» («Баллада об Исатае и Махамбете») сахнасындағы «Кішкентай» күйі, 3-бөліміндегі хордағы «Көбік шашқан» және «Кісен ашқан» күйлерінің интерпретациясында берілуі. Зерттеуші Н.С. Кетегенова «Құрманғазы операсында» Ғ.Жұбанова: «открывает новые пути претворения кюя, значительно расширяя рамки его применения» [3, с. 229].

Күй атасы атанған Құрманғазының өмір жолы мен оның шығармашылық жолына арналған операда, жоғарыда айтқандай казак композиторларының арасында жаңа сұрлеу жол салынды. Күй енді тек оркестрлік бөліктерде ғана емес, кейіпкерлердің ән-арияларында, вокалдық ансамбльдерде, хормен өтетін көлемдік көпшілік сахналарда күйшінің өз тілінде қолданыс тапты. Ал кейбір жеке сахналар тұтастай бір күй тақырыбы негізінде жазылған.

Қазақ өнерінің дамуына лиро-психологиялық «Еңлік - Кебек» операсы ірі және құнды үлес қосты. Операның сюжеті Ленин премиясының Лауреаты М.О.Әуезовтың аттас пьесасына негізделген.

Музыкатанушы С.Кузембайдың айтуынша «Шығармадағы қазақ халқының өмірінің бір тарихи кезеңін қамтитын феодалды-патриархалды қоғамның әр түрлі таптарының арасындағы сан-алуан күйзелістер, ұлттық сана-сезімнің, халықтың психикасының көріністері музыка авторына көркемдік жағынан кең мүмкіндіктер береді. Әуезовтың пьесасының трагедиялық үні және колоритті стилі және сонымен қатар сюжеттің жүрек тебіrentетін сипатына Ғ.Жұбанованың музыкалық тілінің жетіктігі, көркемділігі және жаңашылдығы, М.Әуезов прозасына үндес болып келеді» [4, с.185].

Опералық драматургия мәселелерін шешу жолындағы жаңашылдық жолдар «Еңлік - Кебекте» хор партиясының басымдылығында көрінеді. Өзінің көп түрлілігімен, әр түрлі формалармен және дамыған полифониялықпен сипатталған хорлар, сюжеттік қақтығулардың негізгі моменттерінде қосылады, дәл «барометр» сияқты маңызды драматургиялық функцияны атқарады – оқиғаларды түсіндіріп, оларға тікелей кірісіп, опера кейіпкерлерімен бірге қайғырып, немесе қуанып, кейде алдын ала не болатынын болжап тұрады.

Прологтағы хор катал және мызғымас мінездемесімен сипатталады. Оның унисон дауыстары хроматикалық интонациялардан құрылып, бірте-бірте халықтың наразылығын және батылдығын білдіретін күшке ие болады.

Опера архитектуроникасында оқиғалар ерекше көрсетіледі. Мұнда музыка кейіпкерлердің мінездері жауласқан екі жақтың конфликті, олардың өзара каталдығы арқылы айқын суреттеледі. Опера партитурасының ең тартымды беттері өлім жазасына кесілген Еңлік пен Кебектің пәк сезімін көрсетеді. Әсіресе халықтың соңғы хорының қайғылы музыкасында ғашықтардың трагедиялық шешілген тағдыры ерекше әсер қалдырады. Би сотының көрінісінде

хор конфликттік-трагедиялық оқиғаға кірісіп отырады. Оның әр түрлі характерлік үнінде Еңлік пен Кебектің қайғысына ортақтасу интонациялары естіледі. Ерекше дамыған хор партиясы вокалдық мәнерлеудің және полифониялық стильдің түрлі құралдарымен байытылған. Опера мәңгілік махаббатты жырлайтын финалдық реквием хорымен (халықтың жоқтауы) аяқталады.

Сонымен, XX ғасырдың музыка мәдениетінің көрнекті қайраткері Ғазиза Ахметқызы Жұбанова (02.12.1927-13.12.1993) кәсіпқой композитор болып, әлемге әйгілі және танымал тұлғаға айналған тұңғыш қазақ әйелі.

Ғазиза Жұбанованың шығармашылығы көпқырлы, ол сан алуан жанрларды қамтиды. Ол ораториялар, кантаталар, симфониялар, симфониялық поэмалар, опералар, балеттер, концерттер, хорлар, романстар, әндер, камералық-аспаптық туындылар, спектакльдер мен кинофильмдерге музыка жазды. Өз шығармашылығында дарын иесі халық өнерінің дәстүрлерін сақтай отырып, жарқын, төл ұлттық туындылар жасады.

ПАЙДАЛАНЫЛҒАН ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

1. Кетегенова Н. О жизни и творческой деятельности Г.А. Жубановой // Жизнь в искусстве. Композитор Ғазиза Жубанова. – Алматы, 2003. – С. 10-69.
2. Кетегенова Н. Опера «Курмангазы» А. и Г. Жубановых // Жизнь в искусстве. Композитор Ғазиза Жубанова. – Алматы, 2003. – С. 200-231.
3. Мусина К. Трилогия памяти В.И. Ленина Г. Жубановой // Жизнь в искусстве. Композитор Ғазиза Жубанова. – Алматы, 2003. – С. 274-289.
4. Күзембай С.А. Мусагулова Г.Ж. Касимова З.М. Еңлік-Кебек // Қазақ опералары. – Алматы: «Жібек жолы», 2010. – 296 б.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОПЕРНОГО ИСКУССТВА КАЗАХСТАНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

*Кандидат искусствоведения, доцент, Академик МАИН
Мусагулова Г. Ж.*

*Казахстан, Алматы Институт литературы и искусства
им. М. О. Ауэзова МОН РК
(Главный научный сотрудник отдела музыкального искусства)*

Abstract. The article of G.Zh. Musagulova investigates the problem of opera's genre in Kazakhstan at the present stage. There considers new compositions of Kazakh composers, like as «Abylai Khan» of E. Rahmadiev, «Otyrar shaykasy» of M. Mangitaev and «Domalak ana» of B.Botbaev.

Реалии современного Казахстана, представляющие этапы политического, социально-экономического, демократического становления и развития, направленные на обновление духовной сферы жизнедеятельности, сохранения и пропаганды многообразия культурного наследия приобретают особую актуальность и требуют нового научно-художественного осмысления состояния и развития музыкального искусства в целом. Одной из объективных, жизненно важных задач отечественной музыкальной науки является изучение композиторского наследия конца XX начала XXI века, представляющего сегодня как отражение фундаментальных изменений, произошедших в культуре Казахстана в данный исторический период. Актуальность этой задачи определяется, с одной стороны, активным включением страны в глобальное культурно-коммуникационное пространство, а с другой – ростом духовных потребностей казахстанского общества, диктующим необходимость сохранения в искусстве национальных традиций и в то же время прорыва к новым творческим моделям, творческим подходам и приёмам, чтобы достойно соответствовать реалиям XXI века.

Современное оперное искусство Казахстана, одно из значительных периодов в истории художественной культуры республики – малоисследованная область. Необходимость обращения к выбранной проблеме предопределена малоизученностью творческих достижений казахстанских композиторов исследуемого периода и теоретическим уровнем их осмысления, слабой изученностью процесса развития современного состояния музыкально-сценического жанра, его истории, теории и методологии.

Цель настоящей научной статьи – исследовать некоторые аспекты казахстанской оперной музыки на рубеже эпох, заполнить один из существенных пробелов в истории отечественного музыковедения, создать по возможности картину его современного состояния во всей совокупности его художественных, практических задач и теоретических проблем.

Область современного оперного искусства весьма значительна, ведь за определенный срок, исчисляемый несколькими десятилетиями, отечественными мастерами были созданы произведения для музыкального театра, обладающие многообразием стилевых направлений, богатством содержания, характера и образного мира. В них воплощены общечеловеческие идеи связанные с жизнью общества, духовным подъемом личности и философско-этическая тематика. Особую ветвь составляют произведения посвященные значимой, актуальной идее национальной независимости. Именно в нем с наибольшей полнотой раскрываются масштабные, новаторские замыслы и прогрессивные идеи. Концептуальной основой тематики многочисленных сочинений является *воспевание свободы, независимости, любовь к Родине, национально-освободительные движения от гнета буржуазно-феодального строя, борьба народных масс за единство, сплочение*. Это оперы - «Абылай хан» Е.Рахмадиева, «Отырар шайқасы» М.Мангитаева, и «Домалак ана» Б.Ботбаева.

Исследуя это направление, нами затронута излюбленная композиторами область, которая явилась творческой лабораторией освоения европейских форм и структур. Значительную роль на этом эволюционном пути непосредственно сыграл фольклорный материал, способствовавший их претворению в русло оперной композиции. На первый план выступает цель раскрыть национальную специфику словесного мастерства, воплощаемых в речитативных формах, в частности, в жанре ораторского искусства – *шегендік сөз*, диалогических формах, в формах воплощения устно-поэтического фольклора – *айтыс*, *бата*, *жөктау*, *қарғыс*, *жұмбақ* (загадки), *үгіт өлең* (назидательные песни), *терме* (избирательные песни), *толғау* (стихи-размышления) многие другие, и определить их функциональное назначение. В то же время проявилась реальная попытка осветить тенденции современного этапа их функционирования и наметить дальнейшие перспективы.

С обретением Республикой независимости, повлекшей за собой мощный всплеск национального самосознания народа обращение к глубоко национальной тематике, к богатому фольклорному кладезю воспринимается очень органично. В этом смысле опера «Абылай хан» Е.Рахмадиева явилась знаменательным событием в истории казахского оперного искусства. Значимость данного сочинения определяется прежде всего национальным духом, величием идейно-концептуального уровня, увлекательным и стремительно разворачивающимся сюжетом в аспекте восприятия современной эпохи. Опираясь на многовековые истоки традиционной культуры, Е.Рахмадиев, свободно владеющий закономерностями музыкальной драматургии, и далее совершенствует способы интерпретации жанров устного, песенно-поэтического творчества и манеры эпического повествования.

Претворение историко-героических мотивов в концептуальном содержании данного сочинения было обоснованным в связи с тяготением самого автора к использованию крупных форм, актуальных и социально значимых идей и тем, достоверных и колоритных образных зарисовок.

В этом смысле замысел композитора органично совпал с предоставленной возможностью обращения к сюжету видного народного писателя – Абиша Кекилбаева. Тексты для оперы были заимствованы из его новой пьесы о великом правителе казахской земли, выдающейся исторической личности – хане Абылае. Либретто оперы воспроизводит яркие страницы исторических событий народа. Следует напомнить о том, что основная концептуальная канва рассматриваемого сочинения созвучна современной национальной идеологии, основополагающими принципами которой являются тема любви к родной земле, идея незыблемости государства, цельности народа, его единства, свободы, представленные как наиболее актуальные и злободневные мотивы суверенного, независимого Казахстана.

В опере «Абылай хан» внимание, в основном, направлено на те композиционные построения, в которых в большей мере интерпретированы исследуемые формы речевых высказываний, и соответствие выбранного речитатива, диалогизированной речи либо монолога для того или иного персонажа. Основная цель, выдвигаемая композитором в претворении различных форм речитативов – обрисовка образа оперного персонажа, показ динамики сюжетной линии, усиление драматургических узлов и т.д.

Национальный колорит в обрисовке героев оперы создают жанры казахского песенно-поэтического фольклора – *терме* (в характеристике Бухар жырау), *жұмбақ арбасу* (спор загадками) в партиях Абылай хана и Калдан Серена; применение традиционной стихотворной формы – семи-восьмисложников, одиннадцатисложников. В этом смысле слова академика З.Ахметова являются весомым тому подтверждением: «Наиболее распространенные стихотворные формы казахской народной поэзии семи-восьмисложник, жыр и одиннадцатисложный стих были очень тесно связаны с традициями устной литературы, импровизацией и речитативом» [1, с.301].

Сохраняя многовековые традиции в претворении богатых фольклорных истоков в национальном оперном искусстве, Е.Рахмадиев создал поистине колоритное, содержательное монументальное творение, убедительно раскрывающее исторические страницы прошлого [2].

В данной статье также рассматривается процесс претворения жанров музыкально-поэтического фольклора в речитативах оперы М.Мангитаева «Отырар шайқасы».

Опера «Отырар шайқасы» М.Мангитаева – новое, содержательное монументальное полотно, навеянное мотивами романа Хасена Адибаева «Гибель Отырара» и убедительно раскрывающее исторические страницы прошлого. На основе данного произведения было создано либретто известного писателя Кадыра Мырзалиева, отличающееся монументальностью, масштабностью идейного замысла, контрастной образной сферой. Композитора привлек исторический сюжет, отражающий трагическую судьбу уникального памятника древности, культурного центра всей Средней Азии – города Отырара. Первоначально существовала версия трагического финала, но по настоянию автора оперы конец произведения был направлен в сторону усиления оптимистического начала – верой в светлое будущее, радостной надеждой на свободу. Содержание произведения записано со слов самого автора оперы.

Эпичность и монументальность, преобладающие в «Отырар шайқасы», продиктовали интерпретацию многообразия вокальных оперных форм. В композиции целого, в характеристиках главных и второстепенных персонажей используются арии, речитативы, дуэты и хоры. В связи с выбранным сюжетом в произведении активную роль в продвижении музыкального действия выполняют народные сцены. Массовые хоровые эпизоды, бытовые, лирические танцы присутствуют в опере, тонко обрисовывая портрет народа. Так, в начале произведения в уста народа, как сострадание образу матери, композитор вводит народную песню «Елім-ай», подчеркивающую всю глубину трагичности создавшейся обстановки. Апофеозно с оптимистическим настроением хор народа завершает все произведение. В этих номерах раскрываются чаяния и радость людей, гнев и злоба сарбазов против завоевателей.

Монолог матери в начале первого действия выдержан в скорбном характере и содержит интонации вздоха, плача, мольбы. Потеря семи сыновей на поле сражений выражена в эпизоде, передающем внутренний надрыв, безысходность перед лицом страшной трагедии. Композитор стремился выделить каждое сказанное слово, тем самым придавая особое значение представленному персонажу.

Усиливая драматургический конфликт, композитор планомерно вводит в оперу важное действующее лицо – Кербугы. Как известно, впервые этот мудрый эпик был представлен в 1 картине первого действия, вводя в общую атмосферу предстоящих событий.

В обрисовке эпических персонажей в опере «Отырар шайқасы» на первый план выступает речевая выразительность, декламационность, яркая образная характерность и специфическая манера исполнительства.

М. Мангитаев в образе Кербугы жырау сконцентрировал все характерные черты эпика, повествующего о происходящем. Добрые напутствия батырам (оң бата), проклинания врагам и изменникам Родины (теріс бата), выразительные речевые высказывания по характеру приближены к ораторскому искусству. В первом действии, обращаясь к окружающим

Кербугы жырау дает свое благословение «Оң бата» только родившемуся ребенку, успокаивая окружающих философским изречением: «Кто-то умер, кто-то родился, такова наша жизнь».

Тема первого монолога, связанная с проклятиями мудреца «теріс бата», гневные речи которого смогли лишь поколебать изменника отечества, но не изменить его отвратительного поведения, пожалуй, самая напряженная по характеру из всей группы. Композитор создает мотив в духе и характере напевов жырыши. К нему по праву могут быть отнесены слова А.Затаевича о «жырышы әні» (напев сказителя), сообщенном Темирбеком Жургеновым: «Величавый и гордый напев в характере эпиталамы или дифирамба...» [3, с.378].

Второй монолог Кербугы звучит в сцене как ответ на слова батыра Тархана, вызвавшегося оказать любую помощь ради спасения родной земли. Мелодия выдержана в характере *терме* – убыстренный темп, частое повторение одного короткого мотива, с тяготением к устою. Лишь в кульминационные моменты длительности становятся более крупными, подчеркивая каждое сказанное слово.

Введение в оперу «Отырар шайқасы» активно действующего персонажа – жырау, с одной стороны, планомерно, в связи с общими закономерностями жанра исторической драмы, со свойственным ей размеренным повествовательным характером, с другой – закономерно, в связи с тем, что многие казахские эпические полотна и музыкально-сценические произведения начинаются с пролога, в котором жырау отведена определенная функция – введение в общую эмоциональную атмосферу предстоящих событий. Спокойная, величавая, сосредоточенная речь сказителя чаще всего органично внедряется в самые значительные, существенные композиционные отрезки. В качестве примера следует назвать оперы «Ер Тарғын» Е.Брусиловского (партии жырау), «Абай» А.Жубанова и Л.Хамиди (партии Сырттана), «Еңлік-Кебек» Г.Жубановой (партии Абыза), «Абылай хан» Е.Рахмадиева (партии Бухар жырау) и многие другие сочинения.

В представленной работе рассматривается также процесс претворения словесного мастерства и фольклорных жанров в опере «Домалақ ана» Д.Ботбаева.

Опера «Домалақ ана» представлена в двух действиях, автором либретто являются известный поэт, драматург Нурлан Оразалин, а также писатель и критик Марал Искакбай. Замысел создания оперы вынашивался композитором на протяжении длительного времени. Сюжет написанный видными отечественными писателями и поэтами послужил благодатной почвой для реализации поставленной цели. Произведение создавалось на протяжении нескольких лет, в период с 1999 по 2005 годы, и по замыслу Д.Ботбаева выдержано в рамках жанра лирико-исторической оперы. Два акта и 8 картин представленного полотна повествуют о жизни и подвигах реально действующих лиц - Байдибека би, святой Нурилы, Марау, Кара-Хайдара, Зерип и др. Как указывает композитор Д.Ботбаев: «Мысль создать оперу вынашивалась мною на протяжении долгих лет. С детства я перечитывал дастан о «Домалақ ана» несколько раз. Реализация данного проекта напрямую зависела от поэтического текста, созданного двумя талантливейшими авторами, которые дали толчок, стимул и оказали большую поддержку в его реальном воплощении. В этом произведении мною преследовалась главная задача – показать религиозность Величественной матери» [5]. ЖҰМ

Тексты для оперы были заимствованы из их пьесы о великой матери казахской земли, выдающейся исторической личности – Нуриле – ана и ее жизни с батыром казахской земли Байдибек батыром, с описаниями его героических подвигов и заслуг перед Отечеством. Либретто отличает высокий поэтический дар, глубокое философское мышление, лаконичность и сосредоточенность, мастерское владение психологической ситуацией, отточенность и богатство стилистики и языка.

Вообще, в национальной музыкальной культуре теме матери в ее многообразной трактовке получила свое всестороннее воплощение. Это такие жанры как эн-жыр, толғау, терме, оперные шедевры - «Қыз Жібек», «Еңлік-Кебек», «Айман-Шолпан», «Алпамыс», «Ақан сері-Ақтоқты», драматическая пьеса «Қарағөз» и т.д. И только одна опера отечественного композитора Д.Ботбаева посвящена исторической личности - святой матери Нуриле.

Преломление национальных истоков, обращение к собственным корням являлось наиболее востребованной областью творческого кредо многих мастеров, которое стало реально возможным в суверенное время, вызывая живой интерес в воплощении исторических сюжетов и выдающихся лиц – Абылай хана, Толе би, Махамбета, Жамбыла и многих других видных деятелей. Каждый художник по-своему интерпретировал их образы, применяя индивидуальные

стилистические и композиционные особенности, проявив знания в реконструировании прошлого. В поисках оригинальных путей и новых драматургических решений в созданных произведениях они стремились к успешной реализации своих проектов. В частности, к личности святой Нурилы (Домалак ана) обращались многие известные акыны, писатели и драматурги – Ж.Жабаев, Д.Дуйсенбаев, кюйши Ш.Абиляев, жырышы А.Абдуали и многие другие. Различные письменные источники указывают на достоверность событий, описываемых в многочисленных летописях об этой женщине, обладающей удивительными сверхъестественными способностями, мудростью и состраданием. Воплощая свой сюжет, авторы либретто стремились передать историческую атмосферу описываемой эпохи, воссоздать облик женщины-заступницы слабых и обездоленных, мудрой защитницы целого рода, **«величественной матери»** (определение наше - Г.М.) в широком смысле этого слова.

В качестве наглядного примера и сюжетной основы послужили пьесы Шерхана Муртазы «Домалак-Ана», вариант очерка известного историка, журналиста, литературоведа Д.Дуйсенбаева «Домалак ана» и следующее издание: Домалак ана. Аңызға айналған тұлғалар [6]¹.

Д.Ботбаев в опере «Домалак ана» намеренно избегает цитирования народного материала и интерпретирует оригинальную музыку. Хор женщин, использованный в данном произведении, выполняет активную поддерживающую и продвигающую вперед музыкальное действие роль. В целом, хоровые эпизоды очень реалистичны и колоритны².

В искусном прозаическом изложении нашли полное и исключительно тонкое преломление различные жанры богатейшего эпического фольклора, а также ораторского искусства. Известно, что исключительно важную роль речитативы выполнили в характеристике как положительных, так и отрицательных героев.

В анализируемом произведении Д.Ботбаев использует жанр устно-поэтического творчества – терме в характеристике хабаршы (посыльный, повествующий, вестник), в характеристике которого сохраняются речитативные интонации, ее мелодия образует законченную песенную фразу, с преобладанием распевности, эпической величавостью, неторопливостью и повествовательностью.

В опере «Домалак ана» наряду с многообразными видами ритуально-обрядовых жанров преобладают и свадебно-обрядовые. Среди них наиболее распространенные – тойбастар, беташар, шашу, неке кию и др. Все перечисленные виды обрядовых песен свадебного торжества традиционно сопровождаются играми, танцами, хоровыми эпизодами.

Как указывалось ранее, в опере «Домалак ана» основной целью, выдвинутой Д.Ботбаевым, явилось желание подчеркнуть религиозный характер матери Нурилы. В связи с этим особое значение придавалось финалу оперы, основанного на произношении слов из молитвы (Лә-и ләһа ил-Ал-лаһ). Сам композитор указывает на то, что «Эти слова из молитвы - Лә-и ләһа ил-Ал-лаһ, произносимые во время поминального обряда, как восхваление Всевышнему я счел целесообразным ввести в финал оперы, так как эта опера о ней, о святой матери» [5].

В музыкально-сценическом сочинении, опере «Домалак ана», рассматривая сцену суда, представляющую собой насыщенный эмоционально-психологический центр «конфликта», следует отметить то, что развитие в ней, прежде всего, опирается на приемы словесных прений, споров при принятии окончательного решения. Эти особенности, обусловленные ее содержанием и функцией, позволяют выделить анализируемую сцену как эмоционально-психологический центр оперы.

Введением в нее цельных, значимых образов – святой Нурилы, Байдибека, мудреца Абыза, Зерип и др., претворением специфических жанров музыкального фольклора – терме, желдірме, бата, жоктау, шешендік сөз, көңіл айту композитор ставит определенные цели, непосредственно связанные с отражением глубоко национальных черт, а также воплощением стилистических закономерностей народного устно-поэтического творчества и особенностей разговорной речи. (№244), ЖҰМ16 (№244), ЖҰМ

На наш взгляд, рассмотрение представленных художественных полотен обосновано тем, что именно в них наряду с другими многочисленными образцами, наглядно демонстри-

¹ В Южно-Казахстанской области в честь святой Матери выдвинут величественный памятник.

² В этом сложном процессе необходимо отметить работу руководителя женского хорового коллектива Государственного театра оперы и балета им.Абая Алии Темирбековой.

руются чувства любви и преданности Родине, воспевание свободолюбивого народного духа, прославление героических подвигов сынов Отечества. Это, в большей мере, обусловлено историческим прошлым Казахстана, тесно связанным с освободительным движением против иноземного нашествия, что является доказательством силы и могущества народа, его героизма и патриотизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметов З. Казахское стихосложение. – Алма-Ата: Наука, 1964. – 458 с.
2. Рахмадиев Е. Абылай хан. Клавир/Рукопись. – Алматы, 1998. – 303 с.
3. Затаевич А. 500 песен и кюев казахского народа. – Алма-Ата, 1931. – 358 с.; Изд. 2-е – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 532 с.
4. М.Маңғытаев «Отырар шайқасы» (битва за священный Отырар). – Алматы, 2006. – 254 с.
5. Мусагулова Г.Ж. Интервью с композитором Д.Ботбаевым от 06.11.2009 года.
6. Домалақ ана. /Аңызға айналған тұлғалар. Құрастырған С.Дәуітұлы. Алматы: ҚазАқпарат, 2009. – 115 б.
7. Дүйсенбаев Д. Домалақ ана: тарихи-деректі естелік. – Алматы: «Мұраттас», 1991. – 72 б.
8. Ботбаев Д. Домалақ ана. Клавир. Алматы, 2005. 184 с.

THE IMPLEMENTATION OF RECITATION IN KAZAKH EPOS

*PhD in Art History, An Associate Professor,
Academic of International Academia of Information
Musagulova G. Zh.*

*Kazakhstan, Almaty M. O. Auezov
Institute of literature and art SC MES RK (CR of music department)*

Abstract. *The article of Musagulova G.Zh investigated recitative forms in epic culture of Turkic people. It also examines at the current state of performance culture in Central Asia.*

Epos as a poetic history is a richness of spiritual culture of the Kazakh people subtly reflected all vicissitudes life and living conditions, the aspirations and thoughts of the people. The tales, proverbs, incantations, riddles, legends, stories sayings were a part of tradition existing at Kazakhs more often in song form, which are representing inseparable synthesis of verse and melody as befits to recitative. The function of recitative is similar to foundation of building structure which binding into one dramatic nodes the composite frame resolving a conflict's vicissitudes of the plot. It is the most comfortable, capacious and expressive musical form improvisatory art occupied the significant place in the rich musical and poetic tradition which has all the main genres of folklore. If the European art music recitation associated with the birth of opera in the Kazakh – the emergence of recitative-melodious beginning attributed to the period of epic's birth because fundamental importance in this tradition is accumulated in the synthesis of words and music. Over the centuries many folk genres of folk art, in particular Kazakh zhyr, enriched and received their further development. Thus, to the present day, the heroic epic-zhyry about heroes are survived completely. For example: «Alpamys», «Kobylandy», «Kambar warrior», «Korogly», «Er Saiyn», «Ep Targyn», «Otegen warrior», «Kabanbay warrior», lyric-epic zhyry «Kozy Korpesh Sulu Bayan», «Kyz Zhibek», «Enlik-Kebek», «Aiman-Sholpan», «Makpal Kyz», «Kulshe Kyz». There are small and expanded forms of traditional folklore performed in declamatory recitative-style as in the form of a monologue or dialogue. The manifold number of forms and types of song and poetic art has formed its own forms of embodiment. Recitative forms in Kazakh epos is not enough studied part of domestic musicology requiring careful consideration and further study. As part of the report is planned to open this problem by specific and concrete examples of the epic heritage of the Kazakh people.

Today, due to the active and influential position of Kazakhstan in the international arena, which contributing to the Euro-Atlantic and Eurasian dialogue, there is a growing interest in the

spiritual and cultural heritage of Turkic-speaking people. The research project «Contemporary music turkology: preventive and cultural integration» of the MES RK is devoted to this issue in full swing and its implementation began.

The art of *zhylau* is being one of the oldest formations in the oral-poetic creativity of many people over the centuries developed and transformed with regard to the historical and socio-political events.

The publications rich in ethnographic material on the Kazakh folklore in scientific journals, anthologies, translations equipped with necessary commentary first appeared in the last quarter of the 19th the beginning of 20th century, indicate to major study of the large-scale industry. Exploring the oral folk poetry of Kazakhs and other Turkic-speaking peoples, such as the prominent scientists V.V. Radlov, G.N. Potanin, I.N. Berezin, A.V. Vasilev, P.M. Melioransky, A.A. Divaev (in his notes were first published samples of the epic «Alpamys Batyr», «Kobylandy», «Kambar» and numerous songs ritual folklore) argue the idea that every nation creates its own works, but each of them is not without influence and cultural cooperation of the other. For example, among the Kazakhs are common thr Russian, Uzbek, Turkmen, Tajik, Kyrgyz and Altai tales, legends and songs. In traditional folklore of many nations dominate identical epic canvases, ritual and domestic samples. Example – bright scenes from the Kazakh epos «Alpamys», «Kobylandy», «Korogly» «Er Saiyn», «Er Targyn»; and the Kyrgyz «Manas», the Karakalpak «Koblan», Uzbek and Karakalpak «Alpamysh», the Uzbek «Rustam Khan» and «Gorogly», the Turkmen «Ger-oglu», the Tajik «Ger-guli» and others. This factor doesn't influences on the national identity of the works presented and not deprives them of their historical features.

The practical experience of collectors and long-term, painstaking study of the customs and rituals of everyday life various neighboring nations support the thesis about the commonality of many features inherent in the Kazakh, Kirghiz, Uzbek, Karakalpak, Mongolian, Bashkir, Turkmen, Buryat, Tatar and others people. This is a range of peoples with identical historical and cultural links, artistic and imaginative system, themes and motifs, and general stylistic intonation and melody, the compositional characteristics. It has long been handwritten versions of Kazakh epics, legends, epos, Kiss, hikaya, tales and anecdotes side by side with shezhire (genealogies) other peoples – with the legends and hadiths about Adam and the other prophets, with stories of Seiful-Malik Tahir and Zuhra, Cor-oglu, the legend of Iskander (Alexander Makendonskiy). In written samples of Kazakh folklore frequently observed the fusion additions «of alien» subjects, the occurrence of which is associated with such eastern countries as India, Iran, Arabia, Caucasus, Turkey, Uzbekistan and Turkmenistan. The location (southern regions of Aulie-Ata to Mangyshlak) and daily contact with the Uighurs, Uzbeks, Turkmens greatly influenced the emergence of new genres of Kazakh folklore «...the Apology, short story tales, tales of adventure, anecdote, fairy epic» [1, 115]. The permanent cultural contact has led to the emergence of «folk revisions» of works of classical literature of Central Asia.

For the first time on the broad development of recitative-declamatory performance is mentioned in the pre-revolutionary period in the notes of S. Bolshoy, A. Levshin, G. Potanin, M. Gotovitskyi, S. Rybakov and A. Eyhgorn. Later in the recitative form of execution, the scholar and lexicographer Sh. Ualihanov, folklorists and literary critics A. Baytursynov, M. Auezov, Z. Akhmetov, the musicologists A. Zataevich, V. Vinogradov, B. Erzakovich, M. Ahmetova, S. Kuzembay, A. Kunanbayev, D. Amirova and many others scientist paid attention.

Recitative forms, is widely prevalent in the traditional culture of Kazakhs, almost all the genres of folk art in the context of the whole system of musical-poetic art for centuries enriched and further developed. The recitative was one of the most important tools in discovering the rich, emotionally rich palette of feelings and experiences of the hero of the poetic work. The epic poems, stories, philosophical reflections, in the Kazakh folklore traditions they embodied by such genres as «tolgau» (thinking), «saryn» (tune), «terme» (elected), «zheldirme» (speeding up, a quick, trotting) «aitys» (contest), «zhoktau» (mourning), «sheshendik soz» (skillful word), «zhumbak arbasu» (dispute riddles), «bata soz» (good wishes), «ertegi» (fairy tale), «ulgi soz» (word-examples), «nakyl soz» (farewell), and others.

In the folklore of other nationalities can be found the identical poetic forms and genres, among which there stand out Uzbek and Tajik «dostan», the Turkmen «destan» etc. All listed genres peculiar philosophical, moral and instructive content verified strictly logical sequence, the presence of different kinds of statements, sayings from everyday life practice.

The expressive power of melodic recitative-epic performance to a greater extent determined by its emotional coloration. The big impression on the audience produces the speaking skills (emphasis is ours), the power and beauty of his voice, facial expression and wealth, artistry. The Kazakh folk songs and poetry (the same tradition exists in the culture of many nations) the regularly set aside the most important, central place to artist (akyn). Akyns see clearly and subtly feel all the negative and positive vicissitudes of reality and implement them in their solemn, joyful, critical and satirical songs.

The outstanding thinker, anthropologist and founder of the Kazakh folklore science, scholar and lexicographer Sh. Ualikhanov noted in his works of the ancient verbally transmission of zhyr and traditions that have existed for centuries and passed from generation to generation, thanks to the amazing improvisational ability and phenomenal memory carriers of this tradition (akyns, zhyrshy, olenshi). In his «Diary, a trip to Issyk-Kul» (1856), in «Sketches of Dzungaria» (1861), in an unpublished manuscript fragment of oral poetry in «Note №1» and «Note №2», in draft papers he studied folklore of his people, his world view, outlook on the past, admiring the high art of storytellers and keepers of this tradition pointed to the fact that they (akyns, improvisers) «immortalized in the memory of the people of the wonderful scene of his age» [1, 14].

The folk singers, storytellers, zhyrau zhyrshy, olenshi, akyns, sages sheshender often is the author, guardians and executors of the legends of ancient times. Typically, the title of «zhyrau» as opposed to «zhyrshy» awarded artists with the creative talent that can make an epic original culture, the individual interpretation of the work. Often, people attributed the art of the singer's magical, miraculous power. According to legend, in the existing Kazakh folk tradition, they were nominated to the rank of saints on them a legend. Such an attitude to the singer was proof of the power of his natural gift, the special significance of the poetic word.

Narrators, with their usual skill of improvisation, strength and beauty of voice, facial expressions and rich expressiveness, artistry has always made a great impression on the audience. The Kazakh folk songs and poetry (the same tradition exists in the culture of many peoples of Central Asia) Artist naturally reserved the most important, central place.

The carriers of spiritual culture belong exclusively to a weighty role in the social life of the people. The well-known scholar V. Vinogradov writes: «Every folk singer fought for the right to be the herald of the interests of a particular medium class. He mastered the experience of prominent folk musicians. It was at the contest with them, honing his skills accordingly ... Akyn had to be able to timely and wide range of talent to clothe facing him in the proper musical-poetic form» [2, 217].

«The storytellers as a mirror of national identity and its considerable backbone for centuries dreamed only about the prosperity of the state, and I wish him strength and power. Lamenting the heavy fraction of the people, singing the exploits of heroes fighting against foreign enemies, to shed blood for the welfare of his native land, they always have been told zhyry and singing legends, epics about a just ruler of the homeland. Stored in the memory of the people precisely because of their art from generation to generation reached valuable information about what is happening in the Kazakh steppe» (translation is ours) [3, 265].

Also, in the process of improvisation an opportunity with a short, bright, melodic motif to convey the basic meaning he was given the opportunity. It is well known that many of them have unique vocal and improvisational abilities, clear diction, keeping in mind a great number of verses, great poetic works that take place in a few hours, and often several evenings. The declamation performed in such a form of musical and poetic life essential function.

The academician Z. Akhmetov indicates that folk singers, zhyrau zhyrshy, olenshi, akyns were «carriers of the poetic culture of the Kazakh people, the main creators, custodians and researchers song and poetic traditions» [4, 193]. Typically, the title of «zhyrau» as opposed to «zhyrshy» awarded artists with the creative talent that can make an epic original culture, the individual interpretation of the work. Frequently the people attributed the art of the singer's magical, miraculous power. According to legend, in the existing Kazakh folk tradition, they were nominated to the rank of saints on them a legend. Such an attitude to the singer was proof of the power tracks, the special significance of the poetic word.

There are pertinent words of the famous theatrical figure, researcher of storytellers art T. Zhamankulova: «The art of rhetoric, oratory or skazitelskoe skills is one of the most popular and important genres in the national culture. In this case, the Kazakh storytellers, speakers, and wits for centuries possessed and now must have individual style, gestures, special performing style, certain magical properties and the tone of statements» (our translation) [3, 54].

According to Professor S.A. Kuzembay: «The epic performance, which organically combines different types of art (poetry, prose, theater and music), to the fore of the word, poetry, music and performing minor accompanying feature. In the history of the Kazakh culture preserved the names of prominent zhyrau zhyrshy, which is a wisdom and conscience of the people embodying the concepts such as honor, dignity and justice» [5, 116]. Developing and modification to epic tradition had a direct impact on the performing practice. Many storytellers participated in the activities of various kinds, promoting the epoch-making events of his time. In these list names of prominent historical figures as Kaztugan, Shalkiiz, Dospambet, Zhiembet, Bukhara-zhyrau, Shortanbay zhyrau, Sypyra-zhyrau, Asan

Kaigy and many others. Among the performers of the epic and song heritage of the later period known names such as akyns, dombra players, olenshi as Nurzhan, Orynbai, Suyunbai, Mile Hoxha Kulmambet, Maykot, Zhanakov, Kazakbai, Kashagan, Altynbaev, K. Sergaziev, G. Aytbaev, K. Aynabekov, I. Uskin, S. Urazaliev I. Shorekov and many others.

In the 40-60s of the last century it will continue to actively work on the collection of folklore, in particular the epic, produced records and recorded repertoires of prominent akyns zhyrshy. It was written over a hundred epics and their variants. A particularly productive in this period was the work of outstanding artists' epics of Aissa Baytabanov and Muryn Sengirbaev that prove beyond the strength assistance and support to the process of collecting and preserving the heritage of the epic masterpiece. Everyone individual artist interprets a particular version of the epic. So Maykot, Zhanak, Kazakbai, Kashagan and others created new versions of old stories, legends, diluting them with modern motifs. Their mouths belong the modified version of the old epic. «Suranshy Batyr» folded by Suyumbay, less traditional, but with a more realistic supply of a particular historical era (50s – early 60s of the 20th century), «Isatai-Makhambet» by I. Shorekov, which describes the events of the uprising led Isatai Taimanov, also abounds with minor modifications in the description of the exploits of Batyr Amangeldy Imanov.

Quite apart in this list should give the name of the great Abay, the creator of the genre «Poems» and the author of a huge number of works. The same quality as the development of Kazakh classics of Persian-Arab (Firdusi, Durbek, Jami, Navoi, Madzhlisi) folklore and progressive Russian literature (Pushkin, Lermontov, Dob and others.) has led to the creation of a sort of «universal kinship» sketches like his «Iskander» in common with «Val Iskander» Alisher Navoi «Tale of Azim» based on the story of «1001 nights» (The Tale of the jeweler Hasan), and others.

Similarly of Kazakh national musical culture in the artistic heritage of the many peoples of Central Asia is dominated by epic canvas of the same name, a variety of songs and instrumental genres, which also prevail musical and verbal forms of performance. For example, Uzbek and Bashkir folklore, there are epic paintings, songs, legends, romantic epics and historical works, organically combine it with poetic prose. Integral parts of the plot of all these epic paintings are musical-song dialogue, declamatory manner of performance, recited order, fret and rhythmic structures. The melodic declamations (leitmotifs) notes the primary role and the importance of these forms of drama in the story, especially in the emotional content of the disclosure, of the artistic image of the characters. The heroic romantic Dostoni submitted peoples, including «Saypul-Malika» Majlisi, consonant with the Arab tale of Saif al-Mulik from «1001 Nights», «Farhad and Shirin» (identical to the pattern of the Kazakhs «Farhat and Shyrin») and Uzbeks epic «Gorogly» are interwoven with motifs of «Korogly» in Kazakhs and «Ger-oglu» in Turkmens. The Kazakh tale about Hodja Nasreddin-Nasir, having Arabic, Turkish, Uyghur, Iranian and other roots is extensive creative development of this popular image. As indicated above, all the classic designs had a fundamental principle and a fundamental base – the recitative form for the transmission of content.

The Turkmen poetic creativity music has its origins in the recitation of verses related to singing of poetic text. The regional characteristics and location developed the kind the habit of talking loudly at the sound chamber dutar. The bakhshi (singers) accompanied him at first a light touch to the instrument, gradually warming to were in ecstasy, loudly and severely beaten by dutar hysterically shouting words. Their singing is an independent form of expression in the form of expressive recitation ability to reproduce texts destans, large and small poetic works. Similarly the Kazakh oral-poetic tradition Bakhshi combine in themselves the ability of a singer and an accompanist.

Among the modern Kazakh zhyrau and akyns living in Uzbekistan and Karakalpakstan, corresponding to all the above parameters is most important, that naturally occupy a central place following as Turganbay Zhanabayev, Tolegen zhyrau Renat Bekzhursinuly. The materials collected and recorded during the scientific expedition to the cities of Uzbekistan and Karakalpakstan in 2012 made it possible to trace the domestic use and development of this tradition in that territory. All the works provided by the authors in the form of tapes and published brochures [6-7].

A resident of Khojili Turganbay Zhanabayev student and follower of Bazar zhyrau in his collection of poetry «Erlerim bar maktauly (Zhyraulyk zhyrlar) 2nd book» there published following zhyrs: «Erlerim bar maktauly», «Tabynda baska kim kaldy», «Er narsenin korki bar», «Uksamas bugin korgen keshegine», «Tort karanyk sanlaktary», «Kyrykbaidyn kyryk zhyldygy», «Mekeninnen ayrylman» «Baymura men Iysakhun», «Bekenkuldyn kylasy», «Zhamannan kash», «Nysanbayga», «Tentek», «Talaptan», «Aldambergen zhyraudy kutyktau», «Maktamkuly bar siyakty», «Khoshtasu», «Agytayga», «Kim zhetim?», «Elamandy maktau», «Arzan olender», «Mergenbaydyn oleni»,

«Mauity menen Ziyraga», «Ozime zhane kozime», «Kim kayakka karaydy», «Kim artyk», «Okushylaryma» and other poems with different themes.

In the second book, «62 akzhelen (olender zhinagy)» focused materials published in 2009. Among them: «Mekenim», «62 akzhelen», «Meker katyn», «Bet ashar», «Er kezendegi sheshenderdin sozinen».

The third collection contains the following zhyry «Mekenim» (terme), «Arnaular», «Kunimiz erten ne bolar», «Otegege», «Sultanmuratka», «Er kily takyrypka zhazylgan olender zhigittin tyrpagy», «Korshime zhauap», «Araldy zhoktau», «Kuskhana», «Hanim-ai», «Aitzhan menen Tynymbay», «Kim artyk», «Kos kunan-ai», «Tirshilikte soyleyin», «Bir dosyma», «Bir zhengeme», «Arkanyyn asyl azamattary». In the solemn, joyful, satirical and critical zhyrs, terme, songs of T. Zhanabaev clearly traced all negative and positive vicissitudes of reality. A wide genre and scope allow tracing the half-century of socio-historical process, remembering the numerous cultural events.

Among these artists can highlight zhyrshy Tolegen from the district center Kinemeh of Bukhara region. Zhyrshy was born in 1942 in Kyzyl-Orda region, in the area Karmakshy, Leninsky district. In 1949, his father moved the family to Kinemeh where Tolegen zhyrau lives to this day.

During a scientific expedition in Uzbekistan on a trip to the district center Kinemeh, we were able to speak and write in the performance artist presented few kyuyev and epic narratives. During a conversation took place the author's comments.

Of interest in translating the many statements in the form of recitative epic musical tradition works of zhyrau Tazhibayev Renat Bekzhursinuly. The representative of the younger generation of storytellers, a disciple of the famous bard Nauryzbek has a high reputation among the listening audience and the skill of improvisation. Heard in his performance excerpts from the epic tales «Alpamys», «Edige batyr», «Barak batyr», terme, Nauryzbek zhyrau zhyry, Abubakir and Kudaibergen, original songs representation (soz basy – tanystyru), song-initiation (arnau) song-farewell is testified a new, modern interpretation of music and poetic samples of folklore. All listed genres peculiar philosophical, moral and instructive content verified strictly logical sequence, the presence of different kinds of statements, sayings from everyday life practice.

Janibek Piyazov is a college professor of culture and art in the Nukus city. He is a winner of the State Youth Award in the field of musical art of the Republic of Uzbekistan «Nihol». The original performance of epic paintings with a characteristic manner simulating throat singing is often pictorial effect. Executable them large and substantial excerpts from the Kazakh and Karakalpak epics «Edige batyr», «Alpamys Batyr» demonstrate a natural giftedness, artistry and skill when applying sophisticated poetic texts.

Thus, the tradition of storytelling, so prevalence within the musical folklore of the peoples of Kazakhstan and Central Asia is the current issues and the most important object of study. In this article of particular interest in terms of mutual influence and interaction of various cultural spaces should be pointed out that the most popular form of this type of art seems the declamation so prevalent in the Kazakh of oral and poetic culture.

Upon further study, the chosen issues in the context of the culture of Turkic-speaking and other peoples, attracting innovative data modern humanities, will open up new prospects for deeper study and comprehension of a multifaceted folk heritage.

REFERENCES

1. Smirnova N. The research on the Kazakh folklore. – Almaty: Zhibek Zholy, 2008. – p. 526.
2. Vinogradov V. The Kyrgyz folk recitative. In the book: Questions of development of national musical cultures in the USSR. – M.: Muzgiz, 1956. – pp. 213-245.
3. Tungyshbay al-Tarazi. Soz. (Gylimi-teoriyalyk zertteu). – Almaty "Nurly Alem". – 2008. – Vol. 1, p.272. – P.265.
4. Akhmetov Z. The Kazakh poetry. – Alma-Ata: Nauka, 1964. – p. 458.
5. Kuzembay S. National artistic traditions and their convergence in the genre of Kazakh opera / Monograph. – Almaty, 2006. – p. 380.
6. Zhanabayev T. Erlerim bar maktauly (Zhyraulyk zhyrlar). – 2nd book, Hozheli, 2007. – p. 81.
7. Zhanabayev T. Arkanyyn asyl azamattary (Zhyraulyk zhyrlar). – 1st book, Hozheli, 2006. – p. 83.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ӘЙЕЛДЕР АРАСЫНДАҒЫ САУАТСЫЗДЫҚТЫ ЖОЮ НАУҚАНЫ ТУРАЛЫ (1926-1941 жж.)

Икежанова Шолпан Укибаевна

*№2 дарынды балаларға арналған
мамандандырылған мектептің
тарих пәні мұғалімі
Шымкент қаласы, Қазақстан.*

Кеңес өкіметі орнағаннан кейінгі қолға алған жұмыстардың бірі бұқара халықтың арасындағы сауатсыздықты жою жұмысы болды. Ал бұл жұмысқа ұйымдасқан сипат беру және жан-жақты жүргізу мақсатында 1918 жылы 26-шы маусымда өкіметтің "РСФСР-де халыққа білім беру ісін ұйымдастыру туралы ережесі" қабылданды [5]. Ережеде халыққа білім берудің губерниялық, уездік және болыстық бөлімдерін құру және мектеп құрылысына еңбекші бұқараны кеңірек тарту үшін халыққа білім беру Кеңестерін ұйымдастыру қарастырылады. Сауатсыздықты жою, яғни білім беру ісін жүзеге асыру социалистік қоғам орнатудың маңызды шарттарының бірі, - деп есептеді большевиктер.

1919 ж. 26-ші желтоқсанда Кеңес өкіметінің "РСФСР халықының сауатсыздығын жою туралы" декреті жарияланды. Осыған байланысты 8 бен 50 жас аралығындағы оқи және жаза алмайтын республиканың тұрғындарын өз ана тілінде оқу міндеттелді. Декрет сауатсыз адамдардың мектепке келуіне кедергі жасауға тырыскандарды қатал жазалауға юстиция органдарына құқық берді.

1920 жылы шілдеде сауатсыздықты жоюға қатысты төтенше комиссия құрылды. Комиссия сауатсыздық жою пункттері, үйірме, қысқа мерзімді курстар арқылы бұқараны оқуға тартуға тырысты. Бірақ осы жұмыста комиссия біршама қиыншылықтарға кездесті. Ең бірінші кезекте ол арнайы мектеп орындарының болмауы, оқулықтардың жоқтығы, педагогикалық білімі бар мұғалімдердің жетіспеушілігі еді. Сонымен бірге сауаттандыру ісінде қазақ халқының негізі бөлігінің көшпелі және жарылай көшпелі және жарылай көшпелі өмір салтын ұстауы да кедергі жасады. Дәл осы кезеңдегі елдегі таптық күрестің өріс алуы, азамат соғысының салдары білім беру ісіне кері әсерін тигізді. 1920-1921 жылдардағы халық шаруашылығының күйзелісі, көптеген аудандардағы ашық бұқара халықтың жағдайын нашарлатып жіберді. Елдің үлкен-кішісі өлместің жағдайын жасап көрші аудандарға немесе қалаларға ағылды. Мемлекеттің де білім беру ісіне қаржы аударатындай шамасы болмады. Осы жылдардағы өкіметтің алдына қойған басты мәселесі – халық шаруашылығын, өнеркәсіп орындарын қалпына келтіру, жаңа фабрика, заводтарды салу, таптық жаудың "сарқыншақтармен" күресті жүргізу болды.

1923 жылы төрағасы М.И. Калинин сайланған Бүкілодақтық "Сауатсыздық жойылсын" қоғам құрылды. Қоғамның ұялары бүкіл елде құрылды.

1926-1927 жылдары Халық ағарту комиссариаты ең бірінші рет қазақ және шығыстың аз ұлт қыздарын мектепке және жалпы алғанда әйелдерді білім беруге тарту, тәрбиелеу туралы мәселені қойды. 1927 жылдың 19-қаңтарында бұл мәселе бойынша Коллегияның қаулысы шықты. Осы қаулының негізінде жергілікті жерлерге – қыздарды жаппай оқу орындарына тарту, біршама әйелдердің мектептерін және басқа да мәдени-ағарту мекемелерін ашу жөнінде кең науқанды жүргізу туралы нұсқау берілді [5, 62]. Осы мақсатта қазақ қыздары мен әйелдеріне арнап арнайы мектептер ашыла бастады. 1926-1927 оқу жылында ауылдағы бастауыш мектептерде 8-10% қыздар болса, 1927-1928 оқу жылында ауылдағы бастауыш мектептегі қазақ қыздарының үлес смалмағы 11,1%-ке көтерілді [1]. Бірақ бұл әлі де болса мардымсыз еді. Ауыл мектептеріне 1927-1928-ші оқу жылында қыз балалардың екіден бірі ғана қамтылды. Оның себебін жоғарыда айтап кеттік, сонымен бірге ауылдың көпшілігі "қызға оқудың қажеті жоқ, бәрібір күйеуге шығады" - деп қыздарын үйде ұстауға тырысты. Мысалы, көрсетілген оқу жылында қазақ қыздары 11 % ғана үлес алса, бұл көрсеткіш орыс қыздарында – 33,7% болған [3,109].

Қызыл отаудың қызметінде кездескен келесі қиыншылық қазақ тіліндегі әдебиеттердің болмауы еді. Сондықтан да 1927 жылдың 1-ші сәуір мен 1-ші қазанының аралығында қазақ тілінде С.Баранованың "Қызыл отау" Н.Құлжанованың "Ана мен бала", Н.Арықованың "Қосшы және қазақ әйелі", С.Есованың "Ленин және әйелдерді басыбайлылықтан босату", Тоғжановтың "Партия және қазақ әйелі" атты кітапшаларын баспадан шығару жөнінде жоспар қабылданды.

Қызыл отаудың жұмысы төртке бөлінді. Олар: әйелдердің сауатын ашу, денсаулық-тазалық жұмыстарын жүргізу, заң жағынан кеңес беріп қорғау және жалпы саяси-тәрбие жұмыстары. Әсіресе қызыл отаулар әйелдер арасында сауатсыздықты жоюда ең негізгі күш болды. Әрбір отаудың жанынан сауатсыздықты жою пункттері ашылып, ауылдың ересек тұрғындары тартылды. Мысалы, Орал губерниясында 1926 жылдың көктемінде 2 қызыл отау Гурьев және Бөкей уездерінде құрылады. Бөкей уезіндегі отаудан 1926 жылдың наурызы мен қарашасы аралығында 75 әйелдің 45-сі сауа-тын ашып шығады [1]. Ақтөбе губерниясындағы отаудан 9 айдың ішінде 45 әйел толық сауатын ашса, 52 қазақ әйелі шала сауат алды. Осы отаудың жанында 100 жуық бар кітапхана жұмыс істейді [1]. Мұндай көрсеткіштерді басқа да аудандардан көруге болды. Отаудағы сауатсыздық-ты жою ісіне тек әйелдер ғана тартылып қоймай, ер кісілер де қатысты. Бірақ көпшілік жағдайда қалам, қағаздың жетіс-пеушілігінен және сол кез үшін мектеп құралдарының тапшылығынан әйел, ер адамдар оқуды тастауға мәжбүр болды.

Отаудың жұмысын насихаттау және әйелдер мәселесін жан-жақты қарау әйелдердің баспасөз органын шығару қажеттігі туды. Осыған орай 1925 жылдың мамыр айынан бастап "Теңдік" газеті шыға бастады. Ал 1926 жылдың қаңтарынан бастап "Әйел теңдігі" журналы ұйымдастырылды. Оның тұңғыш редакторы С.Есова болды.

1927 жылдың мамырында Өлкелік партия комитеті әйелдер бөлімінің ұйымдастыруымен болған өлкелік Кеңесте ең үздік отаудың меңгерушісі Қадияша Нұрымованың баяндамасы тыңдалды. Бұл жиында шығып отау мең-герушілері, партия қызметкерлері өзара тәжіриби алмасып, ұсыныстар енгізді. Соның ішінде үлгілі көшпелі отау ұйымдастыру туралы ұсынысты айтуға болды. Маусымның орта кезінде үлгілі отау Қызылордадан көшпелі аудандарға өзінің бірінші сапарын бастады [3].

1927 жылдың желтоқсанында БК(б)П-ң тарихи XV съезі болып өтті. Съездің алға қойған міндеттерінің арасында әйелдерге білім беру мәселелері айрықша орын алды. Бұл міндеттерді екі бағытта: біріншіден, ересек әйелдер арасындағы сауатсыздықты жою, екіншіден, қыздарды мектепке түгел тарту арқылы шешу белгіленді [2]. Партияның нұсқауын басшылыққа ала отырып, 1928 ж. наурыз айындағы Қазақстан Орталық Комитеті Президиумының мәжілісі әйелдердің білім алуына, яғни қазақ қыздарына интернаты бар мектеп шеберханаларын ұйымдастыру үшін мемлекеттік бюджеттен қаржы бөлу туралы арнайы мәселені қарады. Сол жылдың сәуір айында БК(б)П Қазақстан өлкелік комитетінің пленумы «Қазақстандағы мәдени құрылыстың міндеттері туралы» мәселені қарай отырып, әйелдерге білім берудің маңызын ерекше атап көрсетіп, көшпелі және жартылай көшпелі ауылдарда, сондай-ақ қышпақтарда қыздарға арнап бастауыш мектептерін ұйымдастыруды ұсынды. Қазақстанның көшпелі өмір салтын ескере отырып, партия қазақ әйелдері үшін ауылдарда арнайы көшпелі мектептерді ұйымдастырды.

Әйелдердің арасындағы сауатсыздықты жою туралы мәселені қарамаған бірде-бір Советтер съезі, бірде-бір партия конференциясы болған жоқ. Кеңестердің Бүкілодақтық VII съезі (1929ж. сәуір) «әйелдердің әсіресе қазақ және шығыстың аз ұлт әйелдерінің арасындағы сауатсыздықты жоюды батыл күшейту. Жоғарғы үлгідегі бастауыш мектептерге қыздарды тартуды арттыру» деген қаулы қабылдаса, Бүкілодақтық VII партия конференциясы «колхозшы әйелдердің арасындағы сауатсыздықты жоюға ерекше назар аудару» қажеттігін [5] атап көрсетті.

Кедейлер ұйымы ретінде «Қосшы» одағы да әйелдерге білім берумен айналысты. Қазақ әйеліне еркіндік беру арқылы, қоғамдық жұмыстарға тартуға тырысты. Артта қалған ауылдарды өз қамқорлығына алып, байларды тәркілеу, ұжымдастыру сияқты процестерге қазақ әйелдерін де қатыстыруға күш салды. Өз қорынан сауаттандыру ісіне қаржы бөліп, отау, клубтарда «Лениннің өмір жолы», «социалистік қоғамдағы әйелдің ролі», «партия және қазақ әйелі» атты тақырыптарды әңгіме, баяндамалар өткізді.

Әйелдер клубы мен өкіл әйелдер жиналысы да сауаттылық жолындағы күресте үлкен күшке айналды. Клубтарда оқу залдарында жастарға дауыстап оқу істерін ұйымдастыра бастады. Кеңестік заңдарды таныстырды. Клубтардың жанында сауатсыздықты жою мектептері болды. Сол кезде екі губерния бойынша 6 клуб жұмыс жасады. Біреуі Жаркент қаласында)

Жетісу губерниясы), қалған бесеуі Сырдария губерниясының қалаларында орналасқан. Жұмыс саяси-ағартушылық сипаты болды. 12 сауатсыздықты жоятын мектеп ұйымдастырылған. Онда 173 европалық әйел, 107 қазақ әйелі оқыған [5]. Бірақ бұл мектепті бітіргендердің көпшілігі толық сауатын ашпай, тек қана әріппен санауды ғана үйреніп шықты. Бұған себеп, өз жұмысына мүдделі мұғалімдердің жоқтығы. Кадрлардың көпшілігі кеше ғана өзі осындай қысқа мерзімді мектептерді бітірген, ересек адамдарға сабақ берудің әдісін білмейтін жастар болды. Оның үстіне жоғарыда айтып кеткендей көпшілік қазақ мектептерінің арнайы үйі болмады. Сырдария губерниясындағы мектеп туралы өз кезегінде «Советская степь» (13.1.28ж.) газеті былай деп жазады: «Әсіресе қазақ ауылындағы мектептерге қиын. Сабақ микроскоптық терезесі бар қараңғы жер кепеде өтеді. Жиырлысып отыруға тура келді. Оқушылар еденде отырып сабақ оқиды»... Ал бұндай жерде оқыған бала тиісті білім алада деп ойлау өте қиын.

Қазақстан атқару комитетінің қаулысымен 16-50 жас аралығындағы индустриялық және ауыл шаруашылық жұмысшыларымен 16-36 жас аралығындағы басқа да еңбекші таптарын 1932 жылдың 1-ші қазанына дейін хат танытып шығару жоспарланды.

Ғасырлар бойы рухани мәдениетіміздің негізі болып келген араб графикасын бір мезгілде өзгерту ата-бабаның тарихынан қол үздіру деген сөз еді. Алаштың белді азаматы Ахмет Байтұрсынов бұндай өзгеріске бірден қарсы шығып, «латын әрпін бірден алып, бірден соған түсіп кетуге одан да көп қаржы мен қайрат керек. Бірден мұғалімдердің бәрін латынша үйретіп, бірден баспаханалардағы әріптерді латынға айналдырып, адамдарын латынша үйретіп, оқу кітаптарын латынша бастырып, арабша сауаттыларды латынша сауаттандырып жіберу, адамдардың керек қылуын былай қоя тұрғанда да, он шақты миллион қаржымен біте қоятын жұмыс емес.

1935 жылдың қарашасында Қазақстан қыз-келіншектердің 1-съезі болып өтті. Мұнда әйелдерді социалистік құрылысқа тарту және ескіліктің қалдықтарымен күрес жөнінде әңгіме қозғалды. Съезде сөз алған Қазақстан Халық Ағарту комиссары Т.Жүргенов қазақ әйелдерінің арасындағы оқу, білім алу ісінің әлсіздігіне тоқталып, «қазіргі заманның адамдарының міндеті сауатын ашып, хат танып қана емес, білім алуы, белгілі-бір өнерге жетіліп, бір істің басын ұстауы керек... Мақсат қазір білімді болуда, өнерлі болуда», - деп айта келіп, сөзінің соңын «сіздердің осы съездеріңіз әйелдерді оқуға, мәдениетке шақыратын съез болу керек» [6],-деп түйіндеді. Қазақстан сауатсыздықпен күресте, қазақ жастарын оқуға, білімге тартуда Т.Жүргеневтің орны ерекше. Ол қазақ жастарының жоғары оқу орындарында білім алуына ерекше көңіл бөлді. Сол үшін де ауыл мектептерінің жағдайын жақсартуға күш салды.

Қарастырылып отырған жылдардағы республикамыздағы қазақ әйелдерінің арасында жүргізілген қоғамдық-саяси жұмыстар, өзінің проблемалық негізінде белгілі деңгейде ғылыми танымдық, практикалық маңыздылығын әлі де жойған жоқ. Әйелдерді басыбайлықтан босату процесі кеңес өкіметінің алғашқы жылдарында тарихшылардың назарынан тыс қалмады.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Есқызы Сара, Баранова Софья "Қызыл отау" Қызылорда: Қызмембаспасы, -1927. -72 б.
2. Ш. Ермағамбетова. Қазақстан әйелдері.// Социалистік Қазақстан. №249, 26 қазан, -1940
3. Жалғатаева. Т. «Деятельность Компартии Казахстана по вовлечению женщин в колхозное производство (1933-1937гг)» Автореф. дисс канд. ист. Наук, - Алма-Ата, -1979.
4. Сембаев А.И. «История развития советской школы в Казахстане». Алма-Ата: Каз. Государ. учебно-педогогическое изда-во, 1962. -367с.
5. Садвокасова К. «Развитие женского образования в Казахстане (1920-1932 гг)» Автореф канд. пед. наук. – Алма-Ата, -1966.
6. Ұ. Құлымбетов. «Совет әйелдері толық провалы азамат. (Қазақстан қыз-келіншектерінің І-съезінде сөйлеген сөзі)» Алматы: Қаз. баспасы, -1936 , -22б.

ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКИЕ ПЕСНИ И СКАЗАНИЯ АДЫГОВ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАРОДА

К.и.н. Кошокова С. Я.

Россия, г. Краснодар,
ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет»

Abstract. The article is devoted to analyze Adygean historical and heroic songs and stories as the most informative and reliable source of Adygeyan folklore. We define the main functions of songs and stories, and the information contained there. There are three main theme which are reflected in the historical and heroic songs. Another issue of analysis is the localization of folklore stories and songs over the timescale and influence of well known Adygean folklore experts and artist on Adygean folklore («dzheguako»). We have to acknowledge the particular importance of historical and heroic songs and folklore in the life of Adygean society.

Keywords: Adygeyan, folklore, historical and heroic songs, legends, dzheguako.

Для народа, не имеющего письменности, фольклор становится единственной возможностью сохранить память о прошедшем, это своеобразный «мост» между прошлым и настоящим, играющий огромную роль в общественном сознании. Можно много спорить о научной достоверности фольклора, его исторической значимости, но бесспорным является тот факт, что он отражает представления народа об историческом прошлом, формирует образы прошлого и, что самое главное вырабатывает отношение к ним. Именно через фольклор передается социальный опыт народа, его ценностные установки и ориентации.

Каждый из жанров фольклора выполняет свою функцию и несет определенный объем информации о создателе. Наиболее информативными в адыгском фольклоре являются историко-героические песни и сопровождающие их историко-героические сказания, прославляющие знаменитых воинов, сражавшихся за свою землю. Именно в них получили отражение факты политической и социальной истории. Превалирование героической тематики закономерно для общества, в котором главным достоинством мужчины считалась воинская доблесть.

Историко-героические песни и сказания характеризуются установкой на достоверность. Исторической песне в ряду фольклорных жанров больше всего подходит определение «исторической памяти» народа[1]. Хотя наиболее ранние из них ещё обладают мифологическими чертами, но в них уже действуют реальные исторические лица, в реальных обстоятельствах. Главными функциями историко-героических песен и сказаний являются фиксация, хранение и трансляция информации. При этом надо учитывать, что фиксация событий происходит выборочно, т.е. не каждое событие остаётся запечатленным в фольклоре. Информация, содержащаяся в песне или сказании, может быть как локального, так и всеобщего характера; произведения фольклора имеют разный жизненный срок: одни закрепляются в памяти народа, другие быстро забываются [2].

В историко-героической поэзии сложились три тематические группы: песни героико-патриотического содержания о борьбе с внешними врагами; песни о социальных отношениях внутри адыгского общества; песни о междоусобных конфликтах феодалов[3]. Песни повествуют как об отдельных исторических событиях, в центре которых может быть один герой или много воинов, так и о многочисленных подвигах конкретного героя, в честь которых созданы целые циклы песен и преданий.

Идея «родины» и её защиты является центральной темой в историко-героических песнях [4]. Вместо мифических чинтов в песнях и сказаниях фигурируют реальные враги: готы, гунны, авары, татары, тургуты, позже русские. Действие происходит в реальных географических координатах: как правило, указываются названия реки, ущелья или долины, где происходят события.

В песне, как поэтическом произведении, нет хронологии. В этом смысле более информативны сказания, призванные объяснить сюжет песни, но и они не обладают четкой хронологией. Исследователям удалось выявить несколько способов локализации во времени, во многом зависевших от таланта сказителя, его памяти и знаний [5]. Наиболее простые из них - это ссылка на далёкое прошлое («в далёком прошлом», «когда адыги язычниками были» и т.д.) или соотнесение с периодами жизни рассказчика («когда я ещё не родился», «когда я женился»

и т.д.). Эти способы носят ограниченный характер, более ясной временная локализация может быть только, если событие, о котором идёт речь, произошло при жизни сказителя, тогда при таких формулировках, как «когда, я женился», «когда, я был маленьким» должно было быть понятно, о каком времени идёт речь.

Два других принципа временной локализации связаны с именами конкретных исторических лиц. В первом случае, это князья («во время Инала Кривого», «во время Беслана Тучного» и т.д.) – генеалогический принцип, во втором – знаменитые люди («во времена Андемиркана», «в эпоху Жабаги Казанокана» и т.д.) – принцип эпохи знаменитых людей. Выбор того или иного принципа зависел от сказителя: князь и знаменитый герой могли жить в одно и то же время, и фигурировать в одних и тех же событиях, как, например, уже упомянутые, Беслан Тучный и Андемиркан.

Последний принцип – событийный, в котором события соотносятся с известными историческими происшествиями (во время нашествия крымского хана, во время большого голода, до эпидемии и т.д.) Следует отметить, что этот принцип наиболее популярен в быту народов, не обладающих календарным летоисчислением. Народ запоминает то, что имело наибольшее влияние на его жизнь и отталкивается от этого события, как от знакового. До сих пор можно встретить пожилых людей, пользующихся именно этим принципом. Следовательно, адыгский фольклор ещё не знает единиц исчисления времени. Линейное время применяется ограниченно, чаще всего для исчисления возраста героя.

В обществе, в котором главным достоинством мужчины являлась воинская доблесть, самой большой наградой становилась песня в честь героя. «Во многих случаях черкес брался за оружие, не знал отдыха, презирал опасности во время хищничества и боя для того только, чтобы стать героем песни, предметом былин и длинного рассказа у очага бедной сакли» [6]. Не меньшую гордость вызывали песни, сложенные в честь предков, отличившихся в своё время. На этих песнях воспитывалось новое поколение воинов, они воодушевлялись новыми подвиги. «Как могущественна сила воспоминания даже о том, что лишь слабо сохранилось в темных преданиях народных! Древняя песня о знаменитом изгнаннике, которому предки бжедуги с таким удивительным самоотвержением оказали покровительство, теперь раздавались в устах их потомков, конечно, не достойных героев древних песен, но всё ещё храбрых, отважных, и возбуждала в них чувства народной гордости: теперь... они решились на кровопролитную войну для защиты своих гостей» [7].

Запечатленной в песни могла быть не только храбрость, но и трусость. Этого любой адыг боялся больше всего. В этом случае он становился посмешищем для общества, фактически изгоем. Учитывая, что джегуако постоянно странствовали по Черкесии, и даже за её пределами, вести как о храбрецах, так и о трусах достигали всех уголков страны. Можно сказать, что одной из движущих сил воинской доблести адыгов была мысль прославиться среди современников и остаться в памяти потомков. К историко-героической песне могли прибегать для доказательства знатности происхождения, заслуг предков перед родиной [8].

Знатоками, исполнителями, сочинителями и хранителями исторических песен и преданий были джегуако. Некоторые исследователи именно с этим связывают то особое положение, в котором находились народные поэты: «Содержание большей части песен составляет историю черкесского народа, его могущество, жизнь и славу его предков и поэтому естественно, что человек, способный передать в поэтической форме все то, что составляет гордость и прошедшую жизнь Черкесии, не мог быть неуважаем. Отсюда уважение к поэтам-импровизаторам и слагателям песен» [9].

Выделяют два типа джегуако: странствующие джегуако и дружинные джегуако, на смену которым пришли придворные джегуако. Оба эти состояния могли легко переходить одно в другое [10]. Странствующие джегуако обычно составляли коллектив из 5-6 и более человек. Они ходили из аула в аул, их специально приглашали на различные мероприятия. Выделение дружинного джегуако, по мнению исследователей, связано с образованием раннефеодальных государств, когда при каждом князе появляется свой поэт, а превращение его в придворного, в свою очередь, с наступлением феодальной раздробленности [11].

Джегуако были свидетелями всех значительных событий в жизни адыгов. Так, перед битвой они вдохновляли воинов речью или песней. Не принимая участия в сражении, они внимательно наблюдали, чтобы потом в песне отразить ход событий [12]. Доказательством значительного влияния джегуако на представления адыгов и безмерного доверия общества к песенной форме служит наличие так называемой очистительной песни [13]. Человек, репутация

которого в обществе была незаслуженно скомпрометирована, мог сложить песню для защиты своей чести или заказать её джегуако и этого было достаточно для его оправдания.

Кроме сочинения песен, заслугой джегуако также является сохранение песен, по разным причинам не угодных высшим слоям адыгского общества и запрещенных для исполнения в кунацких. Будучи лицами неприкосновенными, странствующие джегуако не подчинялись приказам князей и исполняли запрещенные песни [14]. Это лишний раз подчеркивает ту роль, которую в жизни адыгов играло народное творчество, его высокий статус в глазах людей, так как не было необходимости запрещать то, что не влияет на общественное мнение. С распространением ислама на Северо-Западном Кавказе институт джегуако постепенно стал умирать [15]. Имея значительное влияние, они представляли угрозу авторитету священнослужителей.

Помимо джегуако, для которых знание исторических песен и преданий было профессией, среди адыгов большим уважением пользовались просто знатоки прошлого своего народа, владеющие ораторским искусством, но не зарабатывающие себе этим на жизнь. Такие люди были желанными гостями в кунацких, их специально приглашали, когда в доме были важные гости. Нередко они вступали с джегуако в соревнование по красноречию, остроумию и знанию народных преданий.

Фольклор, без преувеличения, являлся для адыгов исторической памятью и играл значительную роль в жизни общества. Сохранению этой памяти придавалось большое значение. Историко-героические песни и сказания наиболее информативный из фольклорных жанров. Они сохранили для нас сведения об исторических событиях, с указанием реальных географических координат и именами участников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шептаев Л. Русская историческая песня // Исторические песни. – Л., 1951. – С. 5.
2. Унарокова Р.Б. Песенная культура адыгов (эстетико-информационный аспект). – М., 2004. – С. 4.
3. Хут Ш.Х. Адыгское народное искусство слова. – Майкоп, 2003. – С. 289–330.
4. См. например: Адыгские песни времен Кавказской войны. – Нальчик, 2005.
5. Налоев З.М. Эюд о придворном джегуако // Налоев З.М. Этюды по истории культуры адыгов. – Нальчик, 1985. – С. 95–97.
6. Дубровин Н. О народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Нальчик: Эльфа, 2002. – С. 67.
7. Хан-Гирей. Бесльный Абат // Шаги к рассвету. Адыгские писатели-просветители XIX века: Избранные произведения. – Краснодар, 1986. – С. 111.
8. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. – Нальчик, 1978. – С. 113.
9. Дубровин Н. Указ.соч. – С. 171.
10. Налоев З.М. Роль джегуако в национальном и межнациональном общении // Налоев З.М. Из истории культуры адыгов. – Нальчик, 1978. – С. 44
11. Налоев З.М. Эюд о придворном джегуако // Налоев З.М. Этюды по истории культуры адыгов. – Нальчик, 1985. – С. 73, 74.
12. Бгажноков Б.Х. Черкесское игрище. Сюжет, семантика, мантика. Нальчик, 1991. С. 168.
13. Налоев З.М. Очистительная песня в адыгском фольклоре // Налоев З.М. Из истории культуры адыгов. – Нальчик, 1978. – С. 82–99.
14. Налоев З.М. Роль джегуако в национальном и межнациональном общении // Налоев З.М. Из истории культуры адыгов. – Нальчик, 1978. С. 53–54.
15. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. – Нальчик, 1994. – С. 72.

ФАКУЛЬТЕТЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОФЕССИЙ И ШКОЛЫ МОЛОДОГО ЛЕКТОРА ВУЗОВ КУБАНИ И ДОНА КА ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

К.и.н. Новоставский И. Н.

Россия, г. Краснодар,
ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет»

Abstract. The article reviews the results of activity of HEIs of the Krasnodar region and the Rostov Region in 1971–1980 in forming of students public stance and the activities of public profession faculties, the schools of young lecturers are analyzed. The relationship with modernity was conducted as well. If to concretize the various forms of business academic associations of the studied area in 1971–1980 to increase the activity of students in the socio-political sphere, they primarily went: to the care of creative, in-depth mastery of social science and the theoretical foundations of social activities in the workplace; to actively involve students in the work of public organizations of the University and beyond, on the practical application of acquired knowledge in various fields of social activities; to facilitate participation of students in research work on problems of social, humanitarian and natural Sciences, the preparation of essays and lectures and performances with them in the classroom and to the public; improve public and political activities of students in public organizations institutions and enterprises during practical training and teaching practice; to attract increasing numbers of students to voluntary work, networking with schools, industrial groups; organization of trips in places of fighting glory; the revitalization of the faculties of social professions and schools for young lecturer; development of various forms of student government.

Keywords: student youths, active life stance, faculties of public professions, schools of young lecturers, public policy practice for students, forming of public stance for youths.

В современных условиях становления гражданского общества и правового государства внимание общественности приковано к современной молодежи, от политической и гражданской активности которой во многом зависит, насколько будут реализованы поставленные перед обществом и государством задачи [1].

Поэтому достаточно интересным и полезным представляется опыт, накопленный партийными, комсомольскими и советскими органами в вузах Кубани и Дона по организации общественно-политической практики студенческой молодежи в 1971–1980 гг. и формирования политической культуры будущих специалистов.

Значительное внимание деканаты и парторганизации вузов Дона и Кубани в годы X и XI пятилеток уделяли важной форме привлечения студентов к общественно-полезной деятельности – школам молодого лектора и факультетам общественных профессий. Вопросы совершенствования их деятельности, организации методической и материальной помощи, обобщения лучших форм работы находили отражение в работе деканатов, ученых советов, ректоратов и парткомов РГУ, РГПИ, РИНХа, НПИ, КГУ, КПИ, КСХИ [2]. Это способствовало повышению социальной активности студентов, увеличению числа слушателей факультетов общественных профессий и школ молодого лектора. Так, если в 1975/76 учебном году слушателем ФОП КСХИ был каждый шестой студент, то в 1978/79 учебном году – каждый третий [3].

На факультете общественных профессий Кубанского сельхозинститута действовали 19 отделений, помогающих развитию и совершенствованию навыков организаторской, воспитательной, культурной и спортивно-массовой работы. Ежегодно на них обучались 130–1500 студентов. Это отделения: организаторов комсомольской и профсоюзной работы, организаторов агитационно-художественных бригад, отделение журналистики, художников-оформителей, фотографов, школа молодого лектора и другие [4]. Выпускники института, окончившие ФОП, не только возглавляли ответственные участки сельскохозяйственного производства, но и являлись хорошими организаторами политико-массовой, спортивной и культурной работы на селе. Так, выпускница экономфака КСХИ О.Б. Кандаурова получила

свидетельство ФОП как исполнитель художественного слова. По направлению вуза приехала на работу экономистом в совхоз «Октябрьский» Ейского района Краснодарского края. Она стала активной участницей народной агитбригады и танцевального коллектива, возглавила культурно-массовый сектор комитета ВЛКСМ совхоза. А.Н. Дмитриев – выпускник мехфака, прибыв на работу начальником автотранспортной колонны в г. Анапе, одновременно возглавил здесь вокально-инструментальный ансамбль предприятия. Д.В. Захаров, закончив агрономический факультет, стал работать агрономом в колхозе в Амурской области и руководить кружком русских танцев при районном Доме культуры [5].

Важно отметить, что факультет общественных профессий Кубанского государственного аграрного университета (с 1991 г. правопреемника Кубанского сельхозинститута) ведет активную работу по воспитанию студенческой молодежи и в настоящее время. Планы работы ФОП КубГАУ включают вопросы, связанные с ростом духовной культуры, организацией свободного времени студентов, формированием правильного поведения и общения в быту [6]. Работа ведется по двум основным направлениям:

- организация учебного процесса на теоретических отделениях, дающих дополнительные общественные профессии выпускникам вуза, и занятий в творческих коллективах ФОП;
- организация, проведение и участие в различных культурно-массовых мероприятиях в масштабе факультетов, университета, края, России и международных фестивалей и конкурсах, способствующих развитию творческих способностей будущих специалистов.

Руководителями творческих коллективов ФОП в последние годы назначаются студенты, особо проявившие себя в различных конкурсах и имеющие документ – свидетельство, дающий право вести занятия. А для этих ребят это – хорошая практика работы с коллективом, ответственности за коллектив и самодисциплины, что так необходимо выпускникам – будущим специалистам и руководителям производства. В 2014/15 учебном году на 43 отделениях ФОП КубГАУ обучалось 1607 человек по следующим специальностям: журналистика, основы фотодела и цифровой видеосъемки, юридической работы на предприятиях, имидж-студии «Твой стиль», ландшафтный дизайн, инновационной деятельности, лекарственных растений, оздоровительного массажа, художников-оформителей, менеджмент и др. Выпускники отделений получают свидетельства установленного образца, дающие право работать по избранной специальности. На факультете работают и 28 творческих коллективов различных жанров: студия балетных танцев, студия актерского мастерства, художественного слова, народный ансамбль песни «Млада», профессорско-преподавательский ансамбль «Аэлита», ансамбль народных и кавказских танцев, вокальная студия, клуб «Что? Где? Когда?», КВН университета, студия брейк-данс, рэп-группа и многие другие коллективы.

За 50 лет существования ФОП в Кубанском госагроуниверситете накоплен немалый опыт работы по организации занятий на факультете и нередко случаи и примеры работы выпускников по специальности, полученной на факультете общественных профессий. Так, выпускница отделения моделирования и конструирования женской одежды Е. Кисилева открыла частное ателье эксклюзивных моделей одежды, а Т. Лукина – предприятие массового производства женских швейных изделий. И. Зубенко, М. Проценко, В. Гукалов, Е. Петров, закончив отделение журналистики, работают корреспондентами районных газет в Староминском, Ленинградском, Славянском районах края. Всего 14 человек – выпускников ФОП стали членами Союза журналистов России.

Интересный опыт работы ФОП накоплен и в Азово-Черноморском институте механизации сельского хозяйства г. Зернограда Ростовской области. В исследуемый период удостоверения об окончании факультета общественных профессий получили более 3000 студентов. Подготовлено 800 лекторов-пропагандистов, 180 общественных корреспондентов, 150 руководителей художественной самодеятельности, 440 инструкторов-общественников по различным видам спорта и т.д. [7].

Ректораты и партийные организации вузов региона особое внимание уделяли школам молодого лектора факультетов общественных профессий. Эти школы выполняли две функции: познавательную и социально-творческую. С одной стороны студент являлся объектом, познающим основы лекторского мастерства, с другой – субъектом, на практике готовящемся к лекторской работе. Работа секций ШМЛ была сосредоточена при кафедрах общественных наук. В секциях студенты готовили тексты лекций и делали пробные выступления, рецензировали лекции своих товарищей.

Постоянное внимание вузовских организаций Дона и Кубани к работе школ молодого лектора способствовало широкому вовлечению студентов в агитационно-пропагандистскую

деятельность, совершенствованию деятельности лекторских отделений, расширению числа участников. Так, если в 1971 году, когда в Кубанском госуниверситете была только создана ШМЛ, ее слушателями являлись лишь несколько десятков студентов факультета Романо-германской филологии, то в 1974/75 учебном году в школе молодого лектора обучалось более 200 студентов, которые в период летних каникул прочитали около 600 лекций на предприятиях, в учреждениях, колхозах и совхозах Краснодарского края [8]. В 1976 г. по решению ректората и парткома КГУ была создана школа молодого лектора в общеуниверситетском масштабе.

В Ростовском государственном университете школы молодого лектора работали на каждом факультете, значительную помощь им оказывали кафедры общественных наук, преподаватели которых лично готовили по 4–5 студентов-лекторов. В РГУ был создан совет ШМЛ для оказания методической помощи руководителям секций и координации их деятельности. Школа молодого лектора помогала в подготовке лекционного материала для студенческих строительных отрядов. Слушатели школы молодого лектора Азово-Черноморского института механизации сельского хозяйства привлекались к чтению лекций и проведению бесед в студенческих учебных группах и красных уголках общежитий, в средних школах города, в колхозах и совхозах района в период производственной практики и третьего трудового семестра, по месту жительства – во время зимних и летних каникул. Нередко на первое выступление перед коллективом молодой лектор шел вместе с наставником – научным руководителем школы. Это прибавляло ему уверенности, давало возможность воспользоваться в случае необходимости советом опытного лектора [9].

Если конкретизировать различные формы деятельности вузовских организаций исследуемого региона в 1971–1980 гг. по повышению активности студентов в социально-политической сфере, то они, прежде всего, направлялись: на заботу о творческом, глубоком овладении общественными науками, а также теоретическим основам общественной деятельности в трудовом коллективе; на активное вовлечение студентов в работу общественных организаций вуза и за его пределами, на практическое применение полученных знаний в различных областях социальной деятельности; на активизацию участия студентов в научно-исследовательской работе по проблемам общественных, гуманитарных и естественных наук, подготовку рефератов и лекций и выступления с ними в студенческой аудитории и перед населением; на совершенствование общественно-политической деятельности студентов в общественных организациях учреждений и предприятий во время прохождения производственной и педагогической практики; на привлечение все большего числа студентов к шефской работе, на налаживание связей со школами, производственными коллективами; на организацию походов по местам боевой славы; активизацию деятельности факультетов общественных профессий и школ молодого лектора; развитие различных форм студенческого самоуправления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жабчик С.В., Попов В.В. Воспитание политической культуры у студенческой молодежи в образовательном процессе: к постановке проблемы // Тенденции развития науки и образования: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. В 3 частях. – Ч. III. – М., 2015. – С. 110–111.
2. ЦДНИРО (Центр документации новейшей истории Ростовской области). – Ф. 689. – Оп. 1. – Д. 294. – Л. 51; Там же. – Д. 308. – Л. 26; Там же. – Д. 310. – Л. 70; Там же. – Д. 341. – Л. 16; ЦДНИКК (Центр документации новейшей истории Краснодарского края). – Ф. 778. – Оп. 1. – Д. 110. – Л. 10; Там же. – Д. 115. – Л. 71; Там же. – Д. 127. – Л. 55; Там же. – Ф. 13001. – Оп. 7, Там же. – Д. 3. – Л. 213; Там же. – Оп. 8. – Д. 26. – Л. 115; и др.
3. ЦДНИКК. – Ф. 13001. – Оп. 10. – Д. 1. – Л. 29.
4. ЦДНИКК. – Ф. 13001. – Оп. 8. – Д. 26. – Л. 115.
5. Чайкин Е.И. Выбор на всю жизнь // Твоя жизненная позиция. – Краснодар, 1984. – С. 79.
6. Яковлева И.П., Миронец Е.В. Особенности и проблемы организации досуга молодежи (на примере студентов ВУЗов г. Краснодара) // Мировоззренческие и поведенческие стратегии социализации молодежи в глобальном мире: сборник трудов Международной научно-практической конференции. – Саратов, 2010. – С. 158–160.
7. ЦДНИРО. – Ф. 173. – Оп. 27. – Д. 121. – Л. 81.
8. ЦДНИКК. – Ф. 778. – Оп. 1. – Д. 115. – Л. 71.
9. Подготовка молодого лектора: проблемы и перспективы. – М.: Знание, 1982. – С. 71.

ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ И ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

К. и. н. Салфетников Дмитрий Анатольевич

Россия, г. Краснодар, Кубанский государственный аграрный университет

Abstract. The article is devoted to the industrialization problems in the context of contemporary modernization objectives relating to Russia as the largest Eurasian country. Under analysis are the key aspects, models of pre-revolutionary and Soviet modernization, national and foreign one. The article points out characteristic features and objectives of industrial development in modern Russia with reference to the historical experience.

Key words: industrialization, innovations, modernization, technological breakthrough, industry, historical experience, economic policy, protectionism, reindustrialization.

Современная эпоха диктует свои условия и мотивирует особенности процессов модернизации. Иными словами, «осовременивание» экономики и социокультурного пространства, под которым мы понимаем модернизацию, имеет свой исторический окрас, будучи тесно связанным со свершениями прошлого. В условиях глобальных политических и даже военных конфликтов, жесткой экономической конкуренции (как следствие этого – не всегда адекватных санкций одной группы стран в отношении других стран) значительно повышается роль промышленно-технологического потенциала. Россия в прошлом не раз демонстрировала примеры мощных технологических прорывов, связаны они были с индустриальным развитием. Актуальность изучения опыта индустриального развития и форм модернизации для анализа современного этапа развития страны представляется неоспоримой.

Исходя из политической и цивилизационной дилеммы «Запад-Восток» и складывающиеся веками системы отношений между соответствующими странами, можно рассматривать всю сумму причин и мотиваций проведения российских волн модернизации. Многовековая борьба с внешними агрессиями, интервенциями, упорное и трудное освоение бескрайних суровых просторов евразийской державы – все это находило отражение в характере государства и в перспективах его развития. «Петровская» модернизация начала XVIII в. проходила в условиях крепостнической системы, для решения жизненно важной задачи – отвоевания выхода в Балтийское море. Советская модернизация 1920-30-х гг. осуществлялась в условиях новой социальной альтернативы и также не очень дружелюбного отношения со стороны западных стран. Им проще было проводить политику «умиротворения» агрессора, чем бороться за создание системы коллективной безопасности в Европе, на чем настаивал Советский Союз, дабы не допустить развертывания мировой войны.

«Большевистскую» модернизацию с «петровской» сближало решение жизненно важных для страны задач, граничивших в разные эпохи с вопросами сохранения суверенитета и национально-территориальной целостности страны. Борьба за выход в Балтийское море или создание обороноспособной экономики в канун нападения немецко-фашистских захватчиков на нашу страну – в любом случае речь шла о необходимости промышленного прорыва. Мощная основа для последующих научно-технических достижений XX в. была заложена фундаментальными техническими открытиями и появлением новых отраслей научных знаний, как в мире, так и в России во второй половине XIX – в начале XX в. Методы проведения индустриализации в нашей стране и за рубежом являются предметом научного обсуждения и сейчас. Несомненным является тот факт, что индустриальный рывок, совершенный в СССР, позволил выстоять и победить в войне германский фашизм.

Задача создания современной индустрии стоит перед Россией и в наши дни, особенно если принимать во внимание санкции Запада в отношении нашей страны, чтобы создать или усугубить экономические проблемы и затормозить ее развитие. Поэтому в наших условиях для российской промышленности задачи импортозамещения, инновационной политики, технологического прорыва теснейшим образом взаимосвязаны. Это является совершенно неадекватным с исторической точки зрения, учитывая тот факт, что в годы Второй мировой войны СССР, США и Великобритания были союзниками в деле разгрома фашизма. Конечно, санкционная политика, наносящая определенный ущерб нашей экономике, не определяет в целом содержание стержневых основ экономической политики. Не случайно первый пункт постановления Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. звучал так: «Утвердить прилагаемую государственную программу Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика».[1]

Для реализации инновационной политики в промышленности необходимо достаточное количество высококвалифицированных кадров. Ведь главный ресурс – это не только нефть и другие природные ресурсы, которыми богата наша страна. Это – человеческий капитал. Его развитие, культивирование и превращение в экономическую силу является решающим фактором достижения высокой конкурентоспособности страны.

В ходе общенациональной дискуссии необходимо выработать стратегию развития нашего общества на долговременную перспективу. Необходимо отчасти восстановить планирование, используя для достижения плановых целей, в том числе, и рыночные механизмы. Необходима активная промышленная политика и поддержка отечественного производителя. По отношению к мировому рынку необходимо занять прагматическую позицию. Необходим как разумный протекционизм, так и заимствование инноваций из других стран. [2]

В этом смысле уместно вспомнить период «перестройки» в СССР, который закончился развалом великой державы. «Перестройка», первоначально задуманная как модернизация существующей системы, не дала нужного результата. Последовавшее за этим реформирование общественной системы, поддержанное практически всеми слоями населения, привело к резкому падению доходов населения. Использование опыта стран Центральной и Восточной Европы при проведении социальной трансформации дало отрицательный результат. [3]

И в этом отношении нужны, безусловно, качественные подходы. Коммерческий интерес может совпадать с инновационными заимствованиями, но не должен превалировать. Здесь примером может быть как иностранный опыт (Япония, которая заимствовала только самые совершенные образцы техники, в том числе и военной, в XX в. стала сама одной из передовых индустриальных стран), так и отечественный (в годы первых пятилеток допускались концессии, внедрялись в промышленности лучшие иностранные станки, двигатели и другие механизмы, до тех пор, пока не стали производить свои). Исторический опыт свидетельствует о необходимости протекционистской политики государства на этапе индустриализации, а если говорить о задачах современной российской промышленности – реиндустриализации.

Как справедливо полагают некоторые исследователи, общий предпосылкой моделей модернизации выступает адекватное понимание внутренних и внешних угроз, курс на укрепление внутренней стабильности. Приоритетную роль в ускоренном развитии азиатских государств играло государство развития – мобилизационный настрой и отказ от сиюминутной выгоды с нацеленностью на стратегические успехи. Более того, успех восточноазиатских модернизаций был сохранен с процессами и экспортом в западные страны, что необходимо учитывать при переносе данной модели модернизации на Россию, у которой экспортная экспансия ограничена экспортом сырья и некоторых видов оружия в некоторые страны. Главным инструментом азиатских стран была промышленная политика с ведущей ролью государства. [4]

Таким образом, реиндустриализация и достижение полноценного технологического состояния страны необходимы для обеспечения передовых позиций в решении вопросов национальной безопасности, геополитических и экономических проблем современности. Первоисточником инновационно-технологического прорыва в современной промышленности должен стать научный потенциал. Для этого в стране нужна более осязаемая поддержка государством фундаментальных исследований, органический синтез науки (академической и отраслевой) и высшей школы, бережное отношение к научному наследию и новым талантливым проектам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. N 316 "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Экономическое развитие и инновационная экономика" [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70644224/entry/1000:2> (дата обращения: 14.12.2015).
2. Васильев С.Ф. Преодоление рыночного фундаментализма как условие модернизации России. // Россия в эпоху модернизации: опыт, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 17-18 июня 2011 г. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2011. С.11.
3. Прохорова Г.А., Сломинская Е.В. К ВОПРОСУ О МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СССР В XIX-XX ВВ. // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1; URL: www.science-education.ru/125-19733 (дата обращения: 10.12.2015).
4. Вольчик В.В., Кот В.В. Институциональные изменения в контексте модернизации хозяйственных порядков. // Journal of Institutional Studies («Журнал институциональных исследований»). Том 5, №4, 2013. С. 44.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОРАЛЬНЫХ НОРМ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ 1817–1864 гг.)

К. и. н. Салчинкина А. Р.
Д. ф. н. Хоружая С. В.

Россия, г. Краснодар,
ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет»

Abstract. The article is devoted to the transformation of moral norms in extreme combat conditions on the example of the Caucasian war of the XIX century. Research hostilities in the Caucasus shows that the transformation of moral principles was typical of most combatants. The article reviews the common causes of all wars – the most everyday threat to human life, his health, the constant changing combat situation, long-term, often exceeding the limits of human capacity load, the loss of comrades, confrontation between sublime and base, altruistic and selfish motives. The longest war in the history of Russia gave rise to particular causes of changes in moral standards – very long, not typical for most wars, periods of calm, accompanied by boredom, monotony and lack of women. In such extreme conditions, cruelty of the enemy is often not specific personality traits, and were alienated, with an abundance of defensive motivations and character. In the Caucasus, including those dominated by «we act like them», «I'm doing everything», «fog of war», «winners are not judged». However, only a deep transformation of moral standards could lead to the fact that people lost faith and began to doubt the value and indisputability of moral commandments as «Thou shalt not kill», «Thou shalt not steal», «Thou shalt not covet the property of his neighbor», «Love your neighbor as yourself», «do not lie» and others. That is why, when the war ended, the participants hostilities began to reconsider their attitude to the Caucasian War. Peaceful life has formed in the minds of the combatants symbiosis of ideas about the enemy: along with the justification for their own violent actions appeared respect and even a certain sense of brotherhood towards the enemy. The notes and memoirs, wrote after the win, took a dominant place condescending and respectful attitude to the smallest enemy who managed to resist for so long.

Keywords: transformation, moral norms, combatant, Caucasian war, extreme conditions, protection motivation.

В последнее время проблемы массовой и индивидуальной психологии комбатантов стали особенно популярными в современных социогуманитарных исследованиях, в том числе и исторических [1]. В работах рубежа XX–XXI вв. данная проблематика начинает рассматриваться на примере Кавказской войны 1817–1864 гг. [2] Однако, если психология боевых действий на Кавказе в XIX в. довольно подробно изучена в отечественной историографии, то процесс трансформации моральных норм в экстремальных условиях войны не становился объектом самостоятельного исследования.

В различных исследованиях неоднократно поднимался вопрос о том, какие психологические процессы заглушают голос нравственного общечеловеческого закона «не убий» и позволяют видеть в убийстве человека свою правоту и даже некое благородство. Во время войны трансформация моральных норм формируется в результате длительного пребывания комбатанта в обстановке боевых стресс-факторов. Русский военный психолог Р.К. Дрейлинг отмечал, что «деятельность человека-бойца во время войны носит особый характер. Она протекает в условиях не только безнаказанного уничтожения себе подобных, коль скоро они являются врагами, но и прямой необходимости и в поощряемом желании делать это как во имя конечных целей общего благополучия для своего народа, так и в целях собственного самосохранения в условиях вооруженной борьбы» [3].

Боевая обстановка на Кавказе в XIX в. способствовала эволюции психологии комбатантства [4]. В результате защитной реакции нервной системы, которая на войне без того напряжена до предела, у воинов «притуплялись чувства». В своих воспоминаниях генерал-майор В.Я. Доливо-Добровольский-Евдокимов заметил, что «...ко всему люди привыкают, и привыкают скоро. В мескинджинских садах я был уже не тот, как на завале; сердце сжималось не так крепко и нервы уже не отзывались болезненно. А после, через несколько лет, какие

побоища приходилось мне видеть! Тяжело подумать, с каким равнодушием приучаемся мы рассматривать поле битвы; его мрачный вид даже не портит веселого расположения духа, если сражение выиграно» [5].

В основном, такой «защитный барьер» вырабатывается у профессиональных военных. Врач-психолог Л.А. Китаев-Смык данное явление объясняет следующим образом: «Когда человек впервые видит убитого, часто возникает не только психологический шок, но и реакция чисто физиологического отторжения, часто начинается рвота. Организм отторгает то, что должна отвергнуть психика, протестует против аномального явления – убийства себе подобного. Потом это отторжение как бы притупляется, но до конца к смерти привыкнуть нельзя. Другое дело, что человек может утратить способность остро переживать ужас, происходит “выгорание” эмоций» [6]. Рассуждая о смерти на войне, поручик, в будущем – генерал-лейтенант Н.В. Симановский пришел к выводу, что «человек в военное время теряет почти все нежные чувства». В итоге, погибшие вызывают равнодушие, а тяжелораненые только минутную жалость [7].

Человек не в состоянии в один миг «избавиться» от своей моральной и интеллектуальной развитости, совести, высоких этических принципов и поэтому пытается подсознательным образом обойти их, взваливая все это на социальную систему. В результате действия человека продиктованы желанием в той или иной степени вписаться в действующие институционально-анонимные структуры, прикрыть личностные желания «коллективно принятыми решениями».

Боевая обстановка на Кавказе в XIX в. становилась катализатором гипертрофированной жестокости по отношению к пленным. Подвергаясь «синдрому толпы», комбатанты различных звеньев – от высшего до низшего – совершали беспощадные, неоправданные с точки зрения базовых принципов человеческой гуманности, поступки. Захваченных горцев могли прогнать сквозь строй, позволяя солдатам вымещать на противнике свою злобу.

Безусловно, что события, находящиеся на грани возможностей человеческого восприятия, не позволяли многим комбатантам конструктивно справляться с ними, и механизмы психологической защиты сознания направлялись на уход от существующих проблем. Среди этих механизмов можно выделить употребление алкоголя.

На Кавказе алкогольная политика покоилась на двух китах: с одной стороны, спирту и вину придавалось значение продукта целительного и способствующего повышению боевого духа (в критических ситуациях винную порцию увеличивали как, например, под конец Даргинской операции 1845 г.); с другой стороны, прилагались усилия к нераспространению пьянства (так, во время практически безвыходной обороны Ахты в сентябре 1848 г., капитан и комендант укрепления Новоселов, дабы пресечь обращения «слабых душ к чарочке», сам разбил «все бочки спирта» [8]).

В условиях войны защитная маскировка «как все» ведет к появлению способности противостояния деструктивным процессам, происходящим в собственной психике. Другой формой внутренней деструкции является попытка организовать свои действия таким образом, чтобы можно было сослаться на давление внешних обстоятельств («я выполнял приказ», «мы поступали, как и они»), или на ситуацию, связанную с неконтролируемостью своего поведения (эмоциональные вспышки, страхи, депрессию, усталость и т.д.).

На Кавказе и горцы, и казаки нередко проявляли взаимную жестокость. При этом поступки, укладывающиеся только в рамки деградирующего сознания, оправдывались вынужденной реакцией на действия противника. Известно, что горцы отсекали головы у своих врагов. Так, в ходе экспедиции М.С. Воронцова в Дарго геройски погиб молодой генерал Д.В. Пассек. Тело Д.В. Пассека попало к горцам. Они отрезали ему голову, надели ее на копьё и в течение нескольких дней носили по аулам как трофей победы. Данная традиция существовала у линейных казаков до половины 30-х гг. XIX в. Барон Г.Х. Засс, командир Моздокского казачьего полка, приказывал отсекал у убитых горцев головы и возить их по станицам. В своих мемуарах генерал Г.И. Филипсон описал свою встречу с Г.Х. Зассом в Ставрополе. В его санях было около пятидесяти голых черепов. За голову каждого убитого командующий войсками Кавказской линии, генерал-лейтенант А.А. Вельяминов платил ему червонец и затем отправлял черепа в Академию наук [9]. Свое право отступать от европейских норм войны русские военачальники обосновывали тем, что и противник ведет себя не по-европейски.

Кроме того, в годы Кавказской войны казаки применяли жестокие методы, борясь с многочисленными уловками горцев. На помощь сознанию приходил очередной маскирующий принцип – «сами виноваты». Поскольку в безвыходных ситуациях горцы притворялись

убитыми, казаки стали протыкать штыками лежавшие на земле тела противников, среди которых попадались не только мертвые. Подобная взаимная жестокость способствовала складыванию особого стереотипа поведения на поле боя у горцев и казаков. И те, и другие старались не оставлять убитых и раненых. По наблюдением генерала Г.И. Филиппсона, «драка за трупы и отрезание голов вошли в нравы и обычаи кавказских войск» [10].

Обстоятельства Кавказской войны включали в себя не только экстремальные ситуации боя, но и гораздо более продолжительные по времени периоды повседневного быта. На Кавказе регулярные войска и казаки находились в почти постоянном напряжении, создававшим особую психологическую атмосферу. Боевыми столкновениями сопровождалось выполнение практически всех хозяйственных дел и служебных обязанностей.

При всей сложности и опасности повседневного быта в период военных действий на Кавказе, случались и такие периоды, когда заполнить время было очень сложно. Будничная жизнь в русских крепостях на Кавказе отличалась изматывающим единообразием, особенно зимой. С утра до ночи одна и та же рутина, одни и те же предметы, одни и те же лица, к тому же только мужские. И все это в ограниченном пространстве.

В свободное от боев время офицеры и солдаты, служившие на Кавказе, могли позволить себе немного развлечений. Употребление алкоголя позволяло избавиться от скуки и забыть об опасности, которую представляли и лихорадки, и пули горцев. В приказах по Отдельному Кавказскому корпусу, подписанных генералом А.П. Ермоловым, говорилось и об азартных играх в карты, которые нередко заканчивались ссорами и побоями [11]. Авторы полковых историй рассказывали, что участников подобных конфликтов, как правило, сажали на гауптвахту, заносили штраф в формулярные списки и производили их в следующие чины только за особые отличия [12].

Алкоголь и азартные игры несколько скрашивали унылое существование, но они не избавляли от синдрома «остановившегося» времени, который возникает неизбежно, когда каждый последующий день похож на предыдущий.

В экстремальных условиях войны увеличивается количество людей, которые исповедуют принципы «ситуативной этики», где добро и зло с легкостью меняются местами в зависимости от их представлений о выгоде для себя. Боевые действия на Кавказе не стали исключением, что привело к появлению интереса к чужому имуществу. Помимо этого, распространенная в годы Кавказской войны практика разорения непокорных аулов также стимулировала бесцеремонное отношение к чужому добру и нарушению одной из неприкасаемой моральной заповеди «не укради».

Следует отметить, что в воспоминаниях, повествующих о начале военных действий на Кавказе, высказывалось негативное отношение к мародерству и описывались методы борьбы командиров с этим явлением. К примеру, генерал-лейтенант А.А. Вельяминов приказывал «при себе бить палками и нагайками солдат, пойманных в мародерстве. Он спокойно садился на барабан и назначал время, в продолжении которого должна производиться экзекуция. При этом он разговаривал с другими, пока по часам оказывалось, что прошел назначенный срок» [13].

Однако воспоминания о последних годах Кавказской войны свидетельствуют, что «захват покинутого горцами или отбитого у них имущества был приведен в систему» [14]. Будущий военный министр Д.А. Милютин, служивший на Кавказе с 1839 до 1844 гг., вспоминал, что «среди кровавого побоища, рядом с подвигами храбрости, самоотвержения, поражали и самые отвратительные сцены в занятой части населения: некоторые из солдат обирали валявшиеся трупы убитых, вытаскивали из горевших саклей всякую всячину, даже вещи ни к чему не пригодные» [15].

Один из первых историков Кавказской войны и ее участник Н.А. Волконский без осуждения писал как 10 января 1852 г. два батальона Егерского князя Чернышева полка, батальон Навагинского полка, под командой флигель-адъютанта полковника барона Николаи за четверть часа ограбили и сожгли аул Салгирей [16]. Интересны и мемуары М.И. Венюкова, российского офицера, прибывшего на Кавказ в середине XIX в. В них он вспоминал, как генерал В.А. Гейман называл солдат его батальона «боровами, разьевшимися от черкесского проса». Сам М.И. Венюков признавал, «поправиться было от чего: в течение месяца было добыто по крайней мере по 50, а может быть и более, пудов пшена на роту» [17].

Затянувшаяся Кавказская война, далекая от европейских стандартов, меняла представления в сознании комбатантов о нормах боевых действий. И если в начале XIX в. в качестве трофеев упоминались только вражеские значки и знамена, то позднее, в 1830–1840-х гг., военачальники не стеснялись указывать в числе трофеев скот, провиант и даже бурки, что

не нашло понимания у Николая I, который собственноручно вычеркнул этот фрагмент из рапорта, предназначавшегося для публикации в «Русском инвалиде» [18].

Мемуары участников Кавказской войны содержат информацию о падении нравственности среди некоторых кавказских интендантов и начальников. По их вине солдаты испытывали нужду, главным образом, в продовольствии и обмундировании, что сокращало и без того короткий солдатский век. Нередко даже высокие должностные лица поправляли собственные финансовые дела и сколачивали целые состояния. Наиболее существенную часть доходов составляли доходы от фуража. К примеру, по подсчетам М.И. Венюкова, генерал В.А. Гейман ежегодно увеличивал свое состояние минимум на 20–25 тысяч рублей за счет экономии «фуражных денег на лошадей полкового обоза», а также денег, выделяемых на покупку походных палаток и содержание больных в походных лазаретах. Бывали случаи имитации ситуаций, когда вещи, которые выдавались полку на год, сгорали или тонули. Возникали подозрения, что потери могли быть фальшивыми. Несмотря на проводимые следствия, казне приходилось вторично отпускать обмундирование [19]. Таким образом, за годы Кавказской войны часть российских офицеров и солдат в своем поведении опирались на принцип «война все спишет».

Исследование Кавказской войны 1817–1864 гг. показывает, что трансформация моральных норм было характерно для большинства комбатантов, пребывавших длительное время в экстремальных боевых условиях. Среди основ данного процесса можно выделить общие для всех войн причины – каждодневная угроза самой жизни человека, его здоровью, постоянное изменение боевой обстановки, длительные, нередко превышающие пределы человеческих возможностей нагрузки, утрата боевых товарищей, противоборство возвышенных и низменных, альтруистических и эгоистических побуждений. Самая длительная война в истории России порождала и специфические причины изменения моральных норм – весьма продолжительные, не характерные для большинства войн, периоды затишья, сопровождающиеся скукой, однообразием и отсутствием женщин.

В подобных экстремальных условиях жестокость по отношению к врагу часто не являлась особой личностной чертой, а носила отчужденный, с обилием защитных мотивировок, характер. На Кавказе среди таковых преобладали «мы поступаем, как и они», «я делаю как все», «война все спишет», «победителей не судят». Тем не менее только глубокая трансформация моральных норм могла привести к тому, что человек терял веру и начинал сомневаться в ценности и непререкаемости таких моральных заповедей как «не убей», «не укради», «не возжелай имущества ближнего своего», «возлюби ближнего своего как себя самого», «не лги» и др. Именно поэтому, выходя из состояния войны, участники боевых действий начинали пересматривать свое отношение к Кавказской войне. Мирная жизнь формировала в сознании комбатантов симбиоз представлений о враге: наряду с оправданием собственных жестоких действий появилось уважение и даже ощущение некоего братства по отношению к противнику. В записках и воспоминаниях, писавшихся после одержанных побед, доминирующее место заняло снисходительно-уважительное отношение к более малочисленному противнику, сумевшему сопротивляться так долго.

ЛИТЕРАТУРА

1. Термин «комбатант» был введен в отечественную историческую науку трудами Е.С. Сеньявской. В своих работах она раскрывает возникший в XX в. массовый социально-психологический феномен «человека воюющего», показывает, как это явление отразилось в народном сознании и повлияло на судьбу нескольких поколений россиян. См., напр.: Сеньявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. – М., 1997; Она же. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М., 1999.
2. Из работ последнего десятилетия стоит особо отметить: Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб., 2000; Дегоев В. Большая игра на Кавказе: история и современность. – М., 2001; Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. – СПб., 2008; Лапин В.В. История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу. – СПб., 2003; Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Исторические чтения. – СПб., 2001; и др.
3. Дрейлинг Р. Военная психология как наука // Душа армия. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. – М., 1997. – С. 159–160.
4. В данной работе под «комбатантами» понимаются офицеры и солдаты Отдельного Грузинского корпуса (с 1820 г. – Отдельный Кавказский корпус, с 1857 г. – Кавказская армия), а также казаки Черноморского и Кавказского линейного войск (с 1860 г. – объединены в Кубанское казачье войско).

5. Доливо-Добровольский-Евдокимов, В.Я. Из кавказской жизни. 1848 год в Дагестане // Осада Кавказа... СПб., 2000. – С. 545.
6. Китаев-Смык Л.А. Любить и прощать // Труд. – 1995. – 19 сентября. – С. 2.
7. Дневник поручика Н.В. Симановского. 2 апреля – 3 октября 1837 г., Кавказ // Гордин Я. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб., 2000. – С. 412–413.
8. Доливо-Добровольский-Евдокимов В.Я. Указ. соч. – С. 551.
9. Филиппсон Г.И. Воспоминания. 1837–1847 // Осада Кавказа... – С. 83, 105.
10. Там же. – С. 106.
11. См., напр.: Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 318. – Оп. 1.
12. Ракович. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846. Правый фланг. Персия. Черноморская береговая линия. – Тифлис, 1900. – С. 137.
13. Филиппсон Г.И. Указ. соч. – С. 92.
14. Венюков М.И. Кавказские воспоминания. 1862–1863 // Осада Кавказа... – С. 606.
15. Милютин Д.А. Год на Кавказе. 1839–1840 // Осада Кавказа. – С. 217–218.
16. Волконский Н.А. Погром Чечни в 1862 году // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб., 2001. – С. 386.
17. Венюков М.И. Указ. соч. – С. 616–617.
18. Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. – СПб., 2008. – С. 267.
19. Там же. – С. 608–611.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ ЖЕНЩИН В ЕГИПТЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI вв.

К. и. н. Турк С. Н.

Россия, г. Краснодар,
ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет»

Abstract. The article is devoted to problems of women's participation in the political process of modern Egypt. The author explores the roots of gender inequality in power relations and the phenomenon of female political leadership. The article discusses the dynamics of women's political participation in Egypt in the second half of XX – beginning of XXI centuries identifies the causes of low representation of women in politics of Egypt. The role of women in politics. According to the Egyptian Constitution, men and women have equal rights and equal opportunities for their implementation, but in practice, in political life, continues to exist a significant difference between *de jure* and *de facto* in the field of equal participation of women in the highest power structures and decision-making. Women of Egypt are outsiders in the political sphere, they have been traditionally weak in the legislative bodies occupy few leading positions in the government. The policy is traditionally considered a male domain. The representation of women in bodies of political power is characterized by gender asymmetry. The dominance of men in political structures, women's low level of self-consciousness, lack of support from parties and mass media, the lack of appropriate linkages with various community organizations – all this serves as a serious barrier to increasing the representation of women in politics. In masculine-orientirovana society's political system contains in itself a tendency to block the entrance of women to preserve the Patriarchal status quo. The dominance of men in political structures, women's low level of self-consciousness, lack of support from parties and mass media, the lack of appropriate linkages with various community organizations – all this serves as a serious barrier to increasing the representation of women in politics. In masculine-orientirovana society's political system contains in itself a tendency to block the entrance of women to preserve the Patriarchal status quo. Very often it is declared to be a concern of society about women who need to protect against "dirty politics" and save for the family as the primary place of their activities.

Keywords: power, politics, gender inequality, political participation, political activity, feminism.

В начале третьего тысячелетия мусульманское общественное сознание все еще с трудом воспринимает идею политического партнерства полов.

В самой женской среде по-прежнему доминирует убеждение, что политика – не женское дело. В связи с этим большинство египтянок не стремится войти в «большую политику» и даже критически относятся к женщинам-лидерам. В какой-то степени это подтверждает мысль О. Вейнингера, что «последняя противница женской эмансипации есть сама женщина» [1].

Если на Западе женщины на высших государственных постах – традиционное явление, то на Востоке женщины-политические лидеры как правило это «первые леди» – супруги президентов, министров, влиятельных политических лидеров или представительницы правящих королевских фамилий.

Кардинальные изменения в жизни египетских женщин произошли после июльской революции 1952 г., в результате которой организация «Свободные офицеры» во главе с подполковником Гамаль Абдель Насером совершила государственный переворот, свергла монархию, и Египет был провозглашен республикой.

После завоевания Египтом независимости главной целью египетского женского движения было обеспечение политических, экономических и гражданских прав женщин.

В марте 1954 г. египетская феминистка, писательница, лидер организации «Дочери Нила» Дория Шафик с 18 другими женщинами вступила в бессрочную голодовку не только, чтобы возразить отсутствию женских политических прав в новой временной конституции, но также подчеркнуть силу демократических тенденций в общественном сознании, которое больше не могло быть терпимым к отсутствию конституции и свободы [2]. Дория Шафик прекратила голодовку только после того как получила письменное заявление президента Мухаммед Нагиба, обещавшего соблюсти в Конституции права женщин.

Временная конституция 1952 г. предоставила всем женщинам, умеющим читать и писать пассивное избирательное право.

23 июня 1956 г. путем референдума была утверждена конституция Египетской Республики (при президенте Г.А. Насере). Конституция АРЕ гласила: «Все египтяне равны перед законом. Они равны в осуществлении своих общих прав и обязанностей и в этом между ними нет никаких различий» [3]. Конституция предоставила египтянкам активное избирательное право (избирать и быть избранными на парламентских выборах) и право занимать государственные должности [4].

Впервые в арабском мире египтянки получили активное избирательное право. Свыше 30 лет женщины Египта вели упорную борьбу за это право. Конституция бросила вызов существовавшему status quo, лишавшему женщин возможности участвовать в политической жизни. Однако надежды феминисток, что с обретением женщинами равных избирательных прав политика автоматически изменится к лучшему, оказались иллюзией. От декларации равноправия до реального ее осуществления – дистанция, для преодоления которой нужны годы. В 1956 г. среди избирателей было около трех тысяч женщин, в 1964 г. – примерно семнадцать тысяч из семи миллионов потенциальных избирательниц. Мужчины все еще имели право вычеркнуть фамилию жены из списка избирателей [5].

Во время правления Насера образ эмансипированной женщины использовался как эмблема прогресса и просвещения. Формировалась женская политическая элита: появились первые женщины-министры и женщины-депутаты парламента. Высшим законодательным органом Египта стал однопалатный парламент – Национальное собрание (после Садата называлось Народное собрание). В 1957 г. впервые в истории Египта две женщины – Равийя Аттия и Амина Шукри (из 360 парламентариев) стали членами Национального собрания (0,5 %). В 1962 г. впервые в истории Египта женщина Хикмат Абу Саид – профессор социологии Каирского университета, стала министром по социальным вопросам в правительстве. Таким образом, женщины вошли во властные структуры [6]. В парламенте 1964 г. было уже 8 женщин среди 360 парламентариев (2,2 %) [7].

На выборах в парламент 1969 г. представили свои кандидатуры 6 женщин. Однако только две женщины – адвокат Бутайна ат-Тавил и рабочая Наваль Амир набрали необходимое количество голосов. Третья представительница адвокат Муфида Абдурахман из Каира была назначена в парламент по указу президента [8].

В 1979 г. согласно декрету президента А. Садата (закон № 21/79) в парламенте резервировалось 30 мест для женщин. В том же году в парламенте были представлены 35 женщин (8,9 %) из 390 членов. Это был самый высокий уровень представительства женщин в парламенте.

Таким образом, египтянки постепенно входили во властные структуры. Их присутствие в государственных учреждениях рассматривалось как дань требованиям времени, как демонстрация «прогрессивности».

Это был период общедемократических преобразований. В ситуации слома старой политической системы и формирования новой, египетское общество, в целом и новые структуры власти, в частности, оказались более открыты к требованиям различных социальных групп.

После убийства Садата 6 октября 1981 г. группой исламских фундаменталистов, на референдуме, проведенном 13 октября 1981 г. президентом Египта стал Хосни Мубарак, в пользу которого было подано 98,46 % голосов избирателей [9]. Он стал четвертым президентом республиканского Египта. Хосни Мубарак, в прошлом военный летчик, прославившийся в период арабо-израильского конфликта, придя к власти, осуществил некоторую либерализацию общественной жизни и экономическую стабилизацию.

В 1986 г. закон о системе квот был аннулирован. В связи с этим представительство женщин в египетском парламенте резко снизилось. В парламенте 1987 г. было 18 женщин из 458 членов (3,9 %) [10].

С 1984 г. парламентские выборы проводятся по партийным спискам на основе пропорционального представительства, то есть каждая партия получает в округе число мест пропорционально количеству голосов избирателей, отданных за кандидатов этой партии. Партия, не набравшая на выборах 8 % голосов избирателей в масштабе всей страны, не может иметь депутатов в парламенте. Срок полномочий парламента – 5 лет. Активное избирательное право предоставлено лицам, достигшим 18 лет, пассивное – 25 лет [11].

В последнем парламенте Египта (2000 – 2005 гг.) 10 из 458 депутатских мест занимали женщины, что составляло 2,4 %.

Участие женщин-депутатов в работе парламентов и иных представительных органов государственной власти крайне важно не только для самих женщин, но и для общества в целом.

Женщины выдвигают законодательные инициативы, которые близки интересам женщин. Так, для них на первом плане стоят вопросы здравоохранения, планирования семьи, воспитания детей, гигиены и др., стоящие на периферии интересов мужчин.

Жена президента Сюзанна Мубарак, социолог по образованию, боролась за права женщин, возглавляла Национальный совет женщин (создан 12 марта 2000 г. по президентскому указу) при президентском фонде, который неоднократно убеждал женщин более активно участвовать в политической деятельности, и особенно регистрироваться в качестве избирателей. Сегодня эта организация является основным представителем политических и других интересов женщин.

В 2005 г. в период президентской предвыборной кампании один из высших религиозных мусульманских деятелей Египта, бывший муфтий страны, и руководитель аппарата мусульманских богословов Египта, шейх Фарида Наср Вассиль издал фетву, в которой он указывал на религиозный запрет женщине ставить свою кандидатуру на пост руководителя страны.

Заявление шейха Фарида Насра Вассиля поступило после того, как известная египетская писательница и журналистка, 75 летняя Наваль Саадави, выдвинула свою кандидатуру на предстоявших президентских выборах в качестве кандидата. Несколько позже она отказалась от своего намерения так как силы безопасности Египта не давали ей устраивать общественные собрания, читать лекции, появляться на радио и телевидении и публиковать свои статьи в газетах. Впервые в истории Египта женщина заявила о своем намерении баллотироваться на высший государственный пост, создав прецедент участия женщин в борьбе за президентское кресло.

В январе 2011 г. в Египте произошла революция с требованиями отставки бессменного президента Хосни Мубарака. Причинами массовых акций протеста стало низкое качество жизни, безработица, рост цен на продовольствие, отсутствие свободы слова. Женщины не только страдали от репрессий, как и мужчины, но и от дискриминационных законов.

С января по ноябрь 2011 г. на площади Тахрир, ставшей символом «финиковой революции» женщины всех возрастов, разных социальных слоев и вероисповеданий требовали перемен и настаивали на своем участии в строительстве новой страны.

В результате 29 января 2011 г. президент Хосни Мубарак, правивший страной 30 лет (с 1981 г. пять раз переизбирался на этом посту), ушел в отставку.

В 2014 Абдель Фатта эль-Сиси (экс-министр обороны страны), был избран шестым президентом Египта. На сегодняшний день в Народном собрании Египта 6 женщин-депутатов (1,3% от общей численности депутатов). В Консультативное собрание в 2004 г. были избраны 18 женщин-депутатов (6,82% от общей численности депутатов). Их голос негромок во время дебатов, они не активны и едва ли имеют политический вес. В состав правительства Египта входит 1 женщина-министр (2,9% от общей численности должностных лиц в ранге министра).

Недавно избранная депутатом от Партии свободы и справедливости Аза аль-Гарф подчеркнула, что количество женщин в парламенте соответствует желанию народа, выраженному в избирательных бюллетенях. «Я уверена, что одна избранная женщина-депутат может оказаться более полезной, чем множество назначенных чиновников, которые не разбираются в делах и проблемах женщин», – сказала она, выступая на конференции по

вопросу представительства женщин в органах власти. Аза аль-Гарф добавила, что верит в будущее нового свободного Египта, несмотря на нынешнюю нестабильность в стране [12].

Таким образом, «арабская весна» 2011 г. значительно повлияла на гендерную политику, выявив при этом негативные тенденции и перспективы. Гендерная структура власти свидетельствует о ее четком «мужском» профиле и, соответственно, о маргинальном положении женщин на политическом Олимпе.

Арабская весна привела к нарастанию исламистских настроений принятию новым государством ряда дискриминационных законов. Все это привело к тому, что Египет стал самой неблагоприятной страной арабского мира для женщин. Согласно исследованию, проведенному экспертами по гендерным вопросам фонда Thomson Reuters Foundation, которое приводит британское издание *The Independent*, по уровню соблюдения прав женщин Египет занимает последнее место среди 22 арабских стран, расположившись ниже Ирака и Саудовской Аравии. Столь низкую позицию страны пирамид специалисты объясняют политической нестабильностью, резко сократившейся долей женщин в парламенте – с 12% до 2%, а также возросшими показателями сексуального насилия.

Усиливается влияние мусульманского фундаментализма, который апеллируя к исламским ценностям, стремится свести на нет все достижения женщин. Мусульманские фундаменталисты требуют возвращения общества к первоначальным принципам ислама, вынуждают женщин носить чадру, запрещают им работать вне дома, проводят политику сегрегации полов и деэмансипации. Статус женщины таков, как он определен в Коране и сунне, считают фундаменталисты, все остальное – от лукавого, от развращенного и тлетворного Запада.

Женщины, стремящиеся к участию в процессе принятия решений в области законодательной власти, сталкиваются с многими преградами. Это традиции, предрассудки, культура общества, стереотипы в отношении женщин-политиков, отсутствие доверия к власти в целом, недостаточная политическая подготовка и отдаленность женщин от партийных политических структур.

Как женщины могут преодолеть эти преграды, и каковы наиболее эффективные методы повышения уровня их участия в процессе принятия решений в парламенте? Это женское движение, вовлеченность в иные общественно-политические движения, участие в неправительственных организациях и политических партиях (в том числе женских). Это налаживание связей между неформальными политическими движениями и официальными политическими структурами, а также эффективные методы работы со СМИ, активное использование средств электронных коммуникаций, Интернета.

Многое зависит от степени понимания обществом того неопровержимого факта, что повышение представительства женщин в политических институтах является индикатором уровня демократии и прогресса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вейнингер О. Пол и характер: Мужчина и женщина в мире страстей и эротике. – М., 1991. – С. 372.
2. Harders C. Frauen und Politik in Ägypten: Untersuchungen zur Situation Ägyptischer Politikerinnen. – Н., 1998. – С. 37.
3. Конституция Республики Египет. – М., 1956. – Ст. 31.
4. Там же. – Ст. 19.
5. Васильев А.М. Египет и египтяне. – М., 2000. – С. 181.
6. Ahmed L. Women and Gender in Islam. – Л., 1992. – P. 210–211.
7. Harders C. Указ. соч. – P. 100–101.
8. Timm K. Frau und Familie im neuen Ägypten // Timm K., Aalami Sch. Die muslimische Frau zwischen Tradition und Fortschritt. Frauenfrage und Familienentwicklung in Ägypten und Iran. – Berlin, 1976. – P. 37.
9. Сейранян Б.Г. Хосни Мубарак: начало политической деятельности // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. – М., 1997. – С. 318.
10. Harders C. Указ. соч. – P. 100–101.
11. Зеленев Е. И. По странам мира. Египет. – СПб., 2004. – С.96.
12. «Количество женщин в египетском парламенте соответствует желанию народа», – аль-Гарф [Электронный ресурс] // ANSAR: информационно-аналитический канал. – URL: <http://www.ansar.ru/world/kolichestvo-zhenshhin-v-egipetskom-parlamente-sootvetstvet-zhelaniyu-naroda-al-garf>

PHILOSOPHY AND PHILOLOGY

ЭКСПЕРИМЕНТ КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Бабаева Ш. Б.
Курбанова Н. Р.

Бухарский государственный университет.

Abstract. The article is devoted to the study of experience as one of the methods of research in teaching foreign languages. The authors think that in methodology of teaching foreign languages the reliability of results and safety of recommendations guarantee the methods of investigation and using this method in educational process is characterized by the progress of learners, their orthographical literacy.

Keywords: self study skills, the method of investigation, theoretical analysis of literature, orthographical literacy, educational, searching and etc. experiments.

Современные преобразования в нашем обществе изменили тенденции и в сфере образования. Сегодня образовательный процесс в Узбекистане требует внедрения в практику преподавания иностранных языков новых форм, методов и технологий обучения. Актуальным при этом остается вопрос приобретения навыков саморазвития и самообучения учащихся, для реализации которого важную роль играют методы исследования.

Как известно, в методике преподавания иностранных языков достоверность выводов и надежность рекомендаций обеспечиваются методами исследования [1].

В настоящее время общепризнанной является классификация А.В. Текучева, в которой указаны следующие методы исследования такие как, эксперимент, изучение истории школы и методических учений, теоретический анализ литературы по методике в смежных областях, анализ самого предмета обучения в учебных целях, моделирование учебно-воспитательного процесса и его элементов, диагностика и прогнозирование трудностей в обучении, исследование уровней речевого развития учащихся, как в среднем, так и индивидуально [3].

Эксперимент по методике преподавания иностранных языков – один из важнейших методов исследования. С помощью эксперимента осуществляется поиск новых форм обучения, проверяются системы обучения, отдельные приемы, упражнения, уроки и их циклы, учебники, пособия, программа [2].

Как правило, план и методика эксперимента утверждается Министерством народного образования Республики Узбекистан. В методике преподавания иностранных языков различают следующие виды эксперимента, представленные в таблице.

Вид эксперимента	Цель
Поисковый	Выявление проблемных зон в процессе обучения определенному предмету или теме.
Констатирующий	Подтверждение определенной гипотезы посредством тестирования и анкетирования
Обучающий	Обучение определенной группы учащихся по какой – либо новой методике, программе, учебному пособию
Корректирующий	Устранение недостатков, выявленных в процессе обучающего эксперимента
Контрольный	Констатация результатов обучения посредством вторичного тестирования и анкетирования

Обучающий эксперимент обычно продолжителен, тщательно подготовлен, строго фиксируется. Он может проводиться как в лабораторных условиях, т.е. в отдельных экспериментальных классах, так и в более широких масштабах: школе, ряде школ, районе и т.д.

- с целью проверки новой системы обучения. Его ход фиксируется в протоколах или на видео документах, затем материалы изучаются и делаются выводы. В начале эксперимента, в конце каждого этапа и всего исследования проводятся срезовые работы. Выводы в современных исследованиях делаются не только на основе качественного анализа, но и с применением статистики и информационных технологий.

Наиболее широкие и длительные обучающие эксперименты, в которых участвуют многие учителя, называются опытным обучением, так как они накапливают опыт для работы по новым программам, учебникам. Для сравнения обычно, параллельно с экспериментальными, создаются контрольные классы, в которых применяется другая методика (другие программы, учебники, упражнения и пр.). Такой эксперимент позволяет определить сравнительную эффективность разных методик.

В обучающем эксперименте очень важно накопить обширный материал: конспекты уроков учителей и протоколы уроков (или их мультимедийные варианты), что позволяет выяснить, как и насколько удалось реализовать замысел экспериментатора. В ходе эксперимента составляются картотеки ошибок, допускаемых учащимися; ошибки подвергаются классификации с целью выяснения их причин. Изучаются трудности, которые встречаются у учащихся. Обычно ведется дневник эксперимента.

Контрольный эксперимент проводится по завершении основного, формирующего, с целью получения материала для оценки новой методики. Нередко он приобретает форму среза в виде контрольных работ, тестов, сочинений, докладов учащихся, их творчества и пр. «Срезы» дают материал для анализа, статистической обработки, обобщения в виде таблиц, схем, диаграмм. При обработке срезовых материалов нужно пользоваться едиными критериями, которые составляются заранее, на начальных этапах формирующего эксперимента, и отражают задачи новой методики и, следовательно, всей экспериментальной работы.

В наши дни эксперимент стал самой распространенной формой исследований по методике обучения языкам: его проводят не только научные работники университетов, но и учителя школ и колледжей. Названные виды эксперимента носят общедидактический характер. Но есть и такой вид эксперимента, который позаимствован методикой у лингвистической науки: лингвистический эксперимент. Метод *корректирующего - лингвистического эксперимента* опирается на чутье языка: учащимся предлагается выполнить ту или иную языковую задачу; каждый выполняет ее в соответствии со своим языковым опытом, индивидуальным стилем; затем результаты анализируются, делаются выводы. Метод применяется, например, для выяснения того, какие синтаксические конструкции учащиеся предпочитают употреблять при выражении одного и того же содержания: сложносочиненные или сложноподчиненные предложения.

Оказалось, что к старшим классам усиливается тенденция использования сложноподчиненных предложений; исследователь делает вывод об усилении подчинительных отношений в речи учащихся по мере их взросления.

В любом виде эксперимента существенную роль играют сопоставления экспериментальных и контрольных классов. Итоги эксперимента обычно подводятся в виде статистических обобщений, в количественном выражении: характеризуется успеваемость учащихся, их орфографическая грамотность, их речь и навык чтения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литневская Е.И., Багрянцева В.А. Общие вопросы методики преподавания русского языка. – М.: Академический проект, 2006.
2. Львов М.Р. Словарь-справочник по методике русского языка. - М.: Просвещение, 1997.
3. Основы методики русского языка в 4-8 классах: Пособие для учителей / Под ред. А.В.Текучева. – М.: Просвещение, 1983.

THE LANGUAGE AND HUMAN COGNITIVE ACTIVITY

C. ph. s., Bezukladova I. Y.

Russia, the city of Tambov, Tambov State University after G. R. Derzhavin

Abstract. *The article concerns the evolution of the scientific views of the cognition and language correlation, the cognitive and language structures from the classical epistemology and constructivism to the modern stage of the cognitive linguistics development. The research done in plane of the cognitive linguistics, psychology, neurophysiology, psychophysiology, cognitive linguistics and some other sciences show that the material structures of brain and physical processes running in it are available to observe and fixate only due to the language.*

The main merit of the cognitive linguistics is studying the language as a means opening the way to the analysis of the cognitive human abilities as the only instrument providing an access to the human consciousness. The language is considered as a way of objectification of existing in our consciousness different and varied levels structures of the world knowledge. The linguists-cognitivists admit the key role of the human and the human factor in cognition processes. A great number of researches are devoted to studying mass and individual knowledge.

It is important to understand the cognition process both as a process of human interaction with the environment so as an inter-subjective process. The social dependency of human cognition allows us to speak about the socially generated sense and meaning that is determined by all cognitive human system. The definition of what is understood by knowledge has fundamentally changed: by knowledge in the cognitive linguistics plane we understand not the collection of accidental, separate facts but the set of data united into a definite structured system. Hence, we speak not about knowledge in general but about the knowledge represented in the language.

Keywords: *objective knowledge, cognitive structures, language structures, cognitive linguistics.*

Studying the issue what is the objective knowledge and how the knowledge structures find their representation in the language structures which is one of the most topical questions of the cognitive linguistics requires a cross-subject approach.

The supporters of the classical epistemology single out three knowledge sources: the object in the focus of the cognitive interest, the subject with their cognitive abilities and the social conditions of cognition. From the point of view of the social epistemology all knowledge sources are social conditions of cognition: the subject and object of the cognitive process are social constructors; it is cognized only that what is a world part in a definite way developed by a man and only the way dictated by the social norms and rules. The idea of considering the cognition subject and object as social constructors is quite perspective at researching the interconnection of the language, cognition and communication. In the cognitive sociology plane D. Bloor has designed a conception of knowledge as a social institute according to which knowledge is what is accepted by people as knowledge; any knowledge has a social component, moreover, knowledge is a mass behavior [Bloor 1976].

The constructivism suggests a similar interpretation of the surrounding reality and individuality interconnection and in the scientific circles it has become topical the problem of activity constructing with the social factors taken into account. E. Glasersfeld emphasizes the fact that knowledge exists only in human mind and the thinking subject constructs it on the basis of their own experience. Knowledge is necessary for a living organism to order and structure the shapeless stream of the experienced [Glasersfeld 1981: 16]. One of the key postulates of E. Glasersfeld's theory is that one can consider knowledge not as a result but as an activity.

Formulating the basic principles of the radical constructivism taking into account the theory of cognitive development J. Piaget, E. Glasersfeld state that (1) knowledge is not simply passively accepted by the thinking subject but it is actively built; (2) the cognitive function is adaptive: cognition serves to organize the world comprehending but not to open the ontological reality. The researcher suggests a thesis that during the communication process it is impossible to base on the already existed knowledge, the communication orients inter-actants to construct meanings during the process of cognition [Glasersfeld 1997: 225-236]. The similar point of view on the cognitive process, knowledge as the result of this process and communication demonstrates the interconnection knowledge of the language, knowledge represented in the language and other types of knowledge the same as the social

interaction importance. This idea later was developed in the works of the cognitive psychologists and cognitive linguistics.

Great contribution into the development of the philosophic-methodological approaches to studying interconnection of cognition, culture and language formed in the second half of the 20 century was done by the structuralists' research. So, C. Levi-Strauss demonstrated in his works universal character of unconsciousness sphere functioning and its being independent on the national and time belonging, emphasizing that both the primitive and modern (scientific among them) systems of cognition are directed to order, system and classification of the incoming information [Levi-Strauss 2011].

Quite different idea of knowledge and cognitive process essence based on the idea of subjectivity is characteristic of post-modern philosophy: the very possibility of the objective truth existing is denied and they postulate the subjective character of the world perceiving and as the consequence the truth plurality. M. Foucault, for example, insists on impossibility to reconstruct consciousness continuum or continuum of sense: «The world is not an accomplice of our cognition and there is no pre-discourse foreseeing that would make it gracious to us» [Foucault 1996: 80].

Arguing with this point of view, J. Habermas suggests using instead of the classical theory of cognition the theory of communicative action according to which the truth is understood as the result of discourse and suggests the idea of the dynamic and contextually dependent character of cognition [Habermas 1995].

On the basis of the logical-philosophical language analysis R.I. Pavilionis developed an integral conception that allowed building the theory model of human perception of the surrounding reality. The author proved that the problem of language and thinking correlation must be researched on the basis of conceptual schemes analysis, their interconnections and relation to the surrounding world [Pavilionis 1983].

In the transformation linguistics of N. Chomsky there is an idea of considering the languages structures as an evidence of cognitive language organization, the necessity to use data of the neurological, physiological, ontological character to analyze the language and it is emphasized the importance to study the nature of human language abilities [Chomsky 1991].

One of the founders of the cognitive trend W. Chafe considered the language as an access to consciousness and a means of understanding the human cognitive sphere: «the language is a window into knowledge as we use the language to express it» [Chafe 1987: 109]. To the description of the speech activity structure and forms, its close connection with intellectual, cognitive and other human activities much was contributed by the works done in the plane of the Soviet and Russian psycholinguistics, the methodological sets of which were developed basing on such outstanding Soviet psychologists as L.S. Vygotsky, N.I. Zhinkin, A.N. Leontiev, A.R. Luria and other researchers.

Thus, in the frames of psycholinguistics that studies linguistic and psychological bases of the active «mastering» and language knowledge the scientists tried to single out and describe the speech operations basing on the reflection so as those which could not be reflected upon. Moreover, psycholinguists researched the forms, means and ways of the thought verbalization, analyzed the correlation of cognitive and language structures in order to study the human creative potential.

The scientific discussion that took place in 70-80s of the 20 century brought to the results changing the researchers' point of view on what was knowledge, the problem of thinking and language correlation and to some degree laying down the foundation for the cognitive trend of linguistics.

In the second half of last century the linguistic society admitted that it was necessary to research semantics as a leading beginning at transition from the thought to the word. As the result of those paradigm evolutions the approach to study the principles of thinking organization, peculiarities of knowledge usage in thinking processes and speech-thinking activity so as the idea of the language, its role and status drastically changed. Those changes connected with the putting and solving a wide circle of issues bear a global character and are based on the other organizing principles the main of which is considering the language as a means opening an access to the analysis of human cognitive abilities as the only instrument providing the access to consciousness as a way of objectification of different and varied level structures of the world existing in our mind.

Such point of view supposes its considering as one of the most natural accesses to human consciousness and as a means of knowledge forming, structuring and keeping. By knowledge in the cognitive linguistics plane we understand what is already in our mind and it is part of the memory, a definite set of data united into an ordered system that is not knowledge in general but knowledge represented in the language.

Despite the fact that the idea of significance of general knowledge of the world in the semantic research is not pioneering in the plane of the cognitive trend it has got the status of methodologically

important. The research results show that in the language there are some phenomena that can be explained only by the cognitive laws but not by the laws existing in the language. As it was emphasized by E.S. Kubriakova, studying the language from the cognitive point of view the linguists have a possibility to estimate the «mental essence» that are behind the language phenomena which are the key «consider the specificity of human intellect and human behavior» [Kubriakova 2004: 13].

With the development of the cognitive trend in linguistics the place and role of the human factor in cognitive processes, the meaning of not only mass but also individual knowledge is researched more actively.

One of the key points of the cognitive linguistics is its considering the language as a means of the representation how the world is understood by the human mind, how the surrounding world is categorized by the consciousness: the language is to «serve ... as a means of comprehending the world ontology, its conceptualization and including the conceptualization of the categories singled out in it» [Boldyrev 2005: 21].

Thus, in the issue concerning the human cognitive activity the positions developed in the cognitivism plane to some degree correlate to the social constructivism points. The point is about the subjectivity of cognition process, its dependency on the cognizing individual and the social determination of this process and also recognizing the fact that the cognition process is based on the already obtained knowledge.

We find it very important the theses about the social dependence of human cognition (through the process of socialization, through the language, the process of communication, through culture), about the socially generated sense and meaning that is determined by the cognitive system itself providing (consciously and unconsciously) preserving, selection and structuring of knowledge of the world. Comprehending this fact by representatives of different sphere of science knowledge has led to appearing the scientific trends which study the role of the social factor and personal daily experience of the individual in the process of cognition (from the sociology of understanding to the social theory of cognition, human psychology, constructivism in the plane of which it has been shown the impossibility to come down to the general schemes the personal experience of a single individual).

REFERENCES

1. Болдырев Н.Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.П. Державина, 2005. – С. 16-39.
2. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
3. Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М.: АСТ: Астрель, 2011.
4. Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983.
5. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996.
6. Bloor D. Knowledge and Social Imagery. – London, 1976.
7. Chafe W.L. Repeated verbalizations as evidence for the organization of knowledge // Preprints of the plenary session papers: XIV International Congress of Linguists. – Berlin, 1987. – P. 88-110.
8. Chomsky N. Linguistics and Adjacent Fields: A Personal View // The Chomskyan Turn. – Oxford, 1991. – P. 3-25.
9. Glasersfeld E. von Einführung in den radikalen Konstruktivismus // Watzlawick (Hrsg.). Die erfundene Wirklichkeit. – München: Piper Verlag, 1981. – S.16-38.
10. Glasersfeld E. von Radikaler Konstruktivismus. Ideen, Ergebnisse, Probleme. – F.a.M.: Suhrkamp Verlag, 1997.
11. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. 1. Bd. – F.a.M.: Suhrkamp Verlag, 1995.

RECEPTION DOSTOEVSKY'S "FAMILY ISSUE" IN THE WORKS OF AMERICAN WRITERS

Lomova E. A.

Kazakh National Pedagogical University Abai

Abstract. As result, the comparative analysis of creativity of Russian and American authors revealed their similarity of the world view expressed in gravity to the theme of "accident family" and the essential difference in the interpretation of the theme.

Thus, the issue of "accident family" of F. Dostoevsky was actualized in the literature of American South with express in the loss of human feeling, a tendency to separate existence, the spiritual loneliness to contribute to the creation of similar typological models of family systems in art works by American authors.

The theory of Dostoevsky was based on the Orthodox axiology and the negation of isolation and included the idea of God's love leading to spiritual unity and immortality.

The writers of the American South learnt to image of danger separate human existence, solved the problem of the collapse of the modern family within the existential system of values, assuming the individual support of external forces in the face of God did not call for consistent and represent individual courage and stoicism in a decaying reality.

Keywords: "Southern Literature", Stylistiocs, literature influence, perception, "Accidental Family", structure, individual manner of author, family model, civilization, tradition, Style of life, literature ties, succession.

American society at the end of the period of the Civil war, Reconstruction and the Great Depression was similar to Russian society in the same historical period.

The both of societies revealed an interest in the institution of the family as the traditional guarding moral, its values and priorities.

American Southern Society protected close family ties and relatively broken family relations perceived in the American South extremely painful. It is known that the value unit of the South was not the individual itself, but included the great idea about "The family" or "southern community".

As in the XIX century and in the XX century the family in its traditional understanding proclaimed the enduring value of the Southern Society, "legacy" of the past, which would survive in difficult times for the southerners by its inherent quality stability and rootedness in the past.

Southern writer Welty, analyzing the characteristics of southern literature, noted that "family life, traditions and world view was unlikely to change in the South first half of XX century, in comparison with the XIX century.

In the American South's reputation and influence of F. Dostoevsky were persistent, intense, and most of the writers of this part of America, including Faulkner, D. Wolfe, R. Warren, recognized the importance of F. Dostoevsky for their own creativity.

S. Anderson referred to as "The Brothers Karamazov" the Bible, believing "in all of literature there is nothing like". [1, 49]

X. Crane read "Demons" and "The Brothers Karamazov" and recognized the last book made him "a new memorable moment". [4,23]

Fitzgerald said about the influence of the style of "The Brothers Karamazov", in the process of "The Great Gatsby". [4, 71]

T. Wolfe believed that F. Dostoevsky was a great writer, along with Cervantes and Shakespeare, which will remain for centuries. [17]

The influence of the last novel, according to critics, is traced in the structure of the novel's characters T. Wolfe's "Look Homeward, Angel" (1929). The author represented members of grants family, combined contradictory feelings and made them stand out from the crowd a special "Grantovsky unrestraint" called "American Karamazov".

Faulkner always called "The Brothers Karamazov" among his favorite books and was obsessed with the idea of "improvement" of the novel. He proved to could write "The Brothers Kazamov", reducing the amount of three times if the let the characters tell their own and not to fill page of descriptions. [7]

It is known, that southern writers were interested in creativity of Dostoevsky and admitted its importance, but interpreted the works of a Russian writer in different ways. [8]

Appeal to Dostoevsky activated similar crucial stages of the history, in times of "confusion and vacillation" [6] and found the ways of artistic interpretation of these new, incomprehensible events and traced back to the creation of F. Dostoevsky, who had portrayed "Russian chaos."

Hence the admiration of passion image of reality from Russian writer, includes the complex behavior, philosophical richness and grotesque. [14]

Impact F. Dostoevsky to the western literature, according to scientists T. Phelps, was connected with the concept concerning members of the family "symbols of conflicting ideals, appetites and desires".

F. Rabbi found out typological similarity W. Faulkner novel "Absalom, Absalom!" and "The Brothers Karamazov" by Dostoyevsky. [7]

A. Bleykasten also brought novels Russian and American authors on the family line in the structural and ideological aspects.

The nature of family was represented in the work of Faulkner according to the US criticism and appealing to the Russian, in particular fiction heritage, to the Dostoevsky. Describing the history of American highlighted the decay of the family and it is detected echoes the image of the "cult Dostoevsky". [4]

The novel was manifested in a particular gravity to "The Brothers Karamazov" and individual perception as the elder Karamazov as contemporary of Abraham, cunning and unscrupulous ancestor Faulkner re-creates the structure of the family Karamazov ("father and destroyed his sons") in his own novel about the fall of the southern family "Absalom, Absalom!".

The pulses coming from the F. Dostoevsky's novel permeated a text of W. Faulkner and represented founder Colonel Sutpen as ungodly, lost its high destiny of his father, who have the primary blame for the destruction of the family and reveals the author's treatment in such clear signs of reception Fyodor Karamazov. [15]

The category "coincidence" of F. Dostoevsky is applicable for images of children, victims of the "failure" of paternity.

The ideas of reception of F. Dostoevsky theory of the social environment found traces in addressing the inheritance of "father's sin".

The Sutpen's Son Bon like Mitya Karamazov overcame the horror heritage of his father.

W. Faulkner and F. Dostoevsky were similar in the evaluation criteria of the world. In this case for the both writers the criterion was related to child treatment. It means the world with suffering children was recognized as "unjust" and suffered children fuse with prototype of Christ and "Ivanov babies". [15]

Traces of the reception of the novel F. Dostoevsky were visible on the plot level: central story line in the works of F. Dostoevsky and Faulkner revealed parricide and attitude of brothers that are also updated in the name of the both novels and in deference to the biblical story of Cain and Abel.

As a result of a complex combination of various factors reception issue "coincided family" in the works of Dostoevsky and W. Faulkner created the image of "devastated southern family".

A significant difference in the study of the problem of "coincided family" in the works of Faulkner and Dostoevsky was the ability or inability to overcome this "coincidence."

For F. Dostoevsky it means to share the idea of God and "the brotherhood" as an inevitable step following the step of isolation and alienation.

This idea didn't receive sustained applications in the novel of Faulkner and overcoming the "broken families" didn't over in his artistic world.

In reception heritage of F. Dostoevsky Mc. Cullers also highlighted the family aspect, considering it as way of life based on the American South and found similar personality type and similar type of family relation between the American South and old Russia in the same historical period.

Mc. Cullers matched the spiritual home of the family, and used images of "accidents" belong on Dostoevsky's theory. McCullers created journalistic and autobiographical works and destroyed the image of the broken family on the basis of creativity receptive F. Dostoevsky, from personal life experience and analysis of the surrounding society. [2]

The image of a broken family was moving closer to the "accidental family" of F. Dostoevsky and analyzed as a consequence of the processes of separation and loss of faith in God to lead to the degradation of society, the chaos that had revealed not only the development of the image receptive F. Dostoevsky, but also psychological and typological common worldview F. Dostoyevsky and Mc. Cullers.

In the novel, McCullers' *The Heart - Lonely Hunter* "interpretation of family theme found traces of reception Dostoevsky's "The Idiot" and "The Brothers Karamazov." It manifested itself in the idea of spiritual alienation between the people and the typology of characters, including the "weak fathers" and "abandoned children", as well as in the "image of crisis and perception of modern world as losing God and leading to broken families". [10]

The current state of the family and society did not satisfy McCullers. She offered various options for overcoming the situation of isolation and wrote about the importance of human love and actualization responsible attitude of people toward each other.

But Mc. Cullers, however, came close to Faulkner, and opposite "world brotherhood of Dostoevsky" shared of a reasonable idea of stoicism overcoming human being fear according the concept of existential philosophy. [2]

As result, the comparative analysis of creativity of Russian and American authors revealed their similarity of the world view expressed in gravity to the theme of "accident family" and the essential difference in the interpretation of the theme.

Thus, the issue of "accident family" of F. Dostoevsky was actualized in the literature of American South with express in the loss of human feeling, a tendency to separate existence, the spiritual loneliness to contribute to the creation of similar typological models of family systems in art works by American authors.

The theory of Dostoevsky was based on the Orthodox axiology and the negation of isolation and included the idea of God's love leading to spiritual unity and immortality. [16]

The writers of the American South learnt to image of danger separate human existence, solved the problem of the collapse of the modern family within the existential system of values, assuming the individual support of external forces in the face of God did not call for consistent and represent individual courage and stoicism in a decaying reality. [4]

But in current time the best traditions of the old South manifest themselves in the lives of modern American South and the deep patterns of Southern behavior are based on the hospitality, mercy, the constant presence of good manners, ethics and moral tradition.

The fundamental basis for this behavior is that the person - a southerner should act representing so much nobleness and dignity as soon as possible.

REFERENCES

1. Anderson N.K. The Perverted Ideal in Dostoevsky's. The Devils NY: Peter Lang Publishing, Inc., 1997. - 197 p.
2. Banach-Manikin AV The theme of "accident family" in the works of Fyodor Dostoevsky and its reception in the United States. / Diss. cand. filol. Tomsk, 2006. - 253 p.
3. Breger, Louis. Dostoevsky as Psychologist, N-Y., 1989.-49 p.
4. F.S. Fitzgerald The portrait of the documents. - M.: Progress, 1984. - 119 p.
5. Grane H. The Letters, 1916-1932./Ed. by Weber BNY: Hermitage House, 1952.- 49-50 p.
6. Holquist, M. Dostoevsky and the Novel. Northwestern N-Y., 1986.- 151 p.
7. Jones, J. Dostoevsky. Oxford: Clarendon Press, -163 p.
8. Knapp L. Mothers and Sons in The Brothers Karamazov: Our Ladies of Skotoprigonevsk. // A New Word on the Brothers Karamazov/ Ed. by Jackson R. L. Evanston; Illinois: Northwestern University Press, 2004. - 34 p.
9. Lerner Development of civilization in the Americas. Lifestyle and idea in the United States today / 1992. VI. P. 51-55.
10. Lurie M. Dostoevsky in England (Dostoevsky and English novel of the 1920s.). / Diss. cand. filol., L., 1972. - 403 p.
11. Pereyashkin V., F.Dostoevsky and "southern school" in American literature: on the material of W. Faulkner and William Styron. // Continuity in the development of literature, Prtigorsk, 1993. - p. 98-108.
12. Dostoevsky and world cultura: literary miscellany, - Saint Petersburg, 2003, №18, - P. 104-113.
13. Phelps G. The Russian Novel in English Fiction London: Houtchinson's University Library, 1956. - 184 p.
14. Rahv Ph. The Ideological Dream. //Critical Essays on William Faulkner: The Sutpen Family. / Ed. by Kinney ANY: GK Hall & Co, 1996. - 117 p.
15. S.Shaulov "Accident Family" as a system of mutual reflections (based on the novel "The Brothers Karamazov"). // Silver Age, 2003. №18,- 104-113 p.
16. Terras, V. Reading Dostoevsky. / Victor Terras. Madison, University of Wisconsin Press, 1998. -197 p.
17. Thompson DE "The Brothers Karamazov" and the poetics of memory / Saint-Petersburg . Academic Project, 2000. - 203 p.
18. Wolfe Th. The Letters / Ed. by Nowell ENY: Scribner's Sons, 1956. - P. 643.
19. V. Yatsenko The writers of the South, the United States and criticized Russian translations (1847- 1977).// Literary communication and mutual problem: Gorky; 1982. - P. 62-71.

СВОЄРІДНІСТЬ ХУДОЖНЬОГО ВИРАЖЕННЯ ПСИХОЛОГІЗМУ У ТВОРЧОСТІ ПИСЬМЕННИКІВ “ПОКУТСЬКОЇ ТРІЙЦІ”

К. філол. н., Миронюк В. М.

Україна, м. Рівне,
доцент кафедри української літератури,
Міжнародний економіко-гуманітарний
університет імені академіка Степана Дем'янчука

Abstract. *The problem of psychologism in the works of the writers of “Pokutska Triitsia” is examined; originality of expression of the personality’s inner world and his / her psychological state in contact with the outside world is determined; artistic psychologism of the writers’ prose as the basis of the image of human life, its character creation.*

Interest in the problem of psychologism allows to understand the issues of national aesthetic traditions, psychology, philosophy, ethics, to consider psychological motivation of the personality’s individual behavior and its reflections on the outworld in the writers’ artistic works and psychological states of the individual and the means to discover the inner world of the hero.

On the material of Vasyl Stefanyk, Mark Cheremshyna and Les Martovych prose we can investigate the questions of national character, which extend idea of national identity of psychologism of the novelists’ works, caused with personal and individual qualities of the character of the writer and the heroes, peculiarities of their world outlook and social-political living conditions.

It is proved that the main forms of psychological images in the works of Vasyl Stefanyk, Mark Cheremshyna and Les Martovych are artistic knowledge of the heroes’ inner world, their inner speech, psychological analysis, self-analysis.

The archetypes of truth, goodness and beauty, as well as land, nature, freedom typical for Ukrainian national character are studied on the basis of the works analysis. The world outlook leitmotif of short-story writers, the concept of a man and the world are determined. The author paid much attention to understanding the artistic originality of the writers’ masterpieces and their contribution in to reproduction of beauty of writing of short stories.

Keywords: *psychologism, world outlook, character, national self-consciousness, ethical and moral values.*

Зацікавленість проблемою психологізму дозволяє осмислити питання національних естетичних традицій, психології і філософії, етики, зокрема національного характеру, що значно розширює уявлення, по-перше, про національну своєрідність психологізму творів письменників “Покутської трійці”, зумовлену як особистісно-індивідуальними якостями характеру, душі письменника і героїв, особливостями їх світовідчуття й світосприйняття, так і суспільно-політичними умовами життя, по-друге, цілісну концепцію особистості і національного буття в творчості новелістів. Підставою для такого дослідження є не розкриті багатогранні можливості психологізму письменників “Покутської трійці”, його роль у збагаченні художньо-естетичних можливостей української літератури.

Проблема психологізму стала предметом дослідження цілого ряду наукових праць відомих вчених-літературознавців: І. Франка, О. Потебні, П. Юркевича, Д. Чижевського, Г. В'язовського, М. Кодака, В. Фашенка, Д. Лихачева, А. Бочарова, З. Фрейда тощо. Водночас, попри достатньо широковекторний та різноманітний спектр літературно-критичних рефлексій сучасного літературознавства, питання специфіки психологізму у творчості письменників-покутян залишаються ще на периферії наукових пошуків.

Мета статті – дослідити проблему психологізму у творчості письменників-покутян, визначити своєрідність вираження внутрішнього світу особистості та психологічного стану в зіткненні з зовнішнім світом, проаналізувати художній психологізм прози письменників як основу зображення життя людини, її характеротворення.

Формування і становлення творчого методу Василя Стефаника, Леся Мартовича, Марка Черемшини глибоко закорінене в народне життя. Це дає змогу предметно дослідити питання національних естетичних традицій, психології і філософії, зокрема національного характеру,

що значно розширює уявлення про національну своєрідність психологізму творів письменників.

Варто зазначити, що художнє мислення, а відтак і принципи творення національних характерів у творчості письменників тісно пов'язані з емоційністю українського селянина, особливостями його світовідчуття й світосприйняття, а також і суспільно-політичними умовами життя.

У своїх творах, завдяки заглибленню в селянську душу, В. Стефаник розкрив психологію народного духу. Він уважно й чутливо вислуховував у ній те, що було найістотнішим і найбільш вражаючим. Твір "Дорога" В. Стефаника як і "Моє слово", це плач за загубленим життям, молитва до Бога, що дає сили жити далі ("Боже, ти подаруй мені решту моєї дороги, бо я не годен вже йти!") [4, с. 82]. Одним з принципів творення національного тут є глибокий символізм, абстрактність, узагальненість образів, ритмізація оповіді. Образ дороги, що символізує життя, є типовим для народної традиції. Головного героя письменник зобразив за канонами усної народної творчості ("буйний волос", "веселі очі", "ясне чоло" – це усталені словосполучення фольклорного портретування).

Зустріч з реальним життям, зі стражданнями, які змінюють героя, відбиваються на його зовнішності. В. Стефаник вдається до традиційного порівняння очей із джерельцем: "Очі його помутніли, а чоло його подобало на скаламучену керничку при дорозі" [4, с. 82]. Зображення людей, яких зустрічає на своєму шляху поет, вражає експресивністю, автор обирає найвиразніші деталі: чорні долоні, її піт на чолі як символ тяжкої праці, страшенні від страждання обличчя, що створює особливу емоційну напругу внутрішнього світу героя та розгортання художньої оповіді загалом.

Н. Шумило, аналізуючи творчість В. Стефаника, зазначає, що "неповторність літературного феномена В. Стефаника полягає в тому, що він, ототожнюючи себе із своїми героями, виявив людину села не лише у винятковій, екстремальній, ситуації (як, наприклад, перша імперіалістична війна), а й у хронічній (в ситуації хронічного соціального зубожіння), максимально розкриваючи при цьому зболену душу мужика, що вже тривалий час перебував на межі життя і смерті. І навіть не тоді, коли підсвідомість проривається у свідомість і може витворитися відчуття крайнього внутрішнього дискомфорту, а й у стані, як не парадоксально з точки зору психології, затяжного психічного афекту. Ось чому дії деяких його героїв порушують природу навіть біологічних законів, хоча при цьому аж ніяк не заперечуються ними мораль, гріх і покута" [6, с. 36]. Прикладом такого письма можуть слугувати новели "Новина", "Камінний хрест", "Мати" тощо.

Дослідниця пише, що авторовою любов'ю до мужиків зумовлюється ще одна надсуттєва особливість Стефаникової прози: здатність одиничне підносити до всезагального. Показово, що герої із села Русова за мірою перенесених страждань прирівнюються до святих: мати почуває себе в праві за гріх послати дочку на смерть ("Мати"), а батько, що втратив синів, молячись, приговорює: "А ти, Мати Божа, будь мойов газдинев..." ("Сини") [6, с. 36].

Письменник виражав себе через стан психіки своїх героїв, і це була його індивідуальна особливість як митця. Триєдність "автор – герой – читач" уявлялася Стефаникові єдиним психічним простором. Свій біль В. Стефаник персоніфікував у образах своїх героїв: "Більше описати не можу, бо руки трясуться і кров мозок заливає. Приступити ще ближче до вас – значить спалити себе..." [4, с. 167]. "Я люблю мужиків, – писав В. Стефаник у листі до О. Кобилянської (листопад, 1898 р.), – за їх тисячлітню тяжку історію, за культуру, що витворила з них людей, котрі смерті не бояться" [4, с. 153].

Для творів В. Стефаника властивий характерний для літератури модернізму підвищений психологізм, інтерес до критичних станів людської душі, до моментів, коли вирішуються питання життя і смерті. Цікавою і переконливою видається нам думка Л. Дем'янівської, яка писала: "...письменник завжди будував свої новели-образки не на розлогіх описах і розповідях, які вимагають епічного спокою, а на таких яскравих і сильних враженнях, які вкарбовуються в пам'ять назавжди. Як у спалаху блискавки, показує він найважливіші, найзначніші моменти в житті людини" [1, с. 8]. У цьому виявляється тяжіння митця до експресіонізму.

Надзвичайно оригінально поєднує модерні європейські віяння та глибинну народність, аж до етнографізму, Марко Черемшина. Народна творчість органічно ввійшла у твори письменника. Це виявилось і в темах, і в образах, і в окремих ситуаціях та художніх деталях.

Письменник найчастіше прагне не стільки інформувати, скільки збуджувати почуття, викликати певну психологічну настроєвість, приглядатися до найменших дрібниць, будувати на драматичній основі найрізноманітніші, найменш помітні життєві моменти.

Марко Черемшина, створюючи характер, використовував багатий арсенал прийомів художнього узагальнення. Він показує своїх героїв через портрет, пейзаж, деталь, внутрішній монолог, діалог, репліки, авторські відступи тощо, але всі ці засоби в нього завжди мають символічний підтекст.

Досліджуючи принципи та засоби творення письменником національних характерів, наголосимо, що він ніколи не намагався подавати вичерпні відомості про героя та його зовнішність. Невеликий художній простір не дає письменникові такої можливості. І сюжет, і характеристики героїв у новеліста вимагають співтворчості з боку читача, занурення у глибини підтексту, здатності реципієнта інтуїтивно-творчо домалювати в своїй уяві ту чи іншу постать. За допомогою контексту читач обґрунтовує власне бачення людини, робить свої висновки.

Змальовуючи зовнішність своїх героїв, письменник передає і їхній внутрішній світ. Зовнішній портрет у нього майже завжди збігається з характером персонажа. Портретні деталі у тексті підпорядковані головній меті, створенню живого, рельєфного образу.

Талановито підібрані в новелах Марка Черемшини деталі зовнішніх характеристик, мови, манери поведінки, що розкривають світ героїв, показують, хто чого вартий. Створюючи портрет, Марко Черемшина звертає свою увагу на очі героїв. Кажуть, очі – це дзеркало душі. Очі в портретах письменника віддзеркалюють духовний світ героїв, але вони виконують й інші функції. З очей Черемшининих героїв можна дізнатись про їхній вік, майновий стан, бажання, їхні болі та радості. Очі ніби промовляють до нас. Насамперед, це очі дітей, які завжди щирі: "накотилися на очі сльози, як роса на голубі чічки" [5, с. 26].

Марко Черемшина завжди прагнув до граничної точності слів-синонімів, до простого вражаючого вислову. Щоб підсилити, відтінити ту чи іншу рису характеру героя, новеліст часто вводить слово у синонімічний ряд. Це дає змогу максимально концентровано передати динаміку переживань, складних душевних станів, зробити зображуване об'ємним, стереоскопічним, рельєфним і відповідає поетичним засадам психологічної новели нового типу.

Новелістичне слово письменника концентрує в собі величезну культуротворчу енергію, стає свого роду поетичним універсумом. Воно є не просто будівельним матеріалом образу, але й образом у власне глибинному розумінні. У суто народному дусі Марко Черемшина розкриває образи своїх героїв. У кожного своє лице, свій характер, своя манера поведінки. Досягається це і вдало виписаним портретом, і змалюванням навколишнього середовища, і виразністю мови, і влучним словом (наприклад, портрет Федуся "Парубоцька справа").

Особливістю портретного мистецтва Марка Черемшини є ще й те, що зовнішність персонажа змальовує у безперервному русі, динаміці, "мінливості психіки", весь час "перемежуючи освітлення", переносячи центр уваги з однієї виразної деталі на іншу. У той же час наступна "поза" героя є своєрідним "продовженням" попередньої: те, про що читач здогадується в попередньому "кадрі" портрета, в другому – виявляється повністю.

У новелі "Парубоцька справа" вражає величезна кількість персонажів – їх кілька десятків. Однак ця надмірність новелонаселення підпорядкована композиційному ритмові новели. Головний герой виписаний детально, а всі інші персонажі подані сумарно як "антигерой", конфліктуюча сила, протиставлена головному персонажеві, або ж як зло, часто активне, що допомагає розкрити характер "героя". Характеристика "громадянського любаса", "Федуся пустого" займає кілька сторінок. Портрет-характер героя будується на засадах своєрідної поліфонії, його створюють колективно всі закохані в нього дівчата й молодиці та їхні обурені батьки, кидаючи репліку за реплікою. Прийом такого колективного голосу маси характерний для ідіостилю Марка Черемшини. Симфонізм новели створюється і багатством настроїв. Колективне захоплення красою "парубка над парубками" змінюється настроєм обурення, яке стримується грайливо-гумористичним тоном панського суду в трактуванні "парубоцької справи", відтак настає настрій шоку – жаху від несподіваного вбивства героя, і закінчується новела тріумфом помсти, настроєм скепсису, іронії. Лірика, романтика, патетика, гумор, іронія, сарказм, трагіка – у таких тембрах "стилізовано" новелістичну, точніше, навіть баладну надію. Оця багатоструктурність почуттів надає новелам Черемшини неповторної принадності.

Оповідна манера новели різноманітна: реально-побутова, конкретно-відображальна, лірико-патетична. Особливої уваги заслуговують ліричні відступи, що мають своєрідну форму і словесний стиль. Більшість із них – безпосереднє звертання автора до природи і різних персонажів. Авторська схвилюваність й урочисто-величний ритм передаються і спрямовуються на характери героїв за допомогою питальних і окличних речень-періодів, побудованих за принципом наростання: "Тей, не дивуйтеся, запашні зела, голуба кедріно, у ріці піно! Прижмуріть очі, зелені гори-рокити, сизії орли. Ей, ба чого ж ти, ріко, той красний

вогонь так швидко ізгасила?" [5, с. 227]. Здається, цілий хор жінок устами Черемшини співає дифірамб надзвичайній парубоцькій вроді.

Для розкриття психології епохи, мотивів поведінки і поривань героїв письменник користується багатим арсеналом художніх засобів. На першому плані – простий, "олюднений" пейзаж, тужливо-ліричні нотки народної поезії. Вміло застосовує Марко Черемшина полілог, діалоги, внутрішнє мовлення, які ліризують розповідь, глибше розкривають внутрішній світ і переживання героїв.

Варто зазначити, що характер і функції портрета – це зв'язок між підтекстом новели та його актуальним змістом, спосіб самопрезентації героя, створення ритму образу через портретні повторення.

Уміння розкрити в звичайних життєвих ситуаціях загальнолюдські риси героїв, у буденному – героїчне, у звичайному – трагічне – свідчення високої художньої майстерності письменника.

Л. Мартович – письменник високої естетичної культури, широти суспільно-політичного кругозору, він вірив у демократичну, вільну Українську державу, в якій повноправним господарем буде "порядний чоловік, той, що працює, а не злодій і розбійник" [2, с. 23].

Рання творчість митця підготувала ґрунт для подальших творчих пошуків письменника в змалюванні національного характеру. Літературознавці, зокрема Ф. Погребенник, вважають, що Лесь Мартович відтворив український характер, передав національний колорит за допомогою відображення звичаїв, побуту, фольклору, пейзажних та портретних малюнків.

Уже в ранніх творах Мартович виступає насамперед як прекрасний знавець психології людей праці. Письменник показав, що успіхи й поразки окремих людей, їхнє горе дуже часто були зумовлені обставинами політичного й економічного життя. Людина під впливом соціальних і політичних драм виявляла свій характер. Завдання письменника полягало у виокремленні типів нових людей, наблизити бажане майбутнє. Він не малював світу ідеального, але подавав його гарним і цікавим.

Центральною проблемою творів письменника є проблема піднесення соціальної й національної самосвідомості народних мас, їх згуртування в боротьбі проти австро-угорського поневолення, що й стало одним з основних джерел творення ним яскраво самобутніх національних характерів, а для літературознавців – ключем формування принципів національних основоположних підстав дослідження його життя і творчості. Якщо в ранніх оповіданнях, зокрема в "Мужицькій смерті", йдеться про характерні риси життя й побуту населення Покуття, то в пізніших творах, особливо ж у повісті "Забобон", письменник відтворює картини народного життя з Рава-Руського повіту (тепер Львівської області), де він довгі роки жив і працював [3, с. 9]. У ставленні до села письменник, як і Василь Стефаник і Марко Черемшина, був безкомпромісним: любив всім серцем. Як зазначає Погребенник: "Він намагався збудити в них почуття людської гідності, вселяв у їх серця віру в свої сили. Звідси в його творах стільки душевного тепла до людини-трудівника, яка шукає шляхів скинути з себе кайдани соціального й духовного поневолення, звідси такий рішучий осуд тих, хто покійно гне свою спину" [3, с. 100]. Село для Мартовича – і болюча рана, і світла надія. І такі його твори, як "Мужицька смерть", "Хитрий Панько", "Смертельна справа", "Війт", "Забобон" та багато інших – цьому яскраве свідчення.

У збірці "Нечитальник" Мартович виступає насамперед як прекрасний знавець психології людей праці та їх характерів, як майстер соціально-побутових малюнків з життя покутського селянства. Твори, що увійшли до цієї збірки, дуже близькі щодо тематики, і щодо використання художніх засобів, але водночас вони відрізняються характером гумору, дошкульністю іронії, сатири. Поряд з об'єктивно-розповідною манерою письма все виразніше відчувається нахил письменника до експресивної діалогічної мови, до драматичного жанру. Наприклад, оповідання "За топливо", "За межу", "Ось поси моє!", "Зле діло", що висвітлюють різні сторони народного життя, розширюють тематику ранніх творів письменника.

У центрі конфліктів оповідань письменника поставлено нові соціально-моральні колізії, продиктовані часом, а також ті "вічні" проблеми, які стосуються самого сенсу людського буття, стосунків людини із суспільством.

Мартович був великим майстром відтворювати в душі народного гумору побутові сцени з народного життя. Вони вражають прекрасним знанням звичаїв, поведінки, психіки трудової людини.

Отже, основними формами психологічного зображення у творах письменників-покутян є художнє пізнання внутрішнього світу героїв, їх внутрішня мова, психологічний аналіз,

самоаналіз. Митці відтворили український характер, передали національний колорит за допомогою відображення звичаїв, побуту, фольклору, пейзажних та портретних малюнків.

ЛІТЕРАТУРА

1. Дем'янівська Л. Митець великого таланту/ Л. Дем'янівська // Стефаник В. Моє слово: Новели та оповідання. – К., 1991.
2. Мартович Л. Забобон // Мартович Л. Твори. – К., 1973.
3. Погребенник Ф. Сторінки життя і творчості Василя Стефаника/ Ф. Погребенник. – Київ, 1980. – С. 100.
4. Стефаник В. Повне зібрання творів: У 3 т./ В. Стефаник. – К., 1954.
5. Черемшина Марко. Новели. Посвяти Василеві Стефанику. Ранні твори. Переклади. Літературно-критичні виступи. Спогади. Автобіографія. Листи/ Марко Черемшина. – К.: Наук. думка, 1987. – 448 с.
6. Шумило Н. Літературний феномен Василя Стефаника (Національний варіант експресіонізму) /Н. Шумило // Українська література в загальноосвітній школі. – 2001. – №3. – С.34 – 42.

PHILOSOPHY OF MODERN EDUCATION AND GLOBAL SOCIAL DYNAMICS (THE SOCIAL-ANTHROPOLOGICAL ASPECT)

Semenov A. M.

*Associate Professor of the Philosophy chair
The Eastern-European National University after Lesia Ukrainka*

Abstract. The essay is concerned with the currently central issues of the philosophy of contemporary education in the context of the analysis of global social dynamics and through the lens of modeling the appropriate complex socio- anthropic systems.

The essay is focused on the philosophical aspects of education as well as on the conceptual issues with regard to the implementation of the formula of permanent education in modern trans-border hyper-dynamic world.

Keywords: global social dynamic, social modeling, philosophy of education, hyper-dynamic.

“ We must continue to move into uncertainty, ambiguity and insecurity, using the brain we have in order to plan as far as it is possible our safety and our freedom” (1 ; 248)
K. Popper

The philosophical problems of education and concept issues of affirming the formula of continual education in modern trans-border hyper-dynamic world, inter-added and inter-integrated issues are possible to use in the common scheme of social practice and social prognostics only in the integral variation.

In the project levels of the social-anthropic differentiation the issues of the general education conception are dynamically interacted with the problems of the modern world globalization and, at the same time, with the human part development in a man, public culture development in the perspective (projects) state formation and personal forms of human being. At the same time the tasks of modern education modeling in its systemic field which is goal in its basic foundations, social-metabolic in its integral-logical scheme and poly-vector, multifunctional in tasks and projects of measuring is very complex to solve in the limited time and space boundaries. The global social dynamics that changes the relatively stable positions of traditionalism (the integrity of the world political structure formula, inner systemacy of the social-economic parameters of the regions and zones development, general determination of the civilization priorities and state formation net with the corresponding

particular traditions, stability of the national cultures positions, etc.) modify the corresponding schemes and formulas of the educational tradition as to the general humanization of education.

This very global dynamics is an open and emergent system which very often being a part of the composition keeps the stable close components. The close social communities at the ethnic-national culture levels have to "open" in the system of hyper-dynamic social dynamics (Afghanistan, India, China, the Northern Africa countries). It is supported by the impressing statistic data of the main indices of human development:

- the number of people living in poverty has reduced from 1,9 billions in 1990 to 856 millions of people in 2015.
- from 100 million in 2000 to 57 million in 2015 has reduced the number of the children who have no possibility to study at the primary school.
- the coefficient of death among the children at the age before 5 years old reduced by more than 50% during the period of 1990 -2015.
- the children's death at the age before 5 years old decreased from 12,7 millions in 1990 to 6 million in 2015.
- during the period of 2000 -2013 the number of new cases of HIV dropped almost by 40% - from 3,5 millions to 2,1millions of people.
- since 1990 2,6 billions of people have got a possibility to use the improved source of fresh water among the 1,9 billions of people have been able to use the running water facility in their buildings; the internet access has increased from 6% in 2000 to 43% in 2015. On the total there are 3,2 billions of people connected to the global internet system (2; 4-7).

At the same time the global issues of human development still remain: the change of the climate and environment, gender inequality, war, regional and territorial conflicts, international terrorism, the development disproportion South-North and etc.

It is obvious that the disputable formal dynamics of the social indices can be criticized as for the decreative and relative character of the valid parameters of the main formula components. However the core indications of geometry of the social dynamics single out the double resolution as to the relative social-anthropic modeling process: on the one hand it says about elimination of the humanitarian moral principles and ethics of the social responsibility, practice of goal rationality, orientation on efficiency and technical, economic-financial result, on the other hand it is for the incorporation of educational characteristics in to the common scheme of the social analysis cycle. It leads to the conclusion that at different level of social prognostics it is reasonable to state the inner need to create new synthetic methodologies of researching the social-anthropological structure of global dynamics and the imminent to them educational paradigm.

So, really, it is necessary to create actual new research methodologies of human being. The methodologies or a methodology that would in general single out «human in the person and would be different from the traditional positions of the society reduction to the personality or the personality of any form in general. Of course, it does not mean denying the positions of individual modality or social structure. Moreover the long (already more than 25 years since the beginning of Great reconstruction of the Easter Europe and world dynamics of peoples' migration) absence of general anthropic formulas of the perspective constructing the social and technological processes does not allow making a step towards formulating the notion concept of human being, individuality, personality. Relatively complicated is a matter of principle education schemes, with their practical, pragmatic incorporation into logics and dynamics of the modern global society. As for the local spaces of the former soviet communities and state forms there is a fact of illegal moral basics of education in general. We may agree with the statement of the RSHU, prof. Afanasiev who in his article "Can education be non-humanitarian?» says:

«...the task of the human's education sphere is to create maximum full conditions to reveal this true human oriented on the integral organization of consciousness and that is why particular humanitarian knowledge in all fundamental subject spheres but not only in humanities. Such as the goal of general education which is principally humanitarian and which to our regret we do not have yet!

Only on this way we can create the environment to form and develop human features in everybody. Such an environment, in our opinion, must become the university of XXI century. The best product of such environment must become an understanding human being, homo sapiens." (3; 41)

In reality, cognition is not reaching the absolute knowledge but enlarging the sphere and limits of possible, enlarging the plane of crossing the close systems and objects. In this process the consciences is not an object image but senses and goals, goal rational attitude of the concrete norms of foreseen life order to the universal integral sense. It is proved by the history of education philosophy. Along with this the

philosophy of the modern education is introspection of the own «I», self-analysis and self-realization, unfolding the sense and core meaning of human knowledge in general. It can be supported by G. Butler's statement that «the question whether this or that point of view is correct, whether it is successive or interesting is less substantial in comparison with the question why exactly we are in this or that position, why exactly we support it, what it gives us and what it protects from ...» (4; 48)

Finally, in any contemporary paradigm naturally based on the fundamental history, the human is the first and natural enigma, modality, simultaneously existing as predestination and the derived from the self being. The moral activity receives priority positions that are the humanitarian perspective in the social-anthropocentric projection (existing of other as the condition and goal of my I, and existing I as the condition and goal of the other. Ukraine is not an exception in this matter where the sphere of the social-humanitarian prognostics and perspective modeling has not been at the required level for a long time. (It is enough to recollect the convulsive attempts at the beginning of 90s to examine present not in the perspective and plane of future (public community, Euro-Asian integration, poly-cultural education and incorporation in the world social dynamics) but through the past (national self-sufficiency, historical synchronization and folk past...). Correspondingly the formula of the personality self-identification of the transitional period bore a shade of the social past – a human of mass culture with charismatic hesitation between the ethnic-social, public, religious and general human value systems.

Nowadays in Ukraine they are trying to change structurally the parameters of social practice and social-anthropocentric modeling that is demonstrated by the perspective formula of the educational process. It is obvious when we speak about realia and perspectives of the education in Ukraine it is important first of all to define the plan of the general educational conception that in its turn requires relevant fundamental basis of the state formation: ideology, education, general political doctrine, the system of permanent human's rights development, personality-oriented humanitarian policy, etc.. The philosophy of modern education is an extremely complicated program where there is a goal, priorities, principles of the education development in Ukraine. As general humanitarian trends that are some predestination and derived part of the Ukrainian National Doctrine of Education formation we can single out: transition from industrial to information stage of the social-economic development, strengthening of integration processes and international cooperation in social-humanitarian spheres, renovation of the permanent, personality-oriented education in Ukraine. The corresponding are priority trends of the educational development of Ukraine - establishing the latest intellectual information technologies in the sphere of global and European integration, the integration of education and science, speech culture development and poly-culture in the speech strategy, reforming the orthodox pedagogical canons of educational and public education dynamics of the social-communicative interaction, the radical transformation of the management process, etc.. Nowadays the following educational institutions function in Ukraine:

- 15,3 thousands of primary educational establishments of different types and forms of ownership. 1137,5 thousands of children are educated there that constitute 56 per cent of the general number of children at the age from 1 to 6 years old;
- 17378 secondary education institutions;
- 567 state professional-technical institutions;
- 803 higher education institutions of all levels of accreditation and forms of ownership, 325 higher educational institutions of III-IV levels of accreditation and 478 – I-II accreditation levels among them. 215 of educational institutions of III-IV accreditation levels and 200 educational institutions of I-II accreditation levels belong to the state ownership form; private ownership form – 96 educational institutions III-IV levels of accreditation and 71 – I-II levels of accreditation.

However, the figure mathematical projection of the social demands to the education only partially represents the transformation of the global social dynamics of Ukraine not singling out the orientation indices and flexible parameters of solving the open issues of the social-anthropocentric practice and modeling: personal self-identification and social pragmatism, social status of the citizen and inter-subjective dialogue, multi-religiousness and religious entropy, individual difference and practice of moral responsibility and etc.. In other words, the close models of the social statics have a tendency to ruin or at least to inter-correct in the open systems of global social dynamics.

The modern world, as never before, demands overcoming mono-dimension, mechanicism and calls to comprehend new universalities of human being the leading one of which must become the formula of global humanitarian people's being. Correspondingly philosophy today is a search of new, more effective ways of interpretation, abstract notions, ideas concretization as the condition of shift from the attempts of direct extrapolation of the obtained before knowledge to new phenomena.

Philosophy as a movement form in the sphere of universal cannot solve the synthesis tasks, its measure search without concretizing the research results, involving into this process other sciences which first of all have as their object the sphere of human realities.

The modern philosophical-anthropological model of the global humanism is not only hypothetical because it suggests definite variant of human development. First of all it is the change of "priority" into parity co-existence. It means that in the dynamics of human ontology unfolding (in the direction Nature-Human-Society-God-Space) the composition parts are suggested not as central, priority, but as equally ranking that co-exist in the world of the human being. And obvious only comprehending existence in the integrity of all that is significant the human being can identify their existence with otherness, only then the notion "completeness of being" receives its unfolding and value as the motto for the humankind.

Entering the sphere of the modern science is first of all to refuse excessive ambitions and demands «ratio», the very intelligent-rational one that during the Modern and Recent History was defined as self-sufficient and self-identification. The scientific systems of the last third of XX century with its pro-differentiation, pro-local structuring (physics of local space, differential physics, physical chemistry, bionics, philosophy of complex systems, synergetics, psycho-sociology, socio-engineering, etc.) gave way to the constitutive principles of the social relativism (J. Heizinga, D. Lyon), ethics of social responsibility (N. Luhmann, H. Jonas), biotechnologies were changes into bioethics, socio-engineering into social communication ethics.

Not incidentally the social practice addresses new ways of social-communicative foundation of the scientific systems from the position of anthropo-cultural reality (social prognostics, virtual anthropology, global information networks, etc.). У On equal basis new technologies of the social-humanitarian education are formed: public activity, simulation, game, training, virtual prognostics, experimental design and etc.

On the whole and in general the orientation beacon of the socio-humanitarian education is its orientation to forming, supporting and developing of human outlook culture in the plane of integral processes at the Global society level, support ethics of the social responsibility as a form of people's humanitarian attitude to the world, development of civil and public culture that would contain parity basis of eco-anthropocentric, socio-ethic, public, social, national-ethic, religious, civilization values.

In Ukraine, this is most likely to be forecast in the dynamics of self-organization of the new youth layer who are socially oriented to the world practice of free identification of people, rights recognition of individuality and personality, prolongation of world cooperation forms and global ethics of the social responsibility.

REFERENCES

1. Поппер К. Відкрите суспільство і його вороги.: У 2 т. М., 1992. Т.1.
2. Цели развития человека. Доклад ООН за 2015 год. // <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/mdgreport2015.pdf>
3. Вопросы философии РАН, №7, 2000.
4. Butler J. For a careful reading. // Feminist contentions. A philosophical exchange. Seyla Benhabib, Judith Butler. // New York: Routledge, 1995.

КІНОСЦЕНАРІЙ ЯК ОБ'ЄКТ ДОСЛІДЖЕННЯ МОВОЗНАВСТВА

Скобнікова Оксана Володимирівна

Україна, м. Київ

Національний технічний університет України «КПІ»

Abstract. The term "screenplay" has been defined in this article. Lexicographical interpretation and origin of the term "screenplay" according to various lexicographical sources has been studied. Common and distinctive features of the terms "script" and "film script" have been distinguished. Views of the linguists on researching of cinematography as a combination of verbal and non-verbal means of expression have been studied. Verbal and nonverbal expression plans of the film script have been investigated. Signs that serve linguistic (signs-symbols) and non-linguistic systems of the movie (signs-codes and signs-icons) have been analyzed. Semantic levels allocated in film discourse such as photographic background image, iconic text and narrative text have been considered. Film text as a discrete sequence of continuous sections of a text has been researched. The term "kreolized text" has been observed. The term "polycode text" has been considered. The main means, which interaction creates a sense of a film, such as the speech stream, the visual image and the musical score have been studied. The terms "film discourse" and "cinematic discourse" have been distinguished. Structural components of the film script have been analyzed. The terms "film dialogue" and "film-verbal writing" and connection between them have been considered. The film script as a "pre-text" has been researched.

Keywords: screenplay, film script, film text, kreolized text, polycode text, film dialogue, film discourse.

Актуальність вивчення кіносценарію обумовлена насамперед необхідністю визначення принципів його текстової організації. Вона посилюється тією суперечністю, яка стала вже традиційною в його характеристиці. Частково вона закономірна, оскільки продиктована самою діалектичною природою кіносценарію, який одночасно виступає як предтекст кінематографа, і як самоцінний художній літературний текст, здатний існувати у відриві від фільму.

Характерною ознакою кіносценаріїв є те, що вони зафіксовані в письмовій формі, але надходять до одержувача через немовне середовище в усній формі, яка сприймається ним на слух; причому екстралінгвістичні допоміжні засоби в різній мірі сприяють реалізації цієї змішаної форми. Дуалістична природа кіносценаріїв, призначення їх не лише для читання, а й для постановки, визначають необхідність особливих підходів до їх вивчення.

Розглянемо лексикографічне тлумачення терміна «кіносценарій». Лексема «сценарій» є італійського походження: *scenario* перекладається як «декор». Також очевидно є семантична складова «сцена» (лат. *scena*). Що ж до лексеми «кіносценарій», до неї доданий смисловий компонент «рухаю» (грец. *kineō*), що пов'язаний із кінематографією – мистецтвом, що продукує рухомі зображення на плівці, що також створює відчуття умовної реальності.

Власне термін «сценарій», за даними різних лексикографічних джерел, має такі визначення, як: «твір кінодраматургії, призначений для подальшого втілення на екрані; словесний праобраз фільму [24: 412]; «сюжетна схема, за якою розвивається спектакль...»; детальний виклад сюжету з описом усіх танців та мімічних номерів, а також акторів, які виконують ролі» [2: 78]; «предметно-зображальна і композиційна основа сценічної вистави чи кінострічки, передана у формі скороченого викладу або максимально деталізована»; перен. «ззадалегідь підготовлений детальний план здійснення чого-небудь» [8: 872]; кін. «літературний твір, який служить основою для створення фільму, визначає його ідейно-художній зміст, образи, розгортання подій, жанр; кіносценарій»; театр. «сюжетна схема, план п'єси, опери, балету і т. ін.»; театр. «список дійових осіб п'єси із зазначенням порядку та часу їх виходу на сцену»; «детально розроблений план проведення якого-небудь заходу, здійснення яких-небудь дій» [15: 906].

Художнє зображення в кінофільмі створюється за допомогою засобів, в дечому схожих на театральні, проте не обмежених місцем перебігу дії. Виникає ілюзія справжньої реальності, в якій нібито перебуває реципієнт [8: 523–524]. Отже, терміни «сценарій» і «кіносценарій» мають спільну ознаку, що стосується відносної або умовної реальності, чи, інакше кажучи, художньої реальності та водночас розрізняються ступенем відносності або умовності художнього зображення, що також протиставляються за ознаками обмеженості або необмеженості сценою.

Кіно з самого свого виникнення було об'єктом дослідження мовознавства. Я. Лінцбах приділяв у своїх роботах увагу кінематографу як сукупності вербальних і невербальних засобів вираження сенсу, «багатомовному» мистецтву [13: 95]. Він вважав, що вербальне протиставляється невербальному, в тому числі і по відношенню до часу, при цьому уподібнюючи кінематограф усній, тобто безперервній, мові, на відміну від дискретної «картинки» образотворчих мистецтв.

Найвизначнішим вченим, що досліджував кінофільм з точки зору семіотики, був Ю. М. Лотман. Він розглядав кінофільм як текст і аналізував його в термінах семіотики, з точки зору породження смислів. При цьому особлива увага приділялася невербальній складовій кінофільму (операторського мистецтва, монтажу, роботі з кольором, звуком). Ю. М. Лотман виділяє такі компоненти кінотексту, як кадр і кінофрази [9: 84]. За словами Ю.М. Лотмана, "сутність кіномистецтва полягає в синтезі двох типів розповіді – образотворчої та словесної, і художній фільм вибудовується на основі різних кодів, причому всі вони взаємозумовлені".

Ю. Г. Цив'ян визначає кінотекст як «дискретну послідовність безперервних ділянок тексту» [20: 109]. Слід зазначити, що вербальна складова кінофільму як семіотичної системи не досліджується спеціально в рамках семіотичного підходу, оскільки вважається, що слово в кіно хоча і важливе, але в цілому другорядне по відношенню до візуального ряду [19: 237]. Деякі дослідники дотримуються думки, що в кінотексті «невербальна складова стрімко перетворюється з вторинного, підлеглого джерела інформації в рівноправний компонент тексту, який не поступається за значенням словесному ряду» [17: 8]. За Г. Г. Слишкіним і М. А. Єфремовою, лінгвістична система кінофільму обслуговується знаками-символами, нелінгвістична – знаками-індексами і знаками-іконами. Відзначимо, що ці типи знаків на практиці в більшості випадків виступають в змішаному вигляді, з домінантою на ту чи іншу функцію, що простежується і в кінофільмах. Звукові лінгвістичні знаки кінотексту – це мова персонажів, закадровий голос, пісні, звукові нелінгвістичні знаки – природні шуми, технічні шуми, музика. Візуальні лінгвістичні знаки кінотексту – титри ініціальні, фінальні і внутрішньотекстові, написи як частина інтер'єру чи реквізиту, візуальні нелінгвістичні знаки – образи персонажів, рухи персонажів, пейзаж, інтер'єр, реквізит, спецефекти. Кіносценарій відноситься до категорії текстів, у яких для створення смислової завершеності важливі і вербальний, і невербальний компоненти.

Для опису даної категорії текстів психолінгвістами Ю. А. Сорокіним і Є. Ф. Тарасовим [18: 180] було введено поняття «креолізований текст», тобто текст, що містить вербальні та невербальні компоненти: «креолізовані тексти – це тексти, фактура яких складається з двох негомогенних частин: вербальної (мовної / мовленнєвої) і невербальної (що належить до інших знакових систем, ніж природна мова)». Визначення креолізованого тексту знаходимо у Є.С. Анісімової: креолізований текст – це «складне текстове утворення, в якому вербальні та іконічні елементи утворюють одне візуальне, структурне, смислове та функціональне ціле, націлене на комплексний прагматичний вплив на адресата» [1: 17]. Дане визначення враховує цілісність і прагматичну спрямованість креолізованих текстів.

Поряд з терміном «креолізований» вживається і термін «полікодовий». Як вказує А.А. Бернацька, «найбільш доцільними для позначення родового поняття негомогенних, синкретичних повідомлень (текстів), утворених комбінацією елементів різних знакових систем за умови їх взаємної сінсематії представляються терміни «полікодовий» або «полісемічний» текст» [3: 106]. Л. С. Большакова [4: 21] також вважає більш правильним термін «полікодовий текст», відмежовуючи його від «монокодових» і «дікодових» текстів (включаючи креолізовані тексти в число дікодових).

Подібні дані являє Д. Бешвінер [25: 10]. З посиланням на роботи А. Коен, він виділяє три основні засоби, завдяки взаємодії яких створюється сенс кінофільму: мовний потік (the speech stream), візуальний образ (the visual image), і музичний супровід (the musical score); для кожного з цих засобів виділяється форма і значення. Дослідник приходить до висновку, що мовний потік і музичний потік інтегруються при сприйнятті фільму глядачем, так як музика і мова вимагають однакових ресурсів мозку для декодування сенсу, тому наявність музики змінює сприйняття реципієнта.

Цікавим є підхід К. Бубела, яка визначає кінотекст ("film text") двоюко: «Текст [фільму] можна широко визначити як завершений аудіовізуальний твір на екрані, або вузько, як діалог між персонажами» [26: 59]. Займаючись вивченням кінофільмів, даний дослідник не обмежується монтажними листами і кіносценарієм, але розглядає роздруковки кінодіалогів, відзначаючи в них численні фактори, як-то: наявність пауз, інтонація, дія на екрані і т.п.

Провідний дослідник англomовних кінофільмів С. Козлофф також підкреслює важливість невербальних компонентів фільму, вважаючи, що найбільш тісно з вербальним компонентом пов'язана акторська гра, особливості зйомки, монтаж і звукові ефекти [27: 90].

Стосовно текста кіносценарію вживається також назва «кінодискурс». Одне з визначень кінодискурсу належить С. С. Назмутдіновій, яка визначає кінодискурс як «ускладнений, динамічний процес взаємодії автора і кінореципієнта, що протікає в міжмовному і міжкультурному просторі за допомогою засобів кіномови, що володіє властивостями синтаксичності, вербально-візуальної зчепленості елементів, інтертекстуальності, множинності адресанта, контекстуальності значення, іконічної точності, синтетичності» [11: 7].

Л. В. Цибіна вводить поняття «кінематографічний дискурс», трактуючи його вузько, як фрагмент фільму, який має у своїй структурі такі компоненти: 1) діалог двох героїв фільму; 2) кінесіка і міміка, що супроводжують діалоги партнерів по фільму і взаємодіють з мовними засобами вираження (просодичними і лексико-граматичними); 3) обстановку спілкування [21: 85]. К. Ю. Ігнатов називає кінематографічним дискурсом весь фільм, взятий як сукупність візуальних та аудіоефектів і вербального наповнення [6: 6].

Часто вживаним терміном є також «кінодіалог». Р. Р. Чайковський розглядає кінодіалог з позицій стилістики тексту, виділяючи в сфері художньої мови три різновиди діалогу – діалог в традиційній прозі, драматичний (сценічний) діалог і кінодіалог (у його термінології – діалог у кінопрозі) [22: 111]. Р. Р. Чайковський також вживає термін «кінопроза», виділяючи її окремі літературно-художні форми: кіносценарій і кіноповість [23: 163].

Цікавою є точка зору В. Є. Горшкової, яка називає сценарій «предтекстом» фільму. Цей «предтекст» може розглядатися і як самостійний літературний твір, і як модель, що допомагає організувати зйомки фільму [17: 17]; сценарій може бути і самостійним об'єктом вивчення. Визначення сценарію можна знайти у Г. Г. Слишкіна, М. А. Єфремової: «Авторський літературний сценарій – це твір художньої літератури зі специфічними ознаками, пов'язаними зі втіленням словесного тексту в звукозоровому вигляді на екрані» [17: 29]. З таким розумінням кіносценарію солідарна І. А. Мартянова, що називає кіносценарій «претекстом», текстом-посередником між літературним твором і кінотекстом [10: 59].

В. Іващенко та М. Вайно пропонують новий термін «кіновербальний твір» – це «самодостатній літературно-художній твір, що надається до літературного прочитання, якому притаманне вербально-образне мислення засобами кіномови» [5: 64]. Це фіксований словесний матеріал (вербальний образ), що супроводжується синтетичним кіномисленням (вербальними і невербальними образами) – «словесний прообраз екранного образу». Дослідники зауважують, що кіновербальний твір може мати двояке призначення і перебувати у вимірі різних стилів, що дає підстави говорити про можливу диференціацію, а саме: кіновербальний твір, написаний у художньому стилі для рольового кіно, що потребує образно-кадрового мислення засобами кіномови (прерогатива художньої літератури), і кіновербальний твір, написаний переважно в публіцистичному чи науковому стилях для документального кіно і телебачення (прерогатива науки / науково-популярної / навчальної і т. ін. літератури та журналістики).

Відома дослідниця К. Райс відносить кіносценарії в окрему групу аудіо-медіальних текстів як таких, що "зафіксовані в письмовій формі, але які надходять до одержувача через немовне середовище в усній формі (мовній або пісенній), яка сприймається ним на слух; причому екстралінгвістичні допоміжні засоби в різній мірі сприяють реалізації змішаної літературної форми" [14: 211].

Важливим фактом є те, що кіносценаріїв одного фільму може бути декілька: на основі літературного сценарію за участю оператора-постановника і художника створюється режисерський (або монтажний) сценарій, який виконує функції виробничого та технічного проекту фільму [17: 30]. Також існують такі форми сценарію, як перший, другий, третій, попередній, остаточний і т.д. Цікавим є використання в сценарії авторських ремарок, що не мають словесного оформлення в готовому фільмі.

ЛІТЕРАТУРА

1. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е. Е. Анисимова / Е. Е. Анисимова. – М.: Академия, 2003. – 128 с.
2. Барабан Л., Дятчук В. Український тлумачний словник театральної лексики. – К.: Вид-во СВК, 1999. – 96 с.
3. Бернацкая, А. А. К проблеме «креолизации» текста : история и современное состояние / А. А. Бернацкая // Речевое общение : специализированный вестник / Красноярский гос. ун-т; под ред. А. П. Сковородникова. – Вып. 3 (11). – Красноярск, 2000. – С. 105–110.
4. Большакова, Л. С. О содержании понятия «поликодовый текст» / Л. С. Большакова // Вестник СамГУ. – Самара, 2008. – № 4 (63). – С. 19–24.

5. Іващенко В., Вайно М. «Кіносценарій» і «Кіновербальний твір»: диференціація термінопонять // Лексикографічний бюлетень: Зб. наук. пр. — К.: Ін-т української мови НАН України, 2004. — Вип. 10. — С. 61-65.
6. Игнатов, К. Ю. От текста романа к кинотексту: языковые трансформации и авторский стиль (на англоязычном материале): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / К. Ю. Игнатов. — М., 2007. — 26 с.
7. Ілленко Ю. Парадигма кіно / Юрій Ілленко. — К.: Абрис, 1999. — 416 с.
8. Кино: Энциклопедический словарь / Гл. ред. С. Юткевич. — М.: Сов. энциклопедия, 1987. — 640 с.
9. Лотман, Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю. М. Лотман. — Таллин: Ээсти Раамат, 1973. — 137 с.
10. Мартянова, И. А. Литературный киносценарий как тип нового текста / И. А. Мартянова // Русская культура в мировом культурном и образовательном пространстве: материалы конгресса. Санкт-Петербург, 15–17 октября 2008 г. / под ред. П. Е. Бухаркина, Н. О. Рогожиной, Е. Е. Юркова. — В 2 т. Т. 2, Ч. 2. — СПб., 2008. — С. 59–64.
11. Морозова (Назмутдинова) С. С. Принципы гармонизации смыслов креолизованного текста при переводе / С. С. Морозова (Назмутдинова) // III международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания. Казань, 23–25 мая 2006 г.: тр. и материалы: в 2 т. / Казан. гос. ун-т; под ред. : К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. — Казань, 2006. — Т. 1. — С. 99–101.
12. Потебня О. Думка й мова (фрагменти) / О. Потебня // Слово. Знак. Дискурс: [антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст. / за ред. М. Зубрицької]. — 2-ге вид., доп. — Львів: Літопис, 2001. — С. 34–52.
13. Почепцов, Г. Г. История русской семиотики до и после 1917 года / Г. Г. Почепцов. — М.: Лабиринт, 1998. — 336 с.
14. Райс К. / Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М., 1978. — С. 202–228.
15. Словник іншомовних слів / Уклад. Л. Пустовіт та ін. — К.: Довіра, 2000. — 1018 с.
16. Словник української мови: в 11 тт. / АН УРСР. Інститут мовознавства; за ред. І. К. Білодіда. — К.: Наукова думка, 1970—1980. — Т. 9. — С. 906.
17. Слышкин, Г. Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. — М.: Водолей Publishers, 2004. — 153 с.
18. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. — М.: Наука, 1990. — С. 180–181.
19. Сургай, Ю. В. Киноязык как особая сигнификативная система / Ю. В. Сургай // Наука и инновации 21 века: материалы VII открытой окружной конф. молодых ученых. Сургут, 23–24 ноября 2006 г. — Сургут: СурГУ, 2007. — С. 237–239.
20. Цивьян, Ю. Г. К метасемиотическому описанию повествования в кинематографе / Ю. Г. Цивьян // Труды по знаковым системам. — Вып. 17. Структура диалога как принцип работы семиотического механизма / под ред. Ю. Лотмана. — Тарту: Тартуский ун-т, 1984. — Вып. 641. — С. 109–121.
21. Цыбина, Л. В. Структура и параметрические характеристики кинематографического дискурса / Л. В. Цыбина // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты: межвузовский сб. науч. тр. — Саранск: Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 2006. — Вып. 5. — 120 с.
22. Чайковский, Р. Р. Кинодиалог с позиций стилистики текста / Р. Р. Чайковский // Проблемы лингвистического анализа текста и лингводидактические задачи: тезисы к VII зональному науч. совещанию. — Иркутск: ИГПИИЯ им. Хо Ши Мина, 1983. — Ч. 2. — С. 111–112.
23. Чайковский, Р. Р. Кинотекст и его конституенты / Р. Р. Чайковский // Психолого-педагогические и лингвистические проблемы исследования текста: тезисы докладов республиканской науч.-тех. конф., 26–29 июня 1984 г. — Пермь: Пед. общество РСФСР, 1984. — С. 163–164.
24. Чередниченко О.І. Про мову і переклад. — К.: Либідь, 2007. — 248 с.
25. Bashwiner, D. Interaction of Speech and Music in the Film Soundtrack / D. Bashwiner // Music and the Moving Image (Conference). Abstracts. — May 18–20. New York, 2007. — Pp.10–11.
26. Bubel, C. The linguistic construction of character relations in TV drama: Doing friendship in Sex and the City. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktors der Philosophie der Philosophischen Fakultäten der Universität des Saarlandes / C. Bubel. — Saarbrücken: Universitaet des Saarlandes, 2006. — 294 p.
27. Kozloff, S. Overhearing Film Dialogue / S. Kozloff. — Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 2000. — 332 p.

PSYCHOLOGY AND SOCIOLOGY

PECULIARITIES OF PERCEPTION SELECTIVENESS IN
PEOPLE WITH NICOTINE ADDICTION

Akhmatkhanova H.H.,

*a student of Pirogov Russian National Research Medical University (RNRMU),
major «Clinical psychology» Russia, city of Moscow*

Abstract. This article deals with one of the most important issue of contemporaneity, the problem of nicotine addiction. In our research we decided to explore the characteristics of attention in individuals with nicotine dependence.

Objective: to produce a comparative analysis of attention people with nicotine addiction and the norm. Thus, in the course of the study were obtained by the strong differences between the compared groups: people with nicotine dependence are characterized by lower levels of stability, selectivity, shifting attention. People with nicotine dependence have increased nervous tension, and therefore they are smokers. Psycho-emotional state (anxiety, excitement) participants, monitoring the experimenter could become factors affecting the results of the study.

The practical significance is that the results of this research can be used in the analysis of mechanisms to prevent nicotine addiction and the practical application of recommendations, assist psychologists. Theoretical significance: strengthening the knowledge about the effects of tobacco smoking on psychological development, namely the development of attention.

Preliminary results of this study were published in the International Conference of young scientists "Psychology of the XXI century: past and future" (20-April 23, 2015 onwards). We have increased the experimental and the control sample and received generally similar results.

In the future, we are planning a larger scale study to the attention of persons with addictive behavior.

Keywords: addictive behavior, nicotine addiction, attention, psycho-emotional state.

The nicotine addiction is one of the top problems nowadays. Nicotine is a narcotic drug with stimulating effect. As any other drug it causes a habit, dependence and addiction. It increases heart rates and blood pressure. The brain stimulation if followed by a sharp decrease up to depression that causes a desire to increase a drug dose. Such a two phase mechanism is characteristic of all narcotic stimulants: first they excite and then they exhaust. A complete refusal of smoking can be accompanied with a withdrawal syndrome for about 2-3 weeks as usual. The most frequent symptoms of nicotine withdrawal are irritability, sleep disorder, disturbance and reduced tonus. All these symptoms are not harmful for health and they fade and disappear by themselves. Renovation of smoking leads to a quick relapse of nicotine dependence (it is exactly the same how a new alcohol dose causes a disease relapse in former drunkards).

Nicotine addiction is widely spread among young people. Using narcotic drugs and also other psychoactive substances, cigarettes and tobacco among them, by under-aged and young people has become a real problem that is a serious threat for all population.

It is a great interest whether the attention level of people with nicotine dependence differs from the norm. At first let us define what we understand under attention. Attention is a target focus of perception on definite objects.

Earlier, at the Conference of young researchers «Psychology of XXI century: past and future» (20-23 April, 2015) we presented the preliminary results of our research with 60 participants: the experimental group was of 30 people and the control group consisted of 30 people.

We put a task to prove that the selective perception concentration of people with nicotine dependence was much different from the control group. We found out that the experimental group was characterized by a low level of attention stability and selectiveness. The methodical supply was not changed.

The research object is attention as a psychological process.

The research subject matter is peculiarities of attention in people with nicotine addiction.

The research goal is to perform a comparative analysis of peculiarities of attention in people with nicotine addiction to the norm.

The research hypothesis: ЛюдиThe people with nicotine addiction are characterized by a reliably lower level of attention stability (concentration, selectiveness, focus shift) than people without nicotine dependence.

The sample characteristic: 80 people at the age of 25 – 30years old took part in the research, among them 40 people with strong nicotine addiction (women - 20, men - 20; by Fagerström test the nicotine dependence is 7-10 points) and 40 people of the control norm group, among them 25female people, 15 male people.

The research methods:

1. Observation
2. Anamnesis collection
3. Clinical interview
4. Experimental-psychological research
5. Data processing.

The methodical provision:

1. Fagerström test «The nicotine dependence intensity»
2. Bourdon test «Dot cancellation»
3. Method «Calculation of E. Kraepelin»
4. Method of H. Münsterberg

The research results: To receive the reliable results the research was individual without any external interference and other factors that could affect the research results.

The results of research by the «Dot cancellation» Bourdon test 70 % of respondents (28 people) with nicotine dependence showed low level of concentration, shift and stability of attention (the correctness indicator is 45 %). While 30 % people showed a middle result. By this test 80 % of the examined people from the norm group showed a high result. The correctness indicator is 1: the number of crossed and underlined letters is 365, no missed or crossed by mistake letter. 20 % of the same sample showed medium level. The similar results were obtained by calculation of E. Kraepelin method: 70 % addicted respondents showed low level of stability, shift of attention and 30 % had a medium result. The lowest results were got in first five intervals. Most likely it proves the fact that a man is inattentive and cannot quickly get down to work. As for the norm the same 32 people showed high result and 8 - medium. By the method of H. Münsterberg during the limited time period (2 minutes) all addicted respondents were able to find 9 - 10 words among the letters text. It proves a low level of attention selectiveness. And 40 people of the norm group showed high result (21- 24 words were found).

The received results are similar to the results that were obtained by use earlier. So, the experimental group was characterized by the fact that 80% have lower concentration level, attention shift, all respondents have low level of attention selectiveness.

Thus, during the research we received the difference between the groups compared: the people with nicotine addiction are characterized by a lower level of attention stability, selectiveness and focus shift.

It should be noted that people with nicotine dependence are very nervous and tensed that is why they smoke. Psycho-emotional state of the respondents (anxiety) in experimenter's opinion could become the factors that influenced the research results.

In our further research we are planning to enlarge the sample and study the peculiarities of the selective focus of perception in people with different intensity of nicotine addiction.

To our mind the practical significance of our research is that the results can be used at the analysis of mechanisms to prevent the nicotine dependence and their practice use for recommendations to help psychologists.

Theoretical significance: enlarging knowledge of tobacco smoking and its influence on psychological development and attention development in particular.

REFERENCES

1. Психология XXI века: академическое прошлое и будущее: Материалы международной научной конференции молодых ученых, 20–23 апреля 2015 г. — СПб.: Скифия-принт., стр. 20.
2. Психологическая защита в чрезвычайных ситуациях: Учебное пособие/Под ред. Л. А.Михайлова. – СПб. : Питер., 2009. – 256 с.
3. Табакокурение. URL: <http://www.alcoholism.ru/smoking.html>. Дата обращения: 1.12.2015 г.

THE INFLUENCE OF EXCESSIVE TV VIEWING ON PSYCHO-EMOTIONAL STATE OF YOUTH AUDIENCE

Anatolii Vasilchenko

National Taras Shevchenko University of Kyiv,
Master in Neurophysiology, Institute of Biology

Gunay Abbasova

High school 6, Chernihiv, Ukraine
The senior pupils of a high school

Larisa Derevinskaya

High school 6, Chernihiv, Ukraine
schoolmaster of a high school

Darina Kashpur

National Taras Shevchenko University of Kyiv,
Bachelor of science, the Faculty of Psychology

Sergii Tukaiev

National Taras Shevchenko University of Kyiv,
PhD in Biology, Institute of Biology

Igor Zyma

National Taras Shevchenko University of Kyiv,
PhD in Biology, Institute of Biology

Youri Havrylets

National Taras Shevchenko University of Kyiv,
PhD in Journalism, Institute of Journalism

Nataliia Pogorilska

National Taras Shevchenko University of Kyiv,
PhD in Psychology, the Faculty of Psychology

Mukola Makarchuk

National Taras Shevchenko University of Kyiv,
Doctor of Science, PhD in Biology, Institute of Biology

Volodumur Rizun

National Taras Shevchenko University of Kyiv,
Doctor of Science, PhD in Journalism, Institute of Journalism

Abstract. The paper considers problems of the influence of TV news on psycho-emotional state of youth audience, and the extent to which psychological traits determine their propensity for television watching. We found that excessive TV viewing has been linked to the development of depression among the participants. There was an inverse correlation between the cognitive-affective and somatic symptoms of depression and the reward dependence, mediated by the noradrenergic brain system. The main independent determinants influencing excessive TV viewing were a high level of reward dependence and a lower level of novelty seeking (which reflects the activity of dopaminergic brain system). We argue that the propensity for watching TV and depression development can be predicted by psychological traits, related to the activity of monoaminergic brain systems.

Keywords: TV, monoaminergic brain systems, depression

Introduction

Nowadays modern society increasingly depends on mass media, which is accompanied by negative changes in mental health. The formation of psychological TV dependence is caused by several factors, including the need of information, individual and typological features or age. Excessive TV viewing is also associated with certain personality traits. In particular, people who identify themselves as heavy TV viewers are more neurotic, have a higher level of introversion and easily fall into boredom (12).

Rubin (17) identifies five main reasons for watching TV: to receive information, to entertain oneself, to join other viewers, a way to spend time and escape from reality, or suppress negative feelings. Such psychological parameters of "social compensation" as shyness, loneliness and low self-esteem positively correlate with aforementioned reasons to watch TV (6). TV-addictive individuals named the following reasons for excessive TV viewing: an escape from negative thoughts, a way to regulate mood or to fill their spare time (12).

A number of studies have linked TV watching, PTSD (post-traumatic stress disorder) and depression. For instance, among the witnesses and victims of Sept. 11, 2001, the frequency of watching TV was positively associated with PTSD and depression (1). Depressive personalities use TV viewing as a coping strategy (9) and try to retrieve information, necessary to solve a problem. In men, the rate of time spent watching news positively correlated with indicators of depression (16). Potts & Sanchez (16) suggest that the need for information can push depressed people to watch TV news more and more. The severity of depression in men positively correlated with the importance of such reasons as "avoiding loneliness" and "avoiding communication with others", and negatively correlated with such motives as "spending time with others" and "spending spare time" in general. In women, the severity of depression positively correlated with "avoiding loneliness" (16).

The psychobiological model of R. Cloninger is used to detect the influence of TV news on the emotional state of youth audience and the extent to which psychological traits determine their propensity for TV watching. The model includes four dimensions of temperament and three dimensions of character. Any addiction is characterized by social maladjustment and is associated with a number of environmental and genetic factors, which allows us to assume a link between certain genetic factors and dependence on the mass media. The Cloninger's Temperament and Character Inventory (TCI) was developed to investigate the neurobiological foundations for personality. It defines such heritable dimensions of temperament as novelty seeking, harm avoidance, reward dependence and persistence. They reflect features of automatic presemantic perceptual processing and unconscious procedural memories to concrete visuospatial structural information and affective valence. The differences between individuals in these fields correlate with their behavior in adolescence and adulthood (2, 3). Lee et al 2007 (10) demonstrated that teenagers with low rates of reward dependence, self-directedness and cooperativeness are more prone to internet addiction than the others. Zuckerman revealed links between reward dependence and the noradrenergic (NA) brain system (20): low levels of reward dependence and high dependence on external approval are associated with deviant behavior and such personality disorder as ludomania (13), drug addiction (5, 8), phobic disorders (19), and bipolar affective disorders types I and II (4). Individuals with low reward dependence and a high activity of noradrenergic brain system can be described as independent, cynical, socially separated, indecisive, insensitive to social signals and tend to spend time in loneliness. The low level of reward dependence was found to be associated with aggressive anti-social behavior (11, 14).

Potts, Dedmo & Halford (15) demonstrated that novelty seeking is a positive prognostic factor for time that people spend watching music videos, daytime talk shows, comedy programs, documentaries and cartoons, and a negative one for the time people spend watching TV news and drama. Novelty seeking directly reflects the activity of dopaminergic brain systems (7, 18, 20) and inversely – the activity of serotonergic brain systems (7). This is an important indicator that excessive TV news viewing can be associated with the activity of dopaminergic system, which is an innate characteristic of individual.

Purpose of the study

The purpose of research is to reveal the influence of TV news on psycho-emotional state of youth audience, the extent to which psychological traits determine their propensity for TV watching.

Sample

The survey included 42 persons (women and men).

The aim of the study was to reveal the influence of TV news on psycho-emotional state of youth audience, and the extent to which psychological traits determine their propensity for TV

watching. 42 healthy volunteers aged 14 to 17 years (the senior pupils of a high school in Chernihiv, Ukraine) participated in this study.

Methods

The participants recorded the time they spend watching TV news and commercials every day during the month in a special diary. We used Cloninger's Temperament and Character Inventory (TCI) and the Tridimensional Personality Questionnaire (TPQ), the Technique of Diagnostics of Ability to Predict by Regush, the School Anxiety Test by Philips, Beck Depression Inventory, the Technique of Diagnostics of a Potential of Communicative Impulsiveness by Losenkov, the Balanced Emotional Empathy Scale by Mehrabian and Epstein, the Method of Diagnostics of the Level of Empathic Abilities by Boyko, the Maddi Hardiness Survey (adapted by Leontyev) and the Emotional Intelligence Self-Evaluation by Hall.

Statistical processing of the obtained data was performed using the Wilcoxon rank criterion, Spearman rank correlation and multiple linear regression analysis (StatSoft STATISTICA 64, version 10.0.1011.0); differences were considered significant at $P < 0.05$.

Results

We found that excessive TV viewing has been linked to the development of depression among the participants. The low rates of TV viewing had a positive impact on the mental state of the individual: the refusal of TV viewing has led to a reduction of the general level of depression ($T = 26,00$, $p = 0,005$), both cognitive-affective ($T = 104,5$, $p = 0,003$) and somatic ($T = 49,00$, $p = 0,004$) symptoms of depression, and the increase of the flexibility of thinking ($T = 102,00$, $p = 0,021$). The correlation analysis demonstrated that the excessive viewing of TV news and commercials is associated with a negative channel of emotional empathy (capability for compassion and complicity; $r = -, 365$; $p = 0,004$ and $r = -0,46$; $p = 0,009$). We found also a direct correlation between the TV commercials viewing and the ability to predict ($r = 0,385$; $p = 0,022$) and mindfulness ($r = 0,448$; $p = 0,008$).

We found a positive correlation between watching to TV news and managing emotions (by Hall) and dependence (the reward dependence factor of the Cloninger's temperament dimensions) ($r = 0,447$; $p = 0,001$). Excessive TV news watching was inversely related to extravagance in approach to cues of reward ($b = -0,350$; $p = 0,04$) and novelty seeking ($b = -0,390$; $p = 0,02$). It was also positively related to the ability to predict ($b = 0,401$; $p = 0,02$) and mindfulness ($b = 0,467$; $p = 0,005$).

We found an inverse correlation between watching to TV commercials and the emotional channel of empathy ($r = -0,38$; $p = 0,03$), as well as the dependence on external approval ($b = -0,49$; $p = 0,004$). There was a direct correlation of watching to TV commercials with self-transcendence as an idea "I am a part of the world" ($b = 0,385$; $p = 0,02$).

We argue that the propensity for watching TV and development of depression is related to the activity of monoaminergic brain systems. The main independent determinants influencing excessive TV viewing were a high level of reward dependence and a low level of novelty seeking, which reflects the activity of dopaminergic brain system. The TV is not able to satisfy demand in newness among the participants with pronounced novelty seeking. As regards the propensity for watching TV, the participants with a developed ability to predict and developed mindfulness enjoyed watching TV and spent more time doing it.

Competing interests

The authors declare that they have no competing interests.

REFERENCES

1. Ahern, J., Galea, S., Resnick, H., Kilpatrick, D., Bucuvalas, M., Gold, J., & Vlahov, D. (2002). Television images and psychological symptoms after the September 11 terrorist attacks. *Psychiatry*, 65(4), 289-300.
2. Cloninger, C. R. (1999). A new conceptual paradigm from genetics and psychobiology for the science of mental health. *Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*, 33(2), 174-186.
3. Cloninger, C. R., Svrakic, D. M., & Przybeck, T. R. (1993). A psychobiological model of temperament and character. *Archives of general psychiatry*, 50(12), 975-990.
4. Engström, C., Brändström, S., Sigvardsson, S., Cloninger, R., & Nylander, P. O. (2004). Bipolar disorder: I. Temperament and character. *Journal of affective disorders*, 82(1), 131-134.
5. Evren, C., Evren, B., Yancar, C., & Erkan, M. (2007). Temperament and character model of personality profile of alcohol-and drug-dependent inpatients. *Comprehensive psychiatry*, 48(3), 283-288.

6. Finn, S., & Gorr, M. B. (1988). Social isolation and social support as correlates of television viewing motivations. *Communication research*, 15(2), 135-158.
7. Gerra, G., Avanzini, P., Zaimovic, A., Sartori, R., Bocchi, C., Timpano, M., ... & Brambilla, F. (1999). Neurotransmitters, neuroendocrine correlates of sensation-seeking temperament in normal humans. *Neuropsychobiology*, 39(4), 207-213.
8. Huang, W. L., Chang, L. R., Chen, Y. Z., Chang, H. C. W., Hsieh, M. H., Lin, C. H., & Lin, Y. H. (2014). The tridimensional personality of male heroin users treated with methadone in Taiwan. *Comprehensive psychiatry*, 55(5), 1220-1226.
9. Kleinke, C. L. (1988). The Depression Coping Questionnaire. *Journal of clinical psychology*, 44(4), 516-526.
10. Lee, M. S., Hong, S. D. D., & Joung, Y. S. (2007). Characteristics of temperament and character properties in adolescents with internet addiction tendency. *Journal of Korean Neuropsychiatric Association*, 46(1), 65-70.
11. McCord, J. (Ed.). (1992). *Facts, Frameworks, and Forecasts* (Vol. 3. Advances in Criminological Theory). New Brunswick, New Jersey, Transaction Publishers. 346 p.
12. McIlwraith, R. D. (1998). "I'm addicted to television": The personality, imagination, and TV watching patterns of self-identified TV addicts. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 42(3), 371-386.
13. Nordin, C., & Nylander, P. O. (2007). Temperament and character in pathological gambling. *Journal of Gambling Studies*, 23(2), 113-120.
14. Parnas, J., Licht, D. and Bovet, P. (2005) Cluster A Personality Disorders: A Review, in *Personality Disorders, Volume 8* (eds M. Maj, H. S. Akiskal, J. E. Mezzich and A. Okasha), John Wiley & Sons, Ltd, Chichester, UK.
15. Potts, R., Dedmon, A., & Halford, J. (1996). Sensation seeking, television viewing motives, and home television viewing patterns. *Personality and Individual Differences*, 21(6), 1081-1084.
16. Potts, R., & Sanchez, D. (1994). Television viewing and depression: No news is good news. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 38(1), 79-90.
17. Rubin, A. M. (1983). Television uses and gratifications: The interactions of viewing patterns and motivations. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 27(1), 37-51.
18. Ruegg, R. G., Gilmore, J., Ekstrom, R. D., Corrigan, M., Knight, B., Tancer, M., ... & Golden, R. N. (1997). Clomipramine challenge responses covary with Tridimensional Personality Questionnaire scores in healthy subjects. *Biological Psychiatry*, 42(12), 1123-1129.
19. Sellman, J. D., & Joyce, P. R. (1996). Phobic disorders are associated with temperament in alcoholic men. *Australasian Psychiatry*, 30(1), 110-113.
20. Zuckerman, M. (1994). *Behavioral expressions and biosocial bases of sensation seeking*. New York, Cambridge University Press, 480 p.

International Scientific and Practical Conference “WORLD SCIENCE”

№ 1(5), Vol.4, January 2016

MULTIDISCIPLINARY SCIENTIFIC EDITION

**Proceedings of the IInd International Scientific
and Practical Conference
"Scientific and Practical Results in 2015.
Prospects for Their Development
(December 23 – 24, 2015, Abu-Dhabi, UAE)"**

Passed for printing 30.12.2015. Appearance 10.01.2016.

Typeface Times New Roman.

Circulation 300 copies.

Publishing office ROSTranse Trade F Z C company - Ajman - United Arab Emirates 2016.